ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О СИБИРИ

— ответ всем тем, кто ничего не знает о Сибири, кто по-старому ищет там только экзотические мотивы, кто знает только о том, что в Сибири существуют тайга и морозы, что Сибирь „далеко". Пусть узнают и они, что в Сибири имеется Кузнецкий бассейн, мощнейший в мире по своим запасам угля, который дает миллионы тонн угля и кокса в год и скоро начнет давать десятки и сотни миллионов тонн; что в Сибири строятся величайший в мире завод комбайнов и с.-х. машин, Кузнецкий металлургический завод, Кемеровский коксо-химический завод, крупнейшие совхозы и колхозы. Пусть узнают!

А отсюда и название сборника.

Цена 1 р. 50 к.

Что вы знаете о Сибири?

33с5
Ч 80

К
30292
Н

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О СИБИРИ

— это сборник очерков о той гигантской стройке, которую рабочий класс и колхозники, под руководством коммунистической партии, ведут в Западной Сибири.

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О СИБИРИ

— это не вся стройка. Для этого мало одного сборника. Здесь читатель найдет только небольшую часть стройки; отдельные моменты ее. Но и эта небольшая часть дает некоторое представление о том, как на деле строится социализм.

Поэтому:

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О СИБИРИ

— ответ всем нытикам, маловерам, оппортунистам, вредителям и интервентам.

Сколько бы они ни ныли, ни тормозили социалистического строительства, ни вредили — мы строим по-новому промышленные гиганты, мы строим по-новому сельское хозяйство. И будем строить!

Что вы знаете о Сибири?

ка решили!
Не знаю! — ответила она, невольно вздохнув.
Положив ей на плечо тяжелую руку и приблизив
ней лицо, Николай заговорил:
Ты скажи им — они тебя послушают — очень
гко это! Ты гляди сама, вот — стена тюрьмы,
коло фонарь. Напротив — пустырь, налево — клад-
ище, направо улицы, город. К фонарю подходит
онарщик — днем, лампы чистить — ставит лестницу
стене, влез, зацепил за гребень стены крючья вере-
чной лестницы, спустил ее во двор тюрьмы и —
ш! Там, за стеной, знают время, когда это будет
попросят уголовных устроить шум или
кому надо, в это время по лестнице
ва — готово!
лицом матери руками, рисуя
ходило просто, ясно, ловко.
еуклюжим. Глаза Николая

Кн. 302992

16

П 81
33с5
4-80

Что вы знаете о Сибири?

5
3
Тюменская Центральная
БИБЛИОТЕКА
Абонемент
К 130292.

Очерки о
кузнецкстрое
коксострое
сибкомбайне
совхозах
колхозах

Запсиботделение
1931

КОНСТРУКТОР КНИГИ
ЗОРА ГАНДЛЕВСКАЯ
ХУДОЖНИК
АНДРЕЙ НИКУЛИН

К
11415

42600

Уполсибкрайлито № 15 от 18 января 1931 г. Новосибирск.
Полиграфтрест. Зак. № 5940.
Тир. 5 000

П. СТРИЖКОВ

ЗАВОД ЧЕРНОГО МЕТАЛЛА

ТАМ, ГДЕ БЫЛА ПУСТОШЬ

На каждой станции, начиная с Юрги, поезд штурмовали толпы людей в домотканных азямах, с огромными мешками, набитыми чем-то мягким. Бородатые мужчины, озлобленно толкаясь, лезли в вагоны, а за ними, с детьми на руках, следовали полногрудые женщины, глаза которых, из-под цветных платков, смотрели растерянно и покорно.

Было похоже, точно где-то поблизости находится фронт, от огненного дыхания которого мирные жители деревни шарахнулись и побежали, захватив только жен и детей.

Станции Кольчугинской ветки имели мирный вид и нигде не слышалось грома орудий, но дыхание фронта чувствовалось ежечасно.

Этот фронт — фронт труда и он не сеет ужаса: люди штурмуют поезда, идущие на юг, к берегам Томи, где строится металлургический завод.

В конце знойного августовского дня, когда кровавый глаз солнца готовился закрыться, в окне вагона замелькали длинные ряды палаток, проплыли красные каменные цеха, высокие новые трубы, показался крошечный вокзал с надписью «Кузнецк».

В вагоне встрепенулись, взволнованно приникли к окнам:

— Неужели... неужели трубы уже поставили?

— Да нет же... Что вы? Это только кирпичный завод. Временный.

Из ворот этого подсобного завода за год вывезено 19 миллионов штук кирпича. Для переброски годовой продукции завода требуется 4225 вагонов. Этим количеством кирпича можно вымостить дорогу от Новосибирска до Иркутска, но его для строительства Кузнецкого завода нехватает: в строительном сезоне 1930 г. было привезено с различных заводов еще 8 миллионов кирпичей.

Заводская площадка замыкалась громадной подковой гор, которые в лиловых сумерках казались черными. Быстро надви-

галась ночь. Влево от станции, где смутно белели ряды новых построек, зажигались огни. Они вспыхивали по одному, по два, загорались рядами светлых точек, и, наконец, эти мерцающие белые огни захватили всю внутренность подковы.

В ночной мгле сверкал огнями целый город и было странно сознавать, что еще нынче весной здесь было ровное место, на котором стояло только два десятка бараков.

Телега тащилась сначала пустырем, потом перешла на шоссе, по бокам которого тянулись ряды больших освещенных окон.

— Нижняя колония — об'яснил возница.—Здесь живут рабочие. Магазины тоже здесь, баня, больница.

Вправо и влево от главного шоссе нижней колонии темнели провалы улиц, а в домах слышался говор людей и раздавались звуки гармоник.

Проехав колонию, телега попадает в глубокие земляные выработки, залитые ослепительным светом электрических фонарей. Справа над огороженным участком стоит белое зарево, слышится работа машин, свистки паровозов и звон цепей.

— Мартеновский цех. Работа в две смены.

На территории цехов шоссе пять раз пересекает заводские железнодорожные пути, поднимается немного в гору и сворачивает в длинную, освещенную улицу. Двухэтажные большие дома, тротуары, палисадники, — такова верхняя колония — жилища административно-технического персонала строительства.

В доме для приезжающих мне дали койку в комнате, где помещались двое: техник и мастер котельного цеха. В ожидании «настоящих» квартир, они живут здесь уже несколько недель.

Едва я успел смыть с лица дорожную пыль, как в общежитие ввалился высокий мужчина, нагруженный элегантными чемоданами, портпледами, баулами. За ним, с подобным же грузом, вошла женщина.

Мужчина был курчав, черноволос, разговорчив. Его сильный, недовольный голос немедленно заполнил все уголки общежития:

— Безобразие! Это чорт знает что! В Ленинграде меня заверили, что квартира мне готова. Беру жену, приезжаю — и здравствуйте: в мужское общежитие!

— Ведь это временно — басит котельный мастер.

— Конечно, здесь я жить не буду. Если не дадут квартиру, завтра же покупаю билет и уезжаю обратно.

Черноволосый мужчина оказался инженером - строителем, подписавшим контракт на работу в Кузстрое. Мы легли спать на соседних койках и долго ворочались, воюя с кровожадными клопами.

Утром вся местность была окутана туманом. Из плотной

мглистой пелены глухо доносились стук топоров, гроханье железа, тарахтенье сотен телег, пронзительные рожки автомобилей.

Потом, сразу, пелена тумана поднялась, и, колыхаясь, поползла к небу. В блеске солнечных лучей открылась обширная панорама строительства. На площади в три километра шириной и длиною в пять километров кипела работа. Остовы серых цехов чередовались с желтыми провалами котлованов и черными линейками железнодорожных путей. По всем направлениям виднелись движущиеся точки—уменьшенные расстоянием фигуры людей и коней. На южной стороне площадки, у подножья горы, высились каменные трубы кирпичного завода. Из труб медленно тянулись черные струи дыма и тихо таяли на голубом фоне ясного утреннего неба.

Кузнецкстрой клокотал в котле бурной работы. Ощущая это клокотание, угадывая напряжение десятков тысяч людей, строящих гигантский завод, — я вспомнил слова поэта Итина:

«Радостно жизнь творить»...

ДОМЕННЫЙ ЦЕХ

По деревянным лесам я поднимаюсь на железобетонное сооружение, высотою с хороший дом. На языке металлургов и строителей это называется фундаментом кауперов.

На площадке ровной, точно асфальтовый тротуар, один за другим расположены большие выпуклые восьмиугольники из бетона. На этих восьмиугольниках будут стоять каупера — громадные железные цилиндры высотою по 25 метров. В кауперах будет нагреваться воздух для подачи в доменную печь.

Оболочка кауперов — полукруглые железные листы толщиною в 2 сантиметра—лежат внизу, на земле. Звенья оболочки поднимут кранами на домну и тогда под умелыми руками котельщиков каупера начнут расти.

Дальше, где кончается фундамент, высится основание доменной печи. Оно напоминает большой, выложенный бетоном, бассейн, на дно которого уложено железное кольцо. Кольцо весит 30 тонн и на домну его подавали паровыми кранами прямо с вагонов.

Гудит паровой кран, голубая, ажурная стрела медленно поворачивается и легко переносит на домну железную десятитонную колонну.

Этих колонн — восемь. Они устанавливаются на нижнее кольцо и будут поддерживать другое кольцо — кольцо Марата. Колонны свяжет толстый железный кожух и тогда котельщиков сменят каменщики, которые оденут кожух огнеупорной одеждой из белого шамотового кирпича.

От одного конца доменного цеха до другого — 300 метров. Домна № 1 уже сбросила опалубку — деревянные формы, заливаемые бетоном. На домне № 2 днем и ночью идут железобетонные работы. Через две недели после окончания бетонной кладки — и эта домна сбросит опалубку и тогда контуры основного цеха гигантского завода будут отчетливы и ясны.

Над основанием домны, где скрежещет и воет автоматическая бетономешалка, возвышается под'емник бетона. Влево, недалеко от бетономешалки высокой горой лежат бочки, в которых был цемент, а вдоль домны, рядом с рельсами тянется длинный склад гравия.

Участок постройки домны густо опоясан сетью узкоколейных дорог, по которым вагонетками подвозится и перевозится строительный материал.

Двое рабочих подвозят к бетономешалке вагонетку с гравием и цементом, опрокидывают ее в люк, который поворачивается и высыпает смесь в большой барабан. Барабан вращается с оглушительным шумом, и в это время в него автоматически вливается нужное количество воды. Через полминуты в барабане образуется жидкий бетон. Барабан наклоняется в другую сторону, жидкая смесь с треском ссыпается в ковш. Гудит лебедка, ковш быстро скользит в под'емнике наверх. Вверху, на лесах бетон пересыпают в вагонетку и отвозят туда, где бетонщики заливают им пустотелые досчатые стены.

Внутри фундамента кауперов проходит длинный тоннель, высотою в полтора человеческих роста. Свежие бетонные своды гулко отбрасывают шум шагов и скупо отражают свет электрических ламп.

Когда домна начнет работать,—в этом тоннеле заплещется море огня, дыма и газов, которые колоссальной тягой будут уноситься в трубу. Я стараюсь представить зеленоватые бетонные стены раскаленными, замыкающими громадную, непрерывную струю огня и мне становится непонятным — почему этому огнепроводу дали прозаичное название «боров».

Боров кончается трубой. Хотя трубу еще кладут, но снизу она и сейчас кажется длинным круглым колодцем, упирающимся в небо. Ежедневно труба вырастает на полтора метра, и ее видно с любой точки заводской площадки. Когда же трубу закончат, то ее верхушка, поднявшаяся на 76 метров, будет видна на далекое расстояние.

По скобам, вбитым в наружную стенку трубы, спускается мастер Пшенев, высоченный, плечистый, с рыжими волосами.

Пшенев, как и его четыре товарища, с которыми он кладет трубу-великана, выписан из Москвы. Я смотрю на его огромные руки с потрескавшимися ногтями и спрашиваю:

— Сколько труб сложили вы за свою жизнь?

Я ожидал услышать — тридцать, сорок. Но Пшенев смеется и рыкающим басом отвечает:

— Столько, сколько волос на голове. Трудно сосчитать. Я за этот сезон уже четвертую трубу ставлю.

— Правда ли, что высокие трубы качаются?

Лицо трубного мастера становится серьезным, почти торжественным:

— Да, всегда качаются. Как выше тридцати метров, так она начинает качаться. Вернее, ходить кругом. Всякая, правильно сложенная труба, обязательно качается. А если не качается, значит упадет.

Я представляю людей, работающих на вершине качающейся трубы, и мне становится жутко.

Я удивился быстроте, с которой идет кладка трубы.

— Мы ударники — ответил Пшенев и в голосе его звучала неподдельная гордость.—Каждый из нас укладывает в день по 1300 кирпичей.

Я с восхищением посмотрел на этих трубокладчиков, ибо норма выработки на простой, несложной кладке стен — только 400 штук. Они же, на качающейся, тесной трубе, при постоянном ветре, укладывают по 1300!

Внутреннее пространство доменной печи — это два усеченных конуса, сложенных основаниями так, что они напоминают ламповое стекло.

Когда печь разжигают впервые, то сначала засыпают один кокс, а потом, когда огнеупорные стены раскалятся — добавляют руду.

В домне руда при температуре свыше 1000° обжигается и превращается в чугун, который при дальнейшем нагревании плавится. Расплавленный чугун, имеющий температуру 1700°, спускается через нижнее отверстие печи и льется раскаленной добела струей, разбрызгивая фонтаны искр.

Подсыпание руды и кокса и выплавливание ведется непрерывно до тех пор, пока печь не потребует ремонта или истощатся запасы руды.

В случае внезапного прекращения работы домны, расплавленный металл застывает внизу печи громадной глыбой, называемой «козел». Чтобы вынуть козла, печь приходится разрушать и вся эта процедура связана с огромными расходами.

Пройдет двенадцать месяцев, и домны задымят, из них ринется первый, ослепительно сверкающий чугун, в доменном цехе начнут работать 750 рабочих, одетых в огнестойкую одежду и зеленые очки.

Когда я прочту в газетах радостную весть о том, что Куз-

нецкий гигант дал первые тонны чугуна,—я вспомню о том, как ходил по длинному тоннелю с прозаичным названием «боров». Я подумаю о том, что в этом тоннеле плещется море огня, а его огнеупорные стены белы от жара.

«ДЯДЯ МАРТЫН»

По лицу землекопа, из-под просалившейся от времени тюбетейки ползли мутные капельки пота, стекали по щекам и оставляли на них грязные полоски.

— А как мне пройти на мартеновский цех?

Землекоп щурит раскосые глаза, потом его скуластое, кирпичневое лицо освещается улыбкой:

— На дядю Мартын? А, вон, перейди через канавы, потом направо.

«Канавы» оказались гигантским котлованом будущей силовой электростанции, которая мощностью превзойдет Волховстрой. Для сооружения этой станции нужно вынуть 60 тысяч куб. метров земли, что составит 6 тысяч вагонов.

Человека, приближающегося к месту постройки мартеновского цеха, охватывает разочарование: большой участок огорожен невысоким барьером из теса, часто стоят столбы с электрическими фонарями, возвышаются какие-то два больших красных крана, на южной стороне постройки маневрирует паровоз.

Именно с таким чувством я подошел к изгороди из свежих, пахнущих смолой досок. Это было неожиданно. Передо

«...где кончается фундамент, высится основание доменной печи».

мной точно раздернули занавес и внизу предстала картина огромной, сложной работы.

Дно котлована цеха, где многие десятки бетонщиков складывали массивные колонны, было точно в пропасти. Желтые, обрывистые стены, причудливые машинные выработки, громадные выемки, траверсы высились точно бастионы и фантастические замки, поражали и подавляли своей мощностью.

На южной стороне цеха возвышаются два больших деррик-крана, какими в портах производят погрузку и разгрузку судов. Кран — железный, но его длинная стрела и длинные упоры ажурны, как ажурны фермы железнодорожных мостов.

Стрела наклонена под углом в 45°, и стальные канаты соединяют ее с паровой машиной, приводящей в действие кран. С конца стрелы свисает на тросах большой железный ковш, копающий землю.

Сбоку крана, в небольшой деревянной будке, где помещается машина, сидит рабочий — рычажник, руководящий работой этого громадного железного чудовища.

Не спуская глаз со стрелы, рычажник нажимает рычаг. Ковш медленно опускается на дно котлована, и его раскрытые челюсти, сжимаясь, захватывают почти тонну земли. Тогда нажимается другой рычаг, ковш поднимается, стрела со скрежетом и воем вращается и несет ковш к платформе. На мгновение стрела замирает в воздухе, потом челюсти ковша раскрываются и на платформу глухо падает земля.

Дважды в день приходит паровоз и уводит платформы, на-

«...звенья оболочки поднимут кранами на домну, и тогда каупера начнут расти».

груженные землей. Дважды в день, ибо каждый из кранов в смену подает 25 вагонов земли, заменяя труд 125 землекопов.

Инженерам, строящим мартеновский цех, следовало бы иметь при себе бинокли, чтобы наблюдать за строительством: длина цеха 430 метров и на всем этом расстоянии ведутся работы. Здесь 20 часов в сутки работают 1100 человек, и цифры, которыми определяется работа, проделанная этими людьми, действуют оглушающе. На мартеновском цехе уже вынуто 14 тысяч вагонов земли и до наступления зимы будет вынуто еще 6 тысяч.

По цеху, среди путей узкоколеек и вагонеток, стоят странные серо-голубые машины, чем-то напоминающие крокодилов, поднявшихся на передние лапы. Техник об'ясняет, что это — транспортеры, механизмы для подачи земли.

Устройство этого механизма несложно: на бесконечную движущуюся резиновую ленту бросается земля и транспортер уносит ее прямо в вагоны.

Строители завода спешат к осени закончить земляные работы, чтобы производить кладку зимой в тепляках. Шестнадцать транспортеров, присланных на Кузстрой Одесским машиностроительным заводом, должны бы помочь ускорению земляных работ. Но транспортеры стоят.

— Не лезет ни в какие ворота — разражается бранью производитель работ. — Транспортеры прислали, а цепи к ним нет. Без цепей транспортеры работать не могут, а сделать их здесь нельзя. Вот и стоят, хотя нужны дозарезу.

Позднее я все-таки увидел, как на широкой ленте резины ползла желтая масса земли: недостающие цепи заменили ременной передачей, переделав шкивы.

Котлован цеха состоит из двух уступов и высота глубокого равна высоте пяти человек. Здесь начата кладка основных колонн, которые будут выдерживать колоссальную нагрузку в 2 тысячи тонн.

Каждая из этих колонн весит 43 тонны и будет поддерживать тридцатиметровую балку для основного крана. Этот кран — самый большой в цехе — будет в состоянии переносить с места на место тяжести в 800 тонн.

Трое котельщиков высокой квалификации, под наблюдением инженера сосредоточенно выверяют уровень железного якоря, заливаемого на дне колонны. Малейшее отклонение глазка ватерпаса вызывает тревогу и новое выравнивание металлической основы колонны. Здесь, как и на домне, нужна величайшая точность. Внимательность и добросовестность строителей вселяют уверенность, что грандиозные цеха, которые они строят, будут прочны и долговечны.

С промежутками, правильными, как удары маятника, разда-

ется скрежещущий рокот бетономешалки. Рабочие, напрягаясь всем телом, отвозят вагонетки с жидким бетоном туда, где идет кладка тридцати восьми колонн, назначение которых — поддерживать тяжесть перекрытий этого колоссального цеха.

Этот длинный ряд малых колонн ставится на мелкой части котлована — среди сети узких рельсовых путей, между серых груд бочек из-под цемента и железных скелетов арматуры.

В мартеновском цехе, где будут пылать громадные массы расплавленного железа, где двенадцать мартеновских печей будут излучать нестерпимый жар, — в этом цехе не будет ни одного кусочка дерева. Мартеновский цех строится из бетона, стекла и железа. Это будет огромное огнеупорное здание, на сооружение которого требуется 19 тысяч тонн металла.

Две домны Кузнецкого металлургического завода будут выбрасывать огромные массы чугуна. Но завод должен давать стране не чугун, а железо и сталь. Переработка чугуна будет производиться в мартеновском цехе по способу, изобретенному 70 лет назад инженером Мартеном.

В мартеновскую печь загружают чугун, добавляют лом или обрезки железа и при очень высокой температуре расплавляют, а потом выжиганием удаляют примеси, которые были в чугуне.

Нагревание мартеновских печей до 1500° производится доменным и коксовым газами.

Металл в жидком виде из печи выпускается в ковш, а из ковша разливается в чугунные формы, где застывает в виде болванок, которые поступают на станки в прокатный цех.

Мартеновский цех, в который будут входить целые поезда, должен принять в сутки 4500 тонн металла. Это составит 250 вагонов!

Для того, чтобы мартеновские печи на будущий год могли выплеснуть первую жидкую сверкающую сталь, для этого сейчас тысяча человек работают не только днем, но и ночью при свете электрических фонарей.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДЕРЕВНИ

На большой площадке, опоясанной подковой зеленых гор, стояли крепкие избы из толстых лиственных бревен. В лиственных избах жили крепкие бородатые люди, сеявшие хлеб и ездившие в Кузнецк к каждой обедне.

С незапамятных времен эту деревню назвали Черноусовой и под этим именем ее можно и сейчас найти на картах б. Кузнецкого округа.

Собираясь ехать на Кузнецкстрой, я вспомнил, что завод

строится где-то вблизи Черноусовой и что в этой Черноусовой живет мой приятель.

После утомительной поездки заманчиво попасть к приятелю, живущему в деревне, помыться в бане и выспаться на душистом сене.

На вокзале я сказал возчику:

— Сколько возьмешь до Черноусовой?

— До какой Черноусовой? — удивился он.

— До деревни Черноусовой. Ты не здешний, что ли?

— Как не здешний? Здешний. А Черноусова была, да вся вышла.

— Куда вышла?

— А туда. Нету Черноусовой.

Я решил, что познания мои в географии недостаточны, и возчик повез меня на верхнюю колонию. Когда мы проезжали по освещенным улицам, мимо высоких каменных домов, белевших лесами, возница ткнул в темноту кнутовищем и сказал:

— Вот здесь и была Черноусова.

На том самом месте, где стояли листвяжные избы, сейчас строится металлургический завод.

В однообразные, мирно катившиеся крестьянские дни вторглись беспокойные, крикливые люди города. Они бурили землю, что-то вымеряли, высчитывали, записывали...

Пробежали недели, и однажды на собрании граждан председатель сельсовета сказал:

«Основание домны напоминает большой, выложенный бетоном, бассейн».

— Здесь будут строить завод. А нам всем отсюда надо выметаться.

Черноусовой больше нет. Нет даже ее следов, потому что государство отвело черноусовцам другие наделы и оплатило все расходы по переезду хозяйств.

Земельный участок, на котором будут построены завод и новый социалистический город, занимает 5664 гектара; на этой громадной территории находились три деревни: Черноусова, Бессонова и Красная Горка. Теперь этих деревень нет, они перенесены на новые места.

Крестьяне, ворчавшие сначала, не желавшие уходить с насиженных мест, сейчас довольны: новые места оказались лучше.

Строящиеся цеха растянулись, сломаной в одном месте линией, на 3 с лишним километра. Ширина заводского двора, считая и железнодорожные пути, полкилометра. Таковы размеры нашего металлургического гиганта.

Западная часть завода начинается коксовым цехом, в котором из смеси араличевских и осиновских углей будет выжигаться в год полмиллиона тонн прекрасного кокса.

Сейчас для коксового цеха делается котлован и выравнивается площадка. Прежде чем начать постройку этого цеха, длина которого будет 300 метров,—нужно вынуть и вывезти 560 тысяч куб. метров земли. Зимой котлован покроют тепляком и начнут класть стены: строители хотят победить сибирский климат.

«Ежедневно труба домны вырастает на полтора метра».

Рядом с коксовым цехом желтеют глубокие обрывы котлована силовой электростанции, источника энергии, которая должна приводить в действие бесчисленное количество механизмов будущего завода и освещать цеха и город.

К югу от силовой электростанции, там, где сейчас темнеют толевыми крышами временные склады строительных материалов, будет построен огромный склад железной руды, а рядом со складом упрутся в небо трубы доменного цеха.

Мартеновский цех, непосредственно связанный с доменным, строится в линию после домен. От мартеновского цеха линия цехов делает поворот на северо-восток.

Следующий цех — прокатный, в котором будут делаться рельсы, балки, полосовое и листовое железо.

Сейчас на месте прокатного цеха растут чахлые березы, между которыми резвятся дети рабочих. Но придет время, когда здесь будут воздвигнуты стены колоссальнейшего строения в 1 квадратный километр. Квадратный километр, покрытый одной крышей, уставленный сотнями станков, наполненный грохотом работы с сотнями тонн металла!

Воображение бессильно представить себе этот колоссальный цех, в котором будет работать 3500 рабочих.

Дальше начинаются подсобные цеха. Высится почти достроенный ремонтно-котельный цех, который осенью начнет работать. Его серо-зеленое бетонное тело еще одето белой одеждой лесов. Но скоро эти временные покровы спадут, и цех взглянет на заводскую площадку сотнями больших окон.

Над хаосом штабелей бревен и досок, недалеко от мартеновского цеха виднеется невысокое двухскатное строение. Оно не вяжется с прямоугольниками стен заводских построек.

— Что это? — спрашиваю черноволосого, бородатого инженера Чиркова.

— Это один из второстепенных цехов — ремонтно-строительный.

Мы подходим к двухскатному строению, и я с удивлением вижу, что это — крыша двухэтажного каменного цеха, построенного в земляной выемке. Я стою на твердой земле, и ноги мои находятся на уровне с потолком верхнего этажа.

Чернобородый инженер любуется моим недоумением и только потом об'ясняет:

— Все цеха должны быть на одном уровне — иначе поездам нельзя будет ходить по заводу. В этом месте почва выше и ее нужно снять. Чтобы не терять время на выравнивание почвы, сделали котлован нужной глубины и построили в нем цех. А выровняем местность потом, на будущий год. Тогда цех будет стоять не в земле, а на земле.

ЗАВОД ШАМОТА И ДИНАСА

В самом конце трехкилометрового ряда цехов громоздятся высокие леса, торчат кружевные под'емники бетона, высятся длинные кирпичные корпуса. Двадцать часов в сутки здесь кипит ударная работа, с каждым днем растут стены и удлиняются корпуса.

В конце заводской площадки строится шамото-динасовый цех, цех огнеупорного материала.

В домнах, в мартеновских цехах, в нагревательных печах прокатного цеха температура настолько высока, что обыкновенный красный кирпич ее не выдерживает. Поэтому в металлургии железа применяется огнеупорный материал: шамот и динас.

Шамотовый кирпич делается из особых сортов огнеупорной глины и выдерживает температуру до 1500°. Он употребляется на строительство домен, частично мартеновских печей, на обмуровку паровых котлов.

Динасовый кирпич делается почти из одного кварца и может выдерживать температуру до 1700°. Динас идет на постройку мартеновских печей.

Советский союз испытывает недостаток в шамоте и динасе, поэтому потребность в огнеупорном материале Кузнецкий завод должен покрыть собственным производством.

Если во-время не будет построен огнеупорный цех, то сорвется строительство металлургических цехов. Поэтому-то все внимание и вся энергия строителей и рабочей общественности направлены на скорейшую достройку завода шамота и динаса, поэтому сюда брошены главные массы квалифицированных каменщиков.

Под напором коллективной энергии, корпуса ежечасно растут и к концу 1930 года огнеупорный цех уже начнет обжигать первые огнеупорные кирпичи.

Ночью гора за верхней колонией сверкает множеством белых огней, оттуда доносится рокочущий гул. Горы не видно и кажется, что огни вздрагивают и переливаются в туче, издающей далекий гром.

Ночью гора выглядит таинственной; а работа с фонарями—загадочной. Солнечный свет прогоняет таинственность: освещенная гора оказывается каменным карьером, где для нужд строительства добывается бутовый камень.

У подножья горы друг за другом протянулись длинные эстокады и уперлись в насыпь железнодорожных путей. От каждой эстокады, круто вверх, идут деревянные настилы и лестницы.

В полугоре отчетливо виден высокий деревянный барьер,

ограждающий неширокую, но длинную площадку. А выше, почти у вершины люди ломами добывают каменные плиты и швыряют их вниз.

Брошенный камень с дробным треском катится по россыпи, подпрыгивает, захватывает другие камни, вниз мчится грохочущая каменная лавина и с треском обрушивается на деревянный барьер.

С эстокады вверх ползет большая железная вагонетка. Ее тянет толстый стальной канат, она медленно лезет в гору, неслышно скользя по рельсам.

Через эстокаду проходят двое рабочих с ломами. Они идут неторопясь и равнодушно поглядывают на ползущую над их головами вагонетку.

— К чорту с эстокады! — рычит десятник и отчаянно машет рукой.—Сорвется — в лепешку расшибет, и собрать нечего будет!...

— Чортова работка, откровенно сказать — жалуется десятник.—Ведь камень ломать, это не стены класть. Ворочают ребята ломами да отправляют вниз. Половину работы камень за себя сам делает — летит себе с горы и никаких. И то ладно.

Нагруженная камнем вагонетка отрывается от барьера и начинает скользить вниз. Точно гигантское насекомое, она долго ползет по крутому склону, доползает до эстокады и останавливается.

Отдергивается крышка люка и на платформу, стоящую на

«... вагонетку отвозят туда, где бетонщики заливают пустотелые стены».

рельсах под эстокадой, с грохотом и треском сыплются серые, остроугольные камни.

— Хорошо, что камень под самым боком строительства — говорю я десятнику каменного карьера.

Его утомленное, озабоченное лицо оживляется и когда он говорит, то при каждом слове подталкивает меня локтем:

— Еще бы не хорошо... Это нам строительство удешевляет. Карьер рядышком. Да не только камень под боком. Гравий тоже рядом — на берегу Томи, и песок близко. Это, знаете, редкость, что и камень, и песок, и гравий — все на месте. Ведь их надо прорву на такой заводище... Ну-ка, ежели бы их возить далеко, сколько бы это денег стоило... А у нас — рукой подать.

К платформам, груженным камнем, подходит паровоз с надписью «Кузстрой». Лязгают буфера, когда паровоз прицепляется к составу, в гору ударяется пронзительный свисток, далеко за Томью откликается эхо. Погромыхивая на стыках, состав идет туда, где из земли вырастают цеха.

ПЕРЕДЕЛКА ЛЮДЕЙ

Невозможно поверить, что эти громаднейшие выемки в земле сделаны человеческими руками, как трудно представить, что на месте этих котлованов будет стоять цех. Коксовый цех будущего металлургического завода.

«..на домне № 2 днем и ночью идут железобетонные работы.

Котлован вырабатывается уступами, и глубина его равна росту двух человек. Отвесный борт начинается толстым слоем чернозема, а ниже идет сплошная плотная желтая глина.

Во время дождя в этой глине ноги вязнут точно в клее, но строители восторженно говорят:

— Здешний грунт — идеальный для постройки завода. Уж он не осядет во-веки, не беспокойтесь.

В бортах сделаны частые, пологие выезды, по которым грабари на тачанках вывозят землю.

Грабарь — это человек, тачанка и лошадь. Кажется невероятным, что несложное сочетание человеческих мускулов, лопаты и тачанки может в результате дать изумительный эффект, какой они дают на земляных работах.

Вся масса земли из котлованов основных цехов вынута землекопами и вывезена «сивкой». Более полмиллиона тонн земли уже перевезено лошадьми на площадке Кузнецкстроя, а впереди предстоит вынуть еще миллион тонн.

Поистине будет грандиозен завод, для постройки которого нужно опять 100 тысяч вагонов земли.

Котлован кишит людьми и лошадьми. По пологим выемкам медленно выезжают нагруженные тачанки. С другого конца котлована они мчатся галопом, а грабарь стоит на ногах и нахлестывает лошадь. Конь скачет во весь опор, примитивная двухколесная тачанка дребезжит.

Землекопы мерно бросают в тачанки сырую, тяжелую глину. Каждая лопата земли падает с заглушенным хряском, а конь в это время стоит, лениво отмахиваясь хвостом от мух.

Я сижу на краю котлована, а внизу, как раз подо мной, работает высокий, плечистый землекоп, лет сорока пяти. Он работает без шапки, ветер играет его длинной русой бородой, под расстегнутым воротом широкой рубахи видна загорелая, волосатая грудь. Бородатый землекоп ломом отворачивает глыбы земли, и этот кусок стали кажется в его руках хворостиной.

Большинство грабарей работают вдвоем на одной лошади: один копает, другой отвозит. Пока тачанка отвозит землю, землекоп сидит без дела. Немало грабарей, работающих в одиночку: сам накладывает, сам отвозит. И в том, и в другом случае половина рабочего дня землекопа работой не заполнена. Очевидно, грабари не умеют правильно организовать свой труд.

Двое грабарей, работающие на одной лошади, выставляют в день 5 куб. метров, при чем полдня землекоп сидит, а не работает. Если соединить две таких пары, то работа производилась бы непрерывно: двое землекопов накладывают тачанку, а в это время успевает вернуться вторая, к тому времени, как вернется первая, вторая уже наполнена и т. д.

При такой комбинации две пары грабарей выставили бы не 10, а 20 куб. метров в день.

С риском попасть под колеса мчащихся тачанок, я пробираюсь в котлован с твердым намерением научить грабарей, как правильно они должны бы работать.

Вскоре я сидел рядом с бородатым землекопом, а его лом был крепко вогнан в землю напротив нас.

Узнав о расценках, о качестве грунта, о том, что землекоп только нынче ушел из деревни, я свел разговор на работу артелью и изложил ему свои расчеты о соединении двух пар грабарей.

Он долго обдумывает, взвешивает мои выкладки и, наконец, говорит:

— Такой работы человек не выдержит. Мысленное ли дело— целый день без передыху копать?

Я предвидел это возражение и немедленно отпарировал:

— Зачем без передыху? Люди будут меняться, примерно, через час. Час копать, час возить.

Озадаченный этим простым выходом, землекоп опять думает, и я решаю, что убедил его. Но он встряхивает головой, встает во весь свой высокий рост и бьет себя кулаком в грудь:

— Я — работник. Я сегодня до обеда 9 кубов выставил. Разве за мной угонятся? А в артель попадут всякие. Нет, уж на других работать никому не охота. Лучше я сам за себя.

За спиной я слышу тихий разговор, из которого различаю:

— ...однако из газеты...

И вот, вокруг нас дымится уже много «козьих ножек», ко мне обращаются со словами, в которых сквозит скрытая обида, едкая, как махорочный дым.

— Вот наша артель, Паньшина, порешила записаться в ударники. Приходим в рабочком, к Борисову, а он отмахнулся: «не до вас, говорит, уходите»...

— Оно вообще обидно. Куда ни придешь, везде тебя как бичем по шее: собственник. А какие мы собственники? Мы сюда совсем пришли, кроме коня ничего и нету.

Странную невнимательность к грабарям проявило и управление строительством. На складах Кузнецкстроя в августе не было ни одного грамма дегтя. Известно же, что телега, как и машина, требует смазки. Ни на складах Кузнецкстроя, ни в многочисленных магазинах ЦРК и Акорта не было веревок, седелок, супоней, не было многих других необходимых грабарям предметов.

За дегтем и за сбруей грабари ездили на базар в Сад-город. А так как этот базар бывает только по воскресеньям, то именно в этот день ряды грабарей в котлованах редели.

Растет завод, растут вместе с ним и переделываются вчерашние мелкие собственники, крестьяне-единоличники. Вчерашний пахарь сегодня — грабарь, а завтра он может быть будет промышленным рабочим.

ГЕРОИ БУДНЕЙ

В магазине ЦРК, где было очень людно по случаю выдачи папирос, я дождался своей очереди и попросил:

— Дайте мне полкило конфект.

— Конфекты только детям и ударникам — ответил продавец, удивляясь моему «невежеству».

Стоявшие со мной рядом в очереди об'яснили, что в магазинах на Кузнецкстрое существуют специальные отделы для ударников, где они могут купить костюм, белье, обувь, одежду, консервы, конфекты, печенье, словом то, что доступно сейчас немногим.

Увидев ударников, работающих с удвоенной, с утроенной энергией, я понял, почему им дают преимущества, почему их выделяют из прочих людей.

В этот же день, на постройке громадного здания ФЗУ (его об'ем 47 тысяч куб. метров), мне сказали:

— Вон там работают ударники, бригада Милика. Посмотрите. Здорово работают.

Милик — высокий, голубоглазый, с коротко подстриженны-

«На южной стороне цеха возвышаются два больших деррик-крана».

ми усами каменщик. Под лесами, на которых он кладет угол, красным отвесом обрывается стена. Прошло полмесяца после закладки фундамента, а работы идут уже на втором этаже. Здание ФЗУ нужно достроить скорей, чтобы в нем начали подготовку будущих квалифицированных рабочих металлургического завода. Ведь мало только построить завод — его нужно пустить. А для этого надо иметь обученных рабочих.

Здание ФЗУ нужно достроить в срок во что бы то ни стало. Это твердо усвоил каждый каменщик, и поэтому почти все они работают ударно, стремясь обогнать в работе друг друга.

В этом состязании на скорость в работе впереди идет бригада голубоглазого Милика.

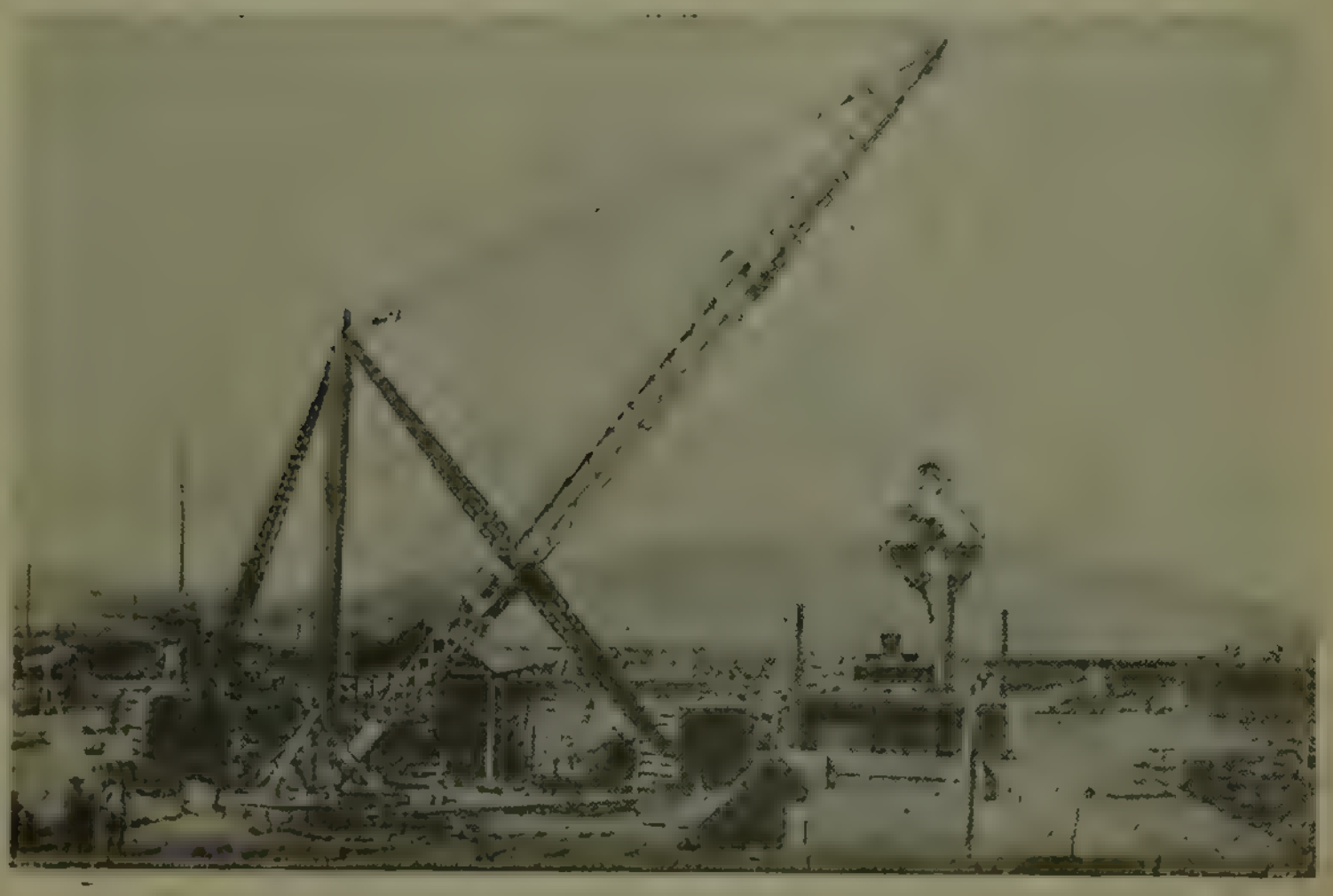
Я вижу, как в руках Милика плавно скользят кирпичи и мягко ложатся в приготовленную жидкую постель. На глазах стена растет и из пазов жирными каплями выступает раствор. Изумительно, до чего умеет экономить движения бригадир этой передовой бригады. Ненужных, «холостых» движений нет: даже малейшее из них дает производственный эффект. В этом, очевидно, заключается один из секретов большой выработки.

— Сколько кирпичей в день считается нормой? — спрашиваю я.

— Четыреста — отвечает Милик с мягким, приятным акцентом.

— А сколько кладете вы?

— По тысяче восемьсот.



«На мгновение стрела замирает в воздухе, потом челюсти ковша раскрываются...»

— Вы один работаете за четверых, чорт возьми?

— Видите ли, здание это надо сделать срочно — скромно поясняет Милик и застенчиво улыбается.—Потом, норма высчитана для 8 часов, а мы работаем 10.

— Вы — чех, Милик?

— Нет. Я—поляк. Хотел здесь вступить в партию, но требуют документы о прошлой жизни. А как их достанешь из Польши? Так и тянется...

Рабочие-ударники, развивая энергию и напрягая силы свыше нормальных, создают те высокие темпы в работе, которым поражаются американские инженеры. Даже в Америке, при полной механизации работ, подобный завод не смогли бы строить так быстро. Но это понятно. В Америке рабочие работают на «дядю» с Уолл-Стрита, а наши рабочие работают для блага трудящихся республики советов. Этим коренным различием и об'ясняется высокая, невиданная производительность труда, какую дают отдельные бригады энтузиастов.

На шамото-динасовом цехе (про который сказано: «умереть, но пустить к январю») требовалось срочно сделать опалубку для бетонных работ. На работу полагалось затратить 10 дней. Ударные артели опалубщиков Курбатова и Акатьева сказали, что они сделают работу в 5 дней.

Опалубщики-ударники работали точно для спасения собственной жизни, после вечернего гудка они шатались от усталости, но работу выполнили... в 2 дня!

В раздевальной бани было теснее, чем в зале 3-го класса новосибирского вокзала. Звон тазов, крики, шум, всплески воды и гул голосов из мойки — сливались в оглушающую, своеобразную банную «симфонию».

В одном из углов раздевальной толпились голые люди. Одни были сухи и белы, другие—красны и мокры. Первые сдавали узлы с одеждой и получали тазы, вторые сдавали тазы и получали одежду.

На тесно составленных мокрых скамейках сидели те же мокрые и сухие люди.

— В какие ворота это лезет? — возмущается мой сосед по скамье — черноволосый, мохнатый человек.

— Трудно что ли им было сделать одевалку отдельно? Только вымоешься, а одеваться стал — опять грязный.

Действительно, пол в раздевальной был не чище земли. 2300 рабочих, ежедневно моющиеся в бане, приносят на сапогах пыль, глину, производственную грязь. Мокрыми ногами выходящих из мойки все это превращается в бурую, вязкую кашу, о которую грязнится вымытое тело.

Ударник, работающий «на совесть» 10 часов под ряд, с мучением, в тесноте моется, в «одевалке» грязнит чистые ноги и белье и идет спать в барак, который нередко протекает, в щели которого дует. Ночью ударника кусают клопы и блохи, а на утро, невыспавшийся, он идет на работу. Так каждый день. Так будет до того времени, пока не достроят новую баню и новые, настоящие жилища. Многие ударники живут в палатках, а большинство грабарей живет в низких, темных землянках.

Я видел баню, видел временные бараки с хроническими сквозняками, видел палатки и землянки. После этого ударники стали в моих глазах героями вдвойне. Нужно быть действительно энтузиастом, чтобы работать ударно, находясь в столь тяжелых бытовых условиях.

— Ни черта, вытерпим — говорили мне рабочие.—Выстроят дома, тогда заживем. У нас и клуба еще нет. Так уж в красных уголках собираемся. Потерпим и это — дождемся и клуба.

—

Еще в то время, когда управление строительством Кузнецкого завода находилось в Томске, на будущей заводской площадке начали строить склад готовых изделий.

Ранней весной этого года управление перевели на площадку. Единственным в то время большим зданием был достроенный склад готовых изделий. Управление поместилось в двухэтажном каменном складе.

В августе, на том месте, где проходил барнаульский тракт, уже достраивалось громадное трехэтажное здание для управления. Но управление все еще находилось в складе с длинными, невысокими окнами.

Большие складские помещения разделены тонкими перегородками на комнаты, в которых размещаются многочисленные отделы управления строительством. Здесь над столами склоняются десятки чертежников, здесь десятки инженеров разрабатывают проекты и составляют планы, отсюда по всем участкам строительства летят распоряжения, указания, приказы.

Квалифицированных работников много и они лихорадочно работают в комнатах, где свет падает сверху, точно в фото-павильоне.

Было бы странно не увидеть человека, стоящего во главе строительства завода-гиганта, человека, руководящего грандиознейшими работами, которые я видел.

Кабинет был отделен от большой комнаты белой тесовой перегородкой. Под самым потолком — продолговатое складское окно, под окном большой письменный стол, за столом человек в кожаной тужурке. На бритом, спокойном лице громадный, энергичный подбородок, впавшие глаза и такие же щеки.

— Этот человек много работает по ночам», — определяю я и говорю:

— Я хочу услышать от вас, тов. Франкфурт, слова такие же яркие и значительные, как дело, которым вы руководите.

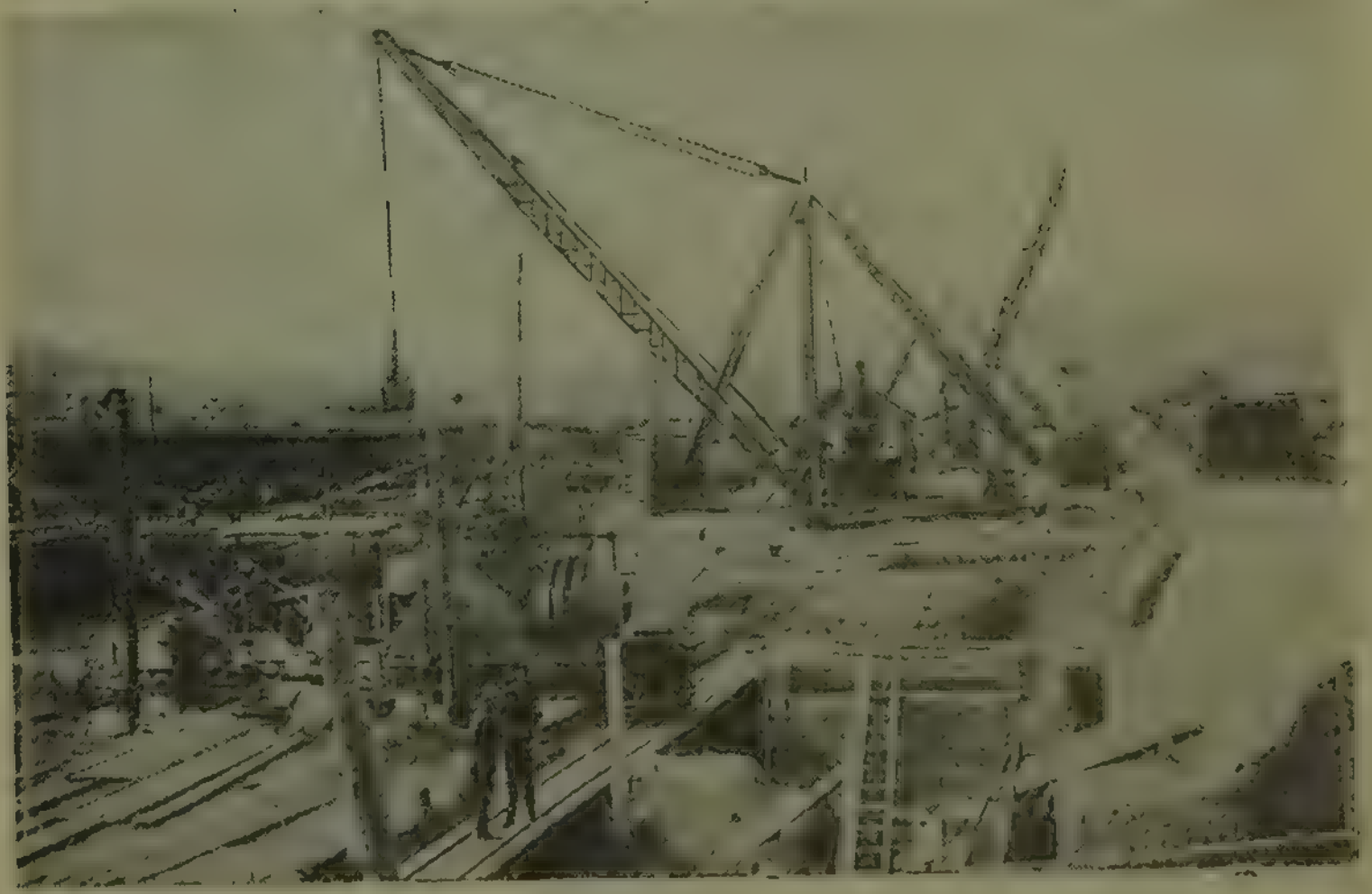
Человек, которому страна доверила один из ответственных участков великих работ, сказал:

— То, что мы здесь делаем, не делалось ни в одной стране, ибо об'емы наших работ колоссальны, а сроки кратки. Мы строим гигантский завод «савраской», самыми примитивными методами. В этом особенность обстановки.

— Громадные задачи, поставленные перед строителями завода, возможно выполнить только при участии самого коллектива, при повышении производительности труда. Коллектив у нас огромен — сейчас 16 тысяч рабочих, и нужно в ближайшее время добавить еще 10 тысяч. Этот коллектив только еще сколачивается, только недавно произошел сдвиг в настроениях рабочих, ринувшихся в работу действительно по-боевому.

— Нам приходится бороться не только с техническими трудностями, но и с природой. Мы будем воевать с морозом: цеха будут покрыты громадными тепляками, чтобы работать всю зиму. Нет сомнения, что большевики окажутся сильнее мороза.

— Условия труда и быта рабочих тяжелы, но ропота нет. Рабочие Кузнецкстроя — энтузиасты. Они знают, что лишения здесь неизбежны, как и на фронте, в окопах. Рабочие Кузнецкстроя считают себя Особой трудовой армией. По колено в грязи,



« ... каждый из кранов в смену подает 25 вагонов земли».

под дождем люди без ропота ведут и доводят до конца работы. Это могут делать только энтузиасты. Без этого импульса мы не смогли бы сделать чудес, которые уже видим на строительстве.

— Ни у кого на площадке нет сомнения в том, что завод будет построен в срок. У нас нет сомнений в победе, как не было их у Красной армии, одержавшей ряд блестящих побед.

Человек в кожаной тужурке помолчал, прислушиваясь к грохоту идущего за стеной поезда, и, улыбаясь, закончил:

— Сочетание нашей упорной энтузиастской работы с последними достижениями техники, которые нам передают консультанты-американцы, дадут невиданный еще в мире эффект.

РАЗГОВОР В ПОЕЗДЕ

Свисток главного кондуктора должен был прекратить мое пребывание на Кузнецкстрое. Я стоял у окна вагона и в последний раз смотрел на панораму строительства.

Пройдет год, и площадка до неузнаваемости изменит лицо. Цеха, сейчас зажатые лесами или только намеченные котлованами, встанут во весь свой гигантский рост, а над домнами будет мерцать багровое зарево. Через год на месте выгона деревни Черноусовой уже отчетливо наметятся каменные кварталы социалистического города.

Это будет. Тот, кто видел, с каким ожесточением тысячи людей дерутся за постройку завода в срок, — в этом сомневаться не может.

«...Стоя
странные се
ро-голубые
машины, на
поминающие
крокодилов».

Сосед по купе с изумительной развязностью изрекает, обращаясь ко мне:

— Нелепо, все-таки, строить завод за 3000 километров от руды. Ведь это займет пропасть подвижного состава. Почему бы не построить этот завод на Урале?

— Металлургические заводы потребляют колоссальное количество угля — отвечаю я неведомому «экономисту». — Довоенная Германия, имея рурский и силезский уголь, ввозила железную руду из Швеции. Урал не имеет своего угля, не имеет своего кокса. Существующие уральские заводы работают на сибирском коксе. Если-б Кузнецкий завод строился на Урале, для него пришлось бы возить из Сибири уголь и кокс. Но целесообразнее возить сюда руду, так как это дает возможность использовать порожняк из-под доставляемого на Урал сибирского кокса. Кузнецкий завод строится в сердце огромного каменноугольного района и поэтому будет давать самый дешевый в Союзе черный металл.

«Экономист» был посрамлен и сконфуженно ушел на перрон курить папиросу.

Когда поезд трогается, в окно я вижу далекую трубу домны и деррик-краны на котловане мартеновского цеха. Я размышляю о той массе металла, которую будут выбрасывать цеха гиганта. Один миллион сто тысяч тонн в год. Из годовой продукции Кузнецкого завода можно изготовить столько рельс, чтобы проложить железнодорожный путь длиною в 16 тысяч километров.

Гигант главным образом будет вырабатывать именно рельсы, которые стальными путями покроют сибирские просторы, свяжут друг с другом одни районы и вызовут к жизни другие.

Остальная масса мартеновской стали пойдет на строительство и заводы, в первую очередь на завод комбайнов, растущий напротив Новосибирска.

Когда кузнецкая сталь поступит в цеха Сибкомбайна, тогда закончится первый этап мудрого развития хозяйства Сибири: сталь Кузнецкого гиганта будет превращена в машины, которых ждут колхозные нивы.

Высунувшись из окна, я смотрю на исчезающий за поворотом завод и говорю встречному ветру:

— Я горжусь тем, что являюсь гражданином страны, которая может создавать Кузнецкстрои.

М. МИШЛЕ

НА ЛЕСАХ КОМБАИНСТРОЯ

(Вместо ответа брату и другим товарищам)

Получаю, однажды, письмо от брата, лектора политпросвета, в котором так прямо и запрашивается: «...Да об'ясни же толком, что вы там строите?.. Из газет ничего не поймешь...» Недели полторы спустя — одно за другим — еще два письма: «...А не пришла ли пора, дорогой товарищ, внятно рассказать, что же, наконец, представляет из себя твоя стройка?!» Пишут квалифицированные ленинградские журналисты.

Указываю на степень культуры моих корреспондентов для того, чтобы сделать, по крайней мере, два вывода. Первый — по-видимому, мы мало и плохо популяризируем наши стройки, если даже такие товарищи знают о них тем меньше, чем дальше они от них находятся. Второе — если о Кузнецкстрое, гиганте металлургии, знают так мало, то с досадной уверенностью можно поспорить (и — увы, выиграть!), что Сибкомбайнстрой, — «только» самый крупный завод с.-хоз. машин, даже для них рисуется очень туманной неясностью.

Итак, о строительстве Сибкомбайнстроя.

Разрешите не стесняться в средствах и проделать с вами 4 поездки на Сибкомбайнстрой.

Приблизительно в середине декабря 1929 г. в Москве было сформировано «Государственное управление по строительству Новосибирского завода комбайнов и других сложных сельскохозяйственных машин — Сибкомбайнстрой», во главе которого был поставлен тов. Морин, бывший сормовский слесарь.

В связи с этим, первую поездку мы совершим 25 декабря 1929 г. Оденьтесь потеплее. Сибирские морозы, да еще на ветру, беспощадны.

Мы не одни в вагоне. В нашем, как и в соседнем — курсанты Н-ской военной школы. Сегодня у них социалистический субботник. Вместе со своими командирами и политработниками, курсанты едут расчищать от бурьяна участок будущего строительства. Несколько дней спустя, тов. Морин по этому поводу скажет, что «там, где приложила руку Красная армия, — успех обеспечен!».

Поезд задребезжал по мосту через Обь. Скованная река густо укутана белоснежной дохой. От одного берега к другому— змейки санного следа. Через 12-15 минут поезд остановился у маленькой ст. Кривощеково, Омской ж. д. Еще вчера это была безвестная дыра, мимо которой пренебрежительно проскакивали экспрессы и скорые—на восток и на запад. Завтра о ней узнает вся Сибирь, через пару месяцев — наша страна, а еще немного— товарные вагоны Европы завопят трафаретом грузов:

SIBKOMBIN
KRIVOSHTEKOVO
U. S. S. R. SIBERIE

В 50 метрах от станции начинается полоса отчуждения строительства завода. Сегодня здесь пустая степь. На километр вправо, влево, — кругом — снег. Снег и бурьян. Бурьян и редкий кустарник. Они сегодня под топором красноармейца уступят значительный участок будущей стройке.

Предоставляю вам, дорогие товарищи, нанизать на этой канве десятки ликующих узоров на тему: «Степь побеждена», или «Выкорчеваны корни технической отсталости», или еще — «Так зародилась в б. каторжной Сибири соцпромышленность»... Я вам в этом не помощник. Во-первых, потому, что все ликующие эпитеты и определения — бледная передача того, что произошло в действительности. А во-вторых, надо же оставить что-нибудь тем «столичным» коллегам, которые время от времени удостаивают нас лихим налетом, лихорадочно интервьюируют

Уже кроется крышей ремонтно-строительный цех.

«туземцев» и строителей, а затем украшают истосковавшиеся столбцы газет и журналов откровениями о Сибкомбайнстрое. Гораздо отраднее читать «очерки» о нашей стройке в журналах: здесь, по крайней мере, помещают и правдоподобные фотографии. Отметим, стало быть, эту первую дату в истории Сибкомбайна и подготовимся ко второй поездке.

2 мая 1930 года... С ними—делегаты новосибирских рабочих, Крайкома партии, Крайсовпрофа, Красной армии, городских, окружных партийных, профессиональных и советских организаций. Знамена, лозунги, плакаты.

Площадка расцвела встречными флагами, приветствиями, сотнями рабочих-строителей, грянула медью оркестра. Сегодня — вторая историческая дата: закладывается первый камень первого здания капитального строительства — здания заводоуправления. По правде сказать, первым к закладке предполагалось здание школы ФЗУ. Это куда как важнее. Но... чертежей нет. Планы и чертежи ожидались буквально с неба: привезет их самолет из Москвы или запоздает? Вот и гадай на небесной гуще в наш век воинствующего безбожничества и планового хозяйства!

Подоспели чертежи заводоуправления. Начали с них, ничего не поделаешь. А пока что — закладка идет своим чередом.

Оглянитесь — снега нет и в помине. Вчерашняя целина вздыбилась деревянными постройками. Здание построечного управления, столовая, временный пожарный сарай, каланча, конторы прорабов, склады и мастерские. За чертой строительства—

Там, где весной росли березы, осенью встал во весь рост инструментальный цех.

первые бараки рабочих, еще столовая, зачатки клуба, преддверие кооператива. Все это сделано за 4 месяца зимы. Тогда же начали возить кирпич, песок, гравий, цемент. Но кое-что все же, как видите, сделано. У строительства Новосибирского завода комбайнов есть одна такая «причина», которая—при всей нашей яростной ненависти к так называемым «об'ективным причинам»—обязательно должна быть принята в расчет. Это — время и место начала действия.

Время — декабрь 1929 года. Постановление строить завод. Хорошо. Срок небольшой. Еще лучше. Но... фонды строительных материалов распределены еще в августе. Это плохо. Но... кредиты планируемой промышленности ассигнованы давно уже. Это еще хуже. И начинается борьба за каждую доску, за каждый лист железа. От кого-то их надо вырвать. Попробуйте сделать это — и вы с некоторой приближенностью по достоинству оцените то немногое, что удалось сделать здесь с января до мая 1930 года.

Место — левый берег Оби, под Новосибирском. По железной дороге от Москвы — 3400 километров, от Ленинграда — 3900 километров, от Харькова — 4300 километров. Кадров квалифицированных рабочих Сибири еще негде было воспитать. Сибирских каменщиков, столяров, плотников, арматурщиков, механиков, как известно, не очень много. Еще меньше в Сибири опытных инженеров и техников-строителей, металлургов, проектировщиков, архитекторов, плановиков, экономистов. Не мне вам рассказывать, как позорно «смывались» товарищи-специалисты из Москвы, Ленинграда и Харькова от мобилизации на Сибкомбайнстрой. Какие только козыри ни пускались в игру! Никогда еще, кажется, не свирепствовали так среди инженеров «болезни сердца», «общее истощение организма», «предстоящие операции» и т. д., как в период августа-сентября 1930 г., когда ВСНХ об'явил мобилизацию инженерно-технических сил на Сибкомбайнстрой. А тут вдруг новое откровение — «незаменимость». На предприятиях, в кабинетах трестов и об'единений самому неудачливому специалисту неожиданно приписывались такие заслуги, перед которыми пасовали достижения Виттеров и Харитоновых. И не выпускали «незаменимых», зубами дрались даже за тех, кого еще вчера намечали если не к увольнению, то к выговору. А позже появилась еще одна комбинация: вместо строителей присылали керамиков и младших десятников вместо техников.

В результате — на постройке три-четыре опытных производителя работ и молодежь, только вчера окончившая школу. Люди не умели организовать труд. Неправильно расставляли рабочую силу. Плохо использовали и без того недостаточную меха-

низацию. Хозяйственники не про одили единоначалие. Опасение остаться без командного технического состава парализовало принятие действительных мер взыскания. «Публика» мало-помалу расхлябывалась. Партийная и профессиональная организации, в лучшем случае, регистрировали «происшествия». Массовая работа шла самотеком, в масштабе мастерской кустаря-одиночки «Красный жестянщик», а не гигантской стройки всесоюзного значения. Вывод будет в свое время сделан партией.

Третья поездка — 19 сентября 1930 года. Осень... Грязновато. Дорог еще нет. Но это не останавливает человек 250 товарищей, спешащих на Сибкомбайнстрой. Здесь снова делегаты новосибирских рабочих, снова представители партии, профсоюзов, Красной армии... Но есть и новые люди. Бородатые, морщинистые обветренные лица, жесткие несгибающиеся пальцы, различный говорок и на «о», и на «чо». Женщины в смазных сапогах. Раскосые глаза с хитрой усмешечкой...

Сегодня на Сибкомбайнстрое — слет делегатов-колхозников шести областей: Средней Волги, Урала, Сибири, Казахстана, Башкирии и Бур-Монголии. По инициативе «Известий» они слетелись сюда договориться о способах лучшего выполнения хлебозаготовок. Сегодня, — в честь слета, закладывается сердце будущего завода — цех комбайнов.

Я не буду останавливаться на том, для чего нам нужны комбайны. Считаю, что с постановлением XVI партс'езда вы знакомы, доклад тов. Яковлева проработали основательно, крепко вбили в голову раздел доклада тов. Сталина о сельском хозяйстве. Но вы можете не знать, что такое «комбайн». А это знать необходимо, иначе вы не много поймете в решении партии—поднять дополнительно до 25 миллионов га целины. Без комбайна их не освоишь!

Разрешите коротенькое отступление о комбайне. Если оно покажется вам суховатым — мобилизуйте терпение мыслью о том, что когда-нибудь вам все равно придется узнавать об этой чудесной машине.

Не очень давно уборка хлеба производилась таким способом. Первой выпускалась жнейка. Участвуют: машина, люди, животные. Затем выступали люди: связывали и укладывали снопы. Далее, перевозка снопов. Участвуют люди и животные. Их сменял дорогостоящий и неверный элемент — время и погода — для сушки снопов. А затем — новый процесс — молотьба, при участии машины, людей и животных.

Шесть отдельных процессов. Пять различных категорий обслуживающего персонала. Две сложных машины. Десятки животных. Сотни часов труда.

Комбайн, родившийся в Америке в 1886 году, — сложная комбинированная машина, одна выполняет эти шесть процессов. Комбайн жнет, связывает и укладывает снопы, перевозит их, сушит и молотит. Другими словами, весь процесс уборки урожая, от жатвы до молотьбы включительно, проделывает один и тот же механизм. Самой сложной и выгодной уборочной машиной до сих пор считалась тракторная сноповязалка. Она, однако, значительно уступает комбайну.

Экономия в людях. Рулевой на комбайне затрачивает 1,3 часа на уборку 1 га, а на сноповязалке — 4 часа. Комбайн выгоднее в 3 раза. Квалифицированный рабочий на комбайне (комбайнер) на 1 га уборочной площади затрачивает тоже 1,3 часа, а квалифицированный рабочий на сноповязалке — 2,5 часа. Комбайн выгоднее в 2 раза, потому что захват комбайна в 2,5 раза больше захвата тракторной сноповязалки. Поденные рабочие при сноповязалке тратят 18 часов на уборку снопов на 1 га площади. При уборке комбайном поденных, неквалифицированных рабочих совсем не надо.

Экономия в работе трактора. Мотор трактора вместе с мотором комбайна расходует 13 сило-часов на уборку 1 га площади, а мотор трактора при сноповязалке, вместе с молотилкой, — 67 сило-часов. Работа комбайна по этому показателю выгоднее в 5 раз, при одновременном срезании хлеба с его обмолотом комбайном.

Экономия горючего. Моторы трактора и комбайна расходуют на 1 га уборочной площади 10,5 кг горючего, а моторы трактора и сноповязалки (включая вязку снопов и молотьбу) — 16,5 кг горючего. Комбайн выгоднее в полтора раза.

Основной цех завода — цех комбайнов — ощетинился лесами.

Если об'единить все эти данные, то уборка комбайном выгоднее уборки сноповязалкой, примерно, в 2 раза. Но это еще не все. Самое главное прибережено на конец. Уборка комбайном, как уборка механизированная, почти исключающая применение процессов «вручную» — оставляет на полях всего от 2 до 4 проц. зерна, тогда как уборка сноповязалкой дает утерю зерна от 9 до 12 проц. (зерно погибает во время укладки, перевозки, сушки и т. д.). Таковы выводы Института рационализации, проводившего в прошлом году испытания в Зерносовхозе № 2 на Северном Кавказе.

Такие машины мы должны выпускать уже в 1932 году. Сперва 5.000 штук, во второй год — 15.000, а начиная с третьего года — 25.000 комбайнов. Самый крупный американский завод — Холта — делает их в год всего 4.000 штук. Вот вам «догнать и перегнать».

Но это еще не все. Кроме разных частей к комбайну, как виндовер (подбирающих) и других, Новосибирский завод будет в год выпускать еще 35.000 тракторных 24-рядных сеялок и 30.000 тракторных 7-футовых сенокосилок. Для ясности — превратим в «ежедневку»: 72 комбайна, 100 сеялок и 85 сенокосилок в день. Уточним до «ежечаски»: 4 комбайна, 5 сеялок и 4 сенокосилки — в час. Хорошо?

В свободное время подсчитайте, сколько га уборочной площади могут обслужить осенью 25.000 комбайнов, если известно, что один комбайн нашей марки убирает за 10 час. работы до 20 га?

А когда подсчитаете, то поймете, почему тов. Яковлев на XVI партс'езде сказал: «...Эту задачу... (освоение новых мил-

Каменное тело кузнечно-прессовочного цеха покрыто одеждой лесов.

лионов га целины. — М. М.) мы разрешим при помощи тракторов и комбайнов...».

Так что же, историческая для нашего строительства дата закладки цеха комбайнов или обыденная? Конечно. историческая, и не только для нас, но и для всего Советского союза. А в «некотором» смысле и для Европы, вместе с Америкой.

Там, в Америке, с нашим заводом произошла очень поучительная история. Нам нужен проект завода. Такого мы еще в Союзе не строили. Логично было обратиться за технической помощью и советом к просвещенным американцам. Так и сделали. Выехала туда комиссия специалистов, во главе с начальником строительства, тов. Мориным. Пробыли там несколько месяцев, осмотрели все, что можно было, переговорили со всеми, с кем надо было. И... вернулись обратно «без ничего». Ни тебе проекта, ни тебе помощи. Почему? Во-первых, потому, что там немногому в этом отношении можно научиться. Больше чем на 4.000 комбайнов в год американцы еще не считают. Такой мощности завод, какой мы строим, им понадобится только в момент перехода фермеров на сплошную коллективизацию, т.-е. после об'явления советской власти. Поэтому, пока-что, их опыт нам недостаточен. Во-вторых, потому, что за приблизительно подходящий проект американцы запросили миллионы валюты. В-третьих, потому, что за свою помощь американцы пытались связать нас обязательством «воздержаться» в течение 15 лет от экспорта наших комбайнов за границу. Ну, конечно, тов. Морин сказал им прочувственное «гуд бай!» — злые языки уверяют, что в вольном переводе на русский язык это прозвучало несколько иначе — и отбыл сперва в Европу, а затем — в Москву. Проект был заказан и выполнен здесь.

Сегодня колхозники осматривают первые плоды этого проекта. Значительно выросло здание заводоуправления. Здесь, как и в школе ФЗУ, за эти 4 месяца поднялись каменные стены. Быстро движется ряд вспомогательных цехов: ремонтно-механический, ремонтно-строительный, инструментальный, склад твердых пород, главный магазин, деревообделочный и другие. Всюду возводятся стены, высятся леса, снуют «козоносцы», грохочут бетономешалки, урчит под'емник. Полное впечатление стройки на полном ходу. И, однако, стройка не на полном ходу. На стройке — прорыв. На 1 сентября, за месяц до окончания хозяйственного года — выполнено всего 50 процентов годового плана по капитальному строительству. Причина прорыва указана выше.

За этот прорыв треугольник ответил перед партией и перед всем рабочим классом. Но партия не только сделала оргвыводы. Партия помогла!

Прорыв — это жуткое слово и жуткая вещь. Тот, кто знаком с ним только «по газетам», не отдает себе отчета в том, какую зловещую сущность таит в себе это слово. Нужно сродниться со стройкой, чтобы почувствовать и воспринять прорыв. Это решительно одно и то же, что на фронте. Армия дерется, дерется не плохо. Чувствует тыл обеспеченным. Все части, как будто, спаяны. И вдруг, неожиданно — всегда неожиданно, — где-то образуется малюсенькая расщелина. Враг вклинивается в нее, раздвигает локтями, буравит, расширяет — и вот уже не щель, а проход, коридор. Части разделены. Прорыв!

Тогда на выручку бросаются отборные войска. Новое, свежее командование. Перегруппировка частей. Четкие сухие удары. Замешательство ликвидировано. Отступление остановлено. Удары множатся. Отборные войска переходят в атаку. За ними — вся мощь армии. Победа!

Так было и у нас. Наши отборные войска, наше свежее командование — это бригады Центрального комитета партии и Крайкома. Со средины сентября крепкие большевики методически прощупывали все ослабевшие и — чего греха таить — проржавевшие звенья. Щупали хозяйственников — заменяли. Щупали специалистов — перемещали. Щупали партийцев — отсекали. Перегруппировка частей.

А самое главное — сделали то, что в очень недостаточной мере делалось до сих пор — пошли в массу, в гущу коллектива строителей. На строительные участки, в бараки сезонников.

Один из них рассказывал потом, как «это» случилось. Рассказывал протяжным, нараспев, говорком:

— Прямо скажу — не хуже другого, но и не так, чтобы очень чересчур... На деньги я, прямо скажу, не жадный... Положено, скажем, пятьсот кирпича на полуторной стенке, ну покладешь там, примерно, на двадцать-десять больше, чтоб значит от людей не отстать, и — годя. Ревности моей к делу не было, это я прямо скажу... Покурить имеете?

— Ну, так вот. Не было, говорю, моей ревности. Как в каждом сезоне, и на калбане так. Выложил свое, да и в барак, чаю, скажем, попил, да и на топчан. Которые, как в других местах, агитаторы партейные ходют, прямо скажу, и не видать. Оно, хоть покойней, слова нет, а все будто обидно. Как бы и за человека не берут... Только вдруг, понимаешь, заходило. И сегодня... и завтра, и каждый день. Да не то, чтоб с опросами, как бывает, кто, да откуда, а все про дело, по-сурьезному. Особливо один белявенький. Горячий такой. Прорвало, мол, у нас на работе. Как хочешь, говорит, а спасать надо. А как его спасать, говорю? А поднажать, говорит, надо. А как его поднажать, говорю, когда в-ак-

курат работаешь? Быть не может, говорит, чтоб у рабочего человека малого запасца не осталось!

— Прямо скажу, правильно белявенький угадал. Посмотрел на него и выпытываю. Есть, говорю, малый запасец, а чего ради я отдавать-то его буду? Тут мне белявенький и всыпал горячего. Как, говорит, — а сам аж покраснел — на старую царскую сволочь работал, семь шкур с тебя сдирали, а тут на свое собственное дело запасца жалко стало?! И пошел, и пошел... И про канбан-машину накричал и про буржуя заграничного, и кулаку-то по морде заехал... Всем досталось, а особливо, прямо скажу, мне обидно. Ну, конечно, ничего я ему тут не показал, а только утром стал сурьезней накладывать... Парнишка, что рядом, присматривается, а я промеж себя думаю: зеленый ты еще со мной наперегонки тягаться. И пошло, и пошло. Да что там говорить: прямо скажу, как на первом октябре дали мне премию — первым делом белявенькому мой ватный спинжак показал... Курить имеете?..

Отряды таких сезонников, зажженных большевистской уверенностью в конечную победу, с каждым днем множились. «Месячник штурма прорыва» дал примеры исключительной трудовой энергии и энтузиазма. Отдельные штурмовые бригады — каменщиков, плотников, бетонщиков, столяров — удваивали, утраивали «нормы». Новосибирск пришел на помощь площадке. Социалистические «субботники» городских служащих, красноармейцев, вузовцев, партийцев, комсомольцев — всех способных носить

В тепляках ведется бетонная кладка сводов деревообделочного цеха.

оружие труда—ежедневно вбивали в прорыв дополнительные сотни часов работы. За 30 дней город дал стройке десятки тысяч человеко-часов горения. И не столько, пожалуй, важен был физический об'ем произведенных ими работ, сколько наглядное доказательство, показ общности пролетарских интересов трудящихся города и строителей площадки.

На-глаз видно было, как растут каменные коробки цехов. В штурм постепенно втягивались и специалисты. Свыше 50 человек инженеров и техников закрепились за это время до конца строительства. Свыше 1200 рабочих бились в штурмовых бригадах. Текучесть снизилась с 54 проц. в августе — до 22 проц. в сентябре. Прогулы — с 12,7 проц.—до 4,7. Вместо 25 проц.—56 проц. списочного числа рабочих участвовало в социалистическом соревновании. Каждая пятидневка показывала резкое увеличение темпа стройки. И когда 10 октября подвели итоги, то оказалось, что за 40 дней — с 1 сентября по 10 октября—выполнили свыше половины годового плана по основному строительству.

Последняя сводка штурма выбросила победную весть: 101 с половиной процент.

Коллектив «сибкомбайновцев», поднятый сентябрьским обращением ЦК партии, под четким руководством бригад Центрального и Краевого комитетов партии, ликвидировал прорыв на стройке и, тем самым, выполнил одно из основных своих обязательств перед межкраевым слетом колхозников. Но эта победа пришла не только в результате ожесточенн й борьбы с расхля-

Здание заводоуправления было выстроено в срок.

банностью и бюрократизмом одних, косностью и консерватизмом других, прекраснодушием и «головокружение .» третьих.

— Что, милай друг, надо рабочему? — спрашивает старый, в сваливающейся с плеч мешочной рубахе, рабочий — и сам же отвечает:

— Пищия, одежда и обувка... Ну, а ежели пищия плохая, али одежки там, обувки нет, ну и бежим...

В тот же день, в другом бараке, рабочий с круглой пилы, убежденно и твердо заявил:

— В батраках было лучше, чем на Комбайне.

Вечером в одном бараке «молодой плотник в мешечной рубахе» (не иначе!!) смачно обозвал г а д о м того администратора, который рекомендует завшивевшую рубаху отдать в стирку.

Прошло несколько дней, и рабочая газета «Даешь комбайн» опубликовала, что «группа плотников под руководством некоего Чинякова подала администрации заявление о том, что в случае невыплаты им зарплаты они завтра в знак протеста бросают работу».

Знаете, когда происходили эти выступления? В самый разгар «месячника штурма» и сейчас же после него. Удивительно это или нет? Нисколько.

Сибкомбайнстрой, как и всякая другая советская стройка,— участок борьбы за социализм. Чем успешнее наше наступление, тем яростнее сопротивляется враг. «Случайно» перерезаются брезентовые шланги, и вода не доходит до участка. «Неожиданно» обнаруживается трещина в деликатном механизме и аппарат выбывает из строя. «Вдруг» ночью открываются водопроводные краны и вода заливает свежую штукатурку. «Внезапно» выползают исторические воспоминания «бывших батраков»... И тот, кто не понимает, что на Сибкомбайне строители дерутся за победу социализма, — тот не поймет, к т о руководит и к е м вдохновляется оголтелый, звериный вопль: «Нам-ба только пищии!... Гони монету!..»

Ударники штурмовых колонн дали бой не только расхлябанности и консерьативности. Они дали бой и классовому врагу. Дали бой и — победили.

Вот с этой самой победой — двинемся, товарищи, в четвертую нашу поездку на Сибкомбайнстрой.

Четвертая дата... На этот раз знаменательная не только в строительстве завода комбайнов, но и для строительства социализма по всей советской стране: 13 годовщина Октября. Два раза отметила стройка эту годовщину. 6 ноября — на торжественном общегородском заседании партийного и советского актива, где из всех промышленных предприятий Новосибирска

только Сибкомбайнстрой рапортовал о своей работе: вид общественного признания ударности стройки и огромной работы, проделанной коллективом строителей в «месячник штурма». В этот вечер начальник Сибкомбайнстроя тов. Морин рапортовал, что в подарок советской стране к 13 годовщине установления пролетарской диктатуры — рабочие и специалисты закончили в основном строительство 6 зданий: школы ФЗУ, гаража, главного магазина и цехов — инструментального, ремонтно-строительного и ремонтно-механического.

В тот же вечер на площадке Сибкомбайнстроя, в рабочем клубе, строители подвели итоги 13 годам советской жизни. Сегодня они с полным правом заявляют, что в хозяйственных успехах советской страны не мало вложено и их упорства, настойчивости и энергии. Сегодня они с полным правом заявляют, что в наши политические победы над нытьем, неверием, оппортунизмом, двурушничеством и фракционностью — не мало вложено и их классовой сознательности и выдержки, их доли беззаветной преданности партии и ее ленинскому Центральному комитету.

Вот, дорогие товарищи, что мы строим и как мы строим. Хорошо или плохо мы работаем? Конечно, не на все сто. Далеко не на все. Но когда вы будете судить о нашей стройке — товарищеская просьба все же учесть одно немаловажное обстоятельство: тысячи километров расстояния от культурно-технических центров и голое место, на котором мы начали работать.

П. СТРИЖКОВ

КЕМЕРОВСКИЙ КОКС

«СЛЕДИТЕ ЗА ХОДОМ ВАГОНЕТОК»

Вот, он лежит у меня на ладони, неожиданно легкий, пористый, неровный кусок стального цвета.

Я взял его из громадной кучи таких же кусков кокса, лежавшей возле рельс у ворот Кемеровского коксо-химического завода.

У человека в брезентовой одежде, торопливо идущего по шпалам, я спросил:

— Почему так небрежно свален кокс? Ведь его ждут уральские металлургические заводы.

— Нехватает вагонов — ответил человек в брезенте. — Заводской двор мы не можем забивать коксом. Поэтому его сваливают здесь, а потом снова нагружают в вагоны и тогда отправляют.

— Это называется...

— Это называется — перебивает собеседник — «удешевление стоимости поодукции».

В поисках Коксостроя, я шел по черной, маслянистой почве улиц поселка, вплотную примыкающего к большому заводу, наполненному разноголосым шумом, грохотом, шипеньем пара и звонами гонгов.

От шахт Кемеровского рудника к заводу на четыре километра протянулись нити стальных тросов воздушной дороги. Сначала над рудником, потом через Томь бегут на завод вагонетки с углем.

Они высоко над землей. Стальные жилы выпевают монотонную песню, издали похожую на жужжанье гигантского шмеля.

Стальные тросы вбегают в изогнувшуюся каменную спину эстокады. Ее черная пасть глотает груженые вагонетки и со звоном и лязгом выбрасывает пустые.

В том месте, где над улицей проходит воздушная дорога, стоит столб с надписью:

«Следите за ходом вагонеток — грозит смерть».

Я шел, опасливо поглядывая на овальное брюхо очередной вагонетки, плывущей высоко над моей головой, и решал вопрос— успею ли я отбежать, если вагонетка сорвется?

Пройдя вдоль длинного, высокого забора, скрывающего химические цеха, я подошел к деревянному дому, почерневшему не то от времени, не то от действия отравленного газами воздуха.

В черном доме, где еще совсем недавно жило восемь семей, где даже сохранились плиты с духовыми шкапами, помещалась контора Коксостроя.

В комнатах, достаточно просторных, когда они были жилыми, теснились чертежные столы, письменные столы и просто столы.

Между планами, чертежами, пишущими машинками, арифмометрами, техниками, чертежниками было нелегко найти начальника строительных работ — инженера Соловьева.

Я нашел его на столе. Вооруженный циркулем и карандашом, он сосредоточенно рассматривал план.

Бледное, худощавое молодое лицо, с энергичными складками возле губ. Этот инженер участвовал в проектировании заводов-гигантов — Кузнецкого и Магнитогорского, а теперь ему поручили ответственное дело — построить многочисленные цеха нового мощного коксо-химического завода.

Инженер Соловьев лаконичен, поэтому наша беседа была краткой.

— Работы начаты недавно. Достраивается здание заводоуправления, ведется бетонная кладка одного из химических цехов, роются котлованы.

— От плана отстаем: из Москвы очень медленно поступают чертежи. В этом сезоне мы должны были начать постройку тридцати зданий, а строим только семь. На остальные нет чертежей.

— На нашем строительстве занято 1300 рабочих. Но этого мало. Нужно еще 2100, из них 300 плотников и 400 каменщиков.

— Длина завода будет 1½ километра. Размер заводской площадки 35 га. Производительность завода — 415 тысяч тонн кокса — ровно в полтора раза больше действующего сейчас Кемеровского завода.

— Сейчас у нас еще неинтересно — заканчивает разговор инженер. — Ведем черновые, подготовительные работы. Приезжайте к нам зимой, когда мы в тепляках будем достраивать цеха и монтировать аппаратуру.

Обещав приехать, я иду смотреть черновые наметки будущего мощного коксового завода, но дорогой меняю план. Я решаю осмотреть сначала действующий завод, чтобы полнее представить то, что будет выстроено к концу 1931 года.

ПУТЬ КАМЕННОГО УГЛЯ

Внутри заводского двора, среди грохота работы потонули ровные напевы воздушной дороги и звоны вагонеток у эстокады.

С молодым изобретателем, Борисом Сергеевичем Филипповым, я начинаю следить за длинным путем каменного угля, превращающегося в кокс.

По истертым каменным ступеням, через узкую дверь мы входим в дробильное отделение, где темно и мрачно, где лязг и скрежет забивают уши, словно ватой.

За семь лет работы Кемеровского завода установлена определенная смесь разных углей, дающая лучший по качеству кокс. Эту смесь составляют угли Ленинского, Кемеровского и Прокопьевского рудников.

Из больших бункеров уголь сыплется в определенной пропорции на бесконечную движущуюся ленту. Черная, шуршащая угольная масса ползет к электромагниту, улавливающему железные предметы, потом проваливается куда-то вниз.

По узеньким переходам, по лесенкам и железным решетчатым мостикам, в полумраке мы поднимаемся наверх, где три мельницы с грохотом размалывают уголь.

Здесь угольная пыль носится клубами, оседает на лицо и одежду, лежит толстым слоем на полу и нога тонет в ней, как в мягком ковре.

Размолотый уголь подается гребковой цепью на оглушительно скрежещущие дезинтиграторы, которые превращают уголь в черную муку.

В грохочущем мраке дробильного цеха угольная пыль забивает горло, а легкие становятся тяжелыми, точно их налили свинцом.

В этом цехе, где ежедневно перемалывается и перемешивается 1000 тонн угля, — я видел только одного рабочего: все производственные процессы выполняют машины.

Мой спутник выкрикивает об'яснения, но его с трудом слышно в громе этой необычайной мельницы:

— Теперь уголь подготовлен для коксования. Отсюда транспортером, под землей, он передается на элеватор и поступает в турму.

После темного, заполненного угольной пылью цеха, яркий солнечный день показался особенно веселым и радостным.

Турма — немного суженная кверху башня, высотою в 24 метра. В нее вмещается 1000 тонн угольной муки — суточная потребность коксовых печей.

Большая электрическая вагонетка, называемая «калькар», берет из турмы уголь и отвозит его для засыпки в печь.

По узенькой лесенке, обвивающей наружные стены этой черно-зеленой башни, мы поднимаемся на самый верх, где она кончается баллюстрадой.

Я заглядываю внутрь. Огромное чрево башни почти доверху плотно забито угольной мукой.

Когда внизу открывают люк, чтобы наполнить калькар, то вверху, на поверхности черной массы, образуется большая воронка. Мягкие стены этого кратера медленно сдвигаются, издавая тихий, едва слышный шелест.

Лицо стоящего у железных перил рабочего черно, точно у негра. Я догадываюсь, что лицо мое в этот момент так же черно, и говорю, указывая на очередную воронку:

— Не позавидовал бы я человеку, попавшему сюда.

В ответ я услышал короткую историю о человеке, упавшем в эту черную, каменноугольную «трясину». Его затянуло в воронку, а потом изуродованный труп вместе с углем выпал в калькар.

Коксовая батарея — это 50 огнеупорных печей, каждая из которых имеет 11 метров в длину, 2½ в высоту и ½ метра в ширину. Печи соединены вместе и представляют одно целое, массивное сооружение, с плоским, раскаленным верхом, по которому ходят люди и двигаются машины.

Батарея пышет жаром, извергает клубы едкого желтого дыма и газов, поэтому ее нельзя поместить в закрытом здании. Батарея находится под открытым небом, на площадке, гладко вымощенной шлифованными плитами камня.

Я стою на батарее, и мои ноги через подошву сапог ощущают жар раскаленных шамотовых кирпичей.

— Берегитесь, сапоги могут сгореть — предупреждает Филиппов и приоткрывает каменную крышку горелки.

Я заглядываю в круглое отверстие, величиною с чайное блюдце, и вижу раскаленное добела горелочное пространство между стенами двух соседних печей. Там горит газ и температура его — 1100 градусов.

За спиной раздаются частые удары гонга, я оглядываюсь и вижу ползущий по рельсам калькар.

Он останавливается над одной из печей, черная угольная пыль сыплется в открытый люк. Уголь немедленно воспламеняется, и из печи валит бурый зловонный дым, окутывающий калькар и рабочих, производящих загрузку.

Загруженная печь герметически закрывается и уголь, нагреваемый без доступа воздуха, начинает разлагаться. Через 32 часа, а на третьей батарее через 16 часов, когда из угля удалятся все летучие вещества, в печи будет находиться чистый углерод, называемый в промышленности коксом.

По батарее сверху подходит электрическая лебедка, большим

крюком зацепляет железную заслонку и обнажает узкий, пылающий зев печи.

В это же время, внизу, к печи подходит большой, похожий на таран, механизм — коксотолкатель. Гудит мотор, из коксотолкателя медленно выползает металлический брус, соответствующий размеру печи. Этот брус упирается в кокс и выталкивает его на противоположную площадку.

Я успел перейти на другую сторону батареи и увидел, как на каменные плиты медленно вылезала раскаленная, пышущая нестерпимым жаром бледно-розовая стена спекшегося кокса.

Коксовый пирог, проползая по плитам, входил в коксотушитель, размерами и видом похожий на положенный боком вагон. Коксотушитель как-то страшно и очень легко взвалил на себя коробку с пятитонным огненным месивом, загудел и повез его под кран.

В раскаленный кокс ударило серебро холодной водяной струи. Обнимая твердый огонь, вода превращалась в пар, белые, пушистые облака которого окутали завод вместе с высокими трубами, а шипенье воды, превращающейся в пар, покрыло все шумы завода.

В этот момент, при совершенно ясном, безоблачном небе, вдруг пошел мелкий дождь. Оказывается, поднявшийся из коксотушителя пар, охлаждаясь, падал на завод мелкими, холодными каплями.

Охлаждение — последний производственный процесс. Кокс перегружают в углярку и он должен немедленно итти на Урал. Но нередко, по причине отсутствия подвижного состава, кокс вывозят за ворота завода и сваливают в кучу.

Я видел возле рельс серые кучи кемеровского кокса, считающегося лучшим в мире. Я видел, как эти кучи поливал обильный летний дождь.

ЦЕХА ТАИНСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ

В сопровождении скромного изобретателя, я вступил в химические цеха — в гигантскую лабораторию, где реторты и колбы заменены громаднейшими цистернами, баками и трубами, в цеха, наполненные разными едкими запахами.

Нагреваемый в коксовых печах каменный уголь разлагается.

В то время, как готовый кокс уже везут на Урал, побочный продукт — газ испытывает многочисленные превращения и дает целый ряд ценных продуктов, ничем не напоминающих каменный уголь.

Из печей горячий газ поступает в холодильное отделение. Большие черные цилиндры уходят под самый потолок высокого

здания. Этих цилиндров шесть. В них газ охлаждается до 30 градусов, выделяя каменноугольную смолу и аммиачную воду.

Вода, охлаждающая газ, нагревается, и ее отводят в заводскую баню. Когда начнет работать новый строящийся сейчас завод, то в его холодильном отделении будет получаться столько кипятку, что им можно будет снабдить весь рабочий городок.

Я заглядываю в металлический бак. В голову бьет резкий, ни с чем несравнимый запах, от которого щиплет глаза. В баке — жидкая, черная, как вар, каменноугольная смола, содержащая в себе креозотовое масло, нафталин, пропиточное масло и антрацен.

Трудно поверить, что из этой вязкой, вонючей смолы вырабатывается сахарин. Но это так.

— У нас на заводе сахарин не вырабатывается: это очень дорого — поясняют мне.

— Печально — отвечаю я. — Ведь выработка сахарина помогла бы разрешить сахарную проблему. Если у нас строятся маргариновые заводы, то почему бы не ввести производство сахарина?

Оставив в холодильниках часть летучих веществ, газ по подземным трубам идет в следующее отделение — в рекуперацию.

На пути к рекуперации я вижу глухо работающие машины — турбоэксгальтеры. Эти вздыхающие машины высасывают из печей газ и гонят его по многочисленным трубам холодильного отделения и рекуперации.

Подобно легким — турбоэксгальтеры работают беспрерывно и гонят газ по железным бронхам завода.

В рекуперации полутемно и воздух пропитан особенным, приятным запахом. Так пахнут новые галоши.

Здесь газ поступает в желтые цилиндры — скруббера, каждый из которых высотою по 20 метров. В них улавливается сырой бензол — смесь летучих масел.

Газ последовательно проходит через три скруббера и совершенно освобождается от летучих веществ. Оставшийся газ — идеально чистый светильный газ. По особым трубам он идет в коксовые печи, там горит и накаливает каменный уголь, образующий в конце-концов этот же газ.

Здесь же, в рекуперации, торопливо всхлипывая, работают насосы. Здесь—сердце завода. Насосы передвигают жидкости по всем цехам, переливают их из цистерны в цистерну, из цилиндра в цилиндр.

Сердце — ответственный орган. У насосов бессменно дежурят сосредоточенные люди, внимательно следящие за работой машин, ибо нарушение деятельности одной из артерий остановит работу всех химических цехов.

По черной, маслянистой земле мы идем в следующее камен-

ное здание — аммиачное отделение. Здесь жарко и всюду господствует резкий запах нашатырного спирта.

В этот цех поступает аммиачная вода. Но она жидка — аммиака в ней только один процент. В особых приборах — агрегатах, обмурованных азбестом, аммиачную воду выпариванием концентрируют и с завода она выходит уже двадцатипятиградусной.

В аммиачном отделении каждые сутки вырабатывается 8 тонн нашатырного спирта.

В чугунной дистилляционной колонне, за толстым стеклом фонаря, виден освещенный термометр. Его омывает циркулирующая, светлая аммиачная вода. Из этой прозрачной жидкости можно выделывать прекрасное удобрение — сульфат-аммония.

В состав будущего Кемеровского комбината войдет и завод искусственных удобрений. Так намечено в пятилетке.

По железным мостикам, между высоких, горячих агрегатов ходят молодые люди. Они делают записи в блок-нотах и оживленно беседуют с пожилым химиком.

— Что это, экскурсия?

— Нет, — отвечают мне. — Это практиканты химического техникума.

В полуоткрытую дверь глухого каменного помещения видны люди в длинных фартуках, склонившиеся над большой цинковой ванной. В ванне — что-то желтое, похожее на пористое, сбитое кусками экспортное масло.

Это было действительно масло, но не экспортное, а антраце-

Сначала над рудником, потом через Томь на завод бегут вагонетки с углем».

новое. Из него вырабатывается антрацен, стоящий 1000 рублей тонна. Антрацен — бесцветные таблетки, не имеющие запаха и вкуса, — употребляется для изготовления ализариновых красок.

В бензольном отделении жарко, много горячих котлов и подогревателей. Пахнет подожженным семенем. Мне об'ясняют, что так пахнет бензол.

Сюда по трубам поступает из ректификации сырой бензол, смешанный с обогатительным маслом. Подогретый сырой бензол входит в громадные дестилляционные колонны и сливается вниз. Навстречу ему устремляется острый пар и улавливает легкое масло.

В особых сифонах легкое масло отделяется от воды и уходит в огромные металлические цистерны, находящиеся под землей. Из этого подземного склада легкое масло по мере надобности перекачивается для дальнейшей обработки в ректификационное отделение.

Все предыдущие процессы во многих цехах имели целью получить чистое, конденсированное легкое масло. В ректификации, на последнем этапе этого длинного пути, легкое масло окончательно превращается в готовые продукты.

Два больших белых котла, лежащие поперек цеха, кипят и клокочут. В них из подземного склада накачивается легкое масло и начинает нагреваться. Именно в этих белых котлах однородная на первый взгляд маслянистая жидкость разделяется на свои составные части.

«Коксовая батарея,— это 50 огнеупорных печей».

Когда легкое масло нагреется до 100 градусов, из него испаряется бензол, отводится в цистерны, и там, охлаждаясь, обращается в жидкость.

Масло в котле продолжает нагреваться, и при 120 градусах из него испаряется толуол, оседающий в другой колонне.

При нагревании в 150 градусов, из масла испаряется нафта первая, а при 180 градусах — нафта вторая.

Теперь из масла взяты все ценные летучие вещества. Остаток — плотная черная смола—уходит в гудронный цех.

В ректификационном цехе, после операции с каждым котлом, сосредоточивается масса химических продуктов, из которых одни отправляются в другие цеха, а некоторые здесь же поступают в доделку.

Нафта первая идет на обогащение антрацена.

Бензол смешивается с серной кислотой и каустической содой, сливается в кубы и окончательно ректифицируется. Кубы похожи на юрты, но гораздо больше размером. Этих кубов два. В одном из них находится бензол, в другом — толуол.

В руках я держал два стеклянных сосуда, наполненных прозрачной жидкостью, имеющей запах бензина.

Но то был не бензин. В одном из сосудов находился бензол — прекрасное горючее, которым работают моторы аэропланов. В другом сосуде был толуол — полуфабрикат, из которого вырабатываются взрывчатые вещества.

В отдалении от цехов стоит охраняемый склад готовых продуктов, соединенный воздушным мостом со зданием ректификации.

От склада дует ветер и приносит резкий, знакомый запах, поразивший меня еще у бака с каменноугольной смолой. Я силюсь вспомнить и, наконец, вспоминаю: пахнет карболкой.

— Ну, да — поясняет Филиппов. — Креозотовое масло перемешивают с серной кислотой, и получается карболовая кислота. Мы вырабатываем ее 30 тонн за каждый месяц.

— А где же смола? Что делается из этой вязкой массы?— спрашиваю я.

— Из смолы мы получаем тоже много ценных продуктов. Она обрабатывается в особом цехе — гудронном. Смола правильно называется — гудрон.

Запах нафталина в гудронном цехе был невыносим, он пропитывал все находящиеся там предметы.

Гудрон нагревается в перегонных кубах. Когда температура его достигает 170 , выделяется легкое масло, идущее на выработку бензола и толуола. При нагревании до 300 , из гудрона выделяется креозотовое масло. Оно сливается в большие металлические ванны, где находится две недели. Тогда из креозото-

вого масла выделяются грязные, пенистые кристаллы нафталина.

После выделения креозотного масла гудрон продолжают нагревать и из него отходит масло, которым пропитывают шпалы для придания им прочности. Это масло, кроме того, содержит в себе антрацен.

Теперь из гудрона взято все. В кубах остается густая, черна́я, как сажа, плотная и вязкая масса. Это — пек, идущий на производство асфальта.

Остывший пек — блестящие, упругие черные куски, с запахом новых галош. Пек очень приятно держать в руках.

Если пек сварить с пропиточным маслом, то получается отличная черная огнеупорная лаковая краска. Ею окрашивают суда.

Я смотрю на грязную пенку кристаллов нафталина, плавающих в креозотовом масле, и говорю:

— Покажите мне, как из этой отвратительной грязи образуется легкий, белоснежный нафталин.

По комнатам, где на бетонном полу ноги скользили в креозотовом масле, мы проследили это изумительное превращение.

Кристаллы нафталина отделяются от масла в центрофугах и поступают в нафталинный пресс, где на них давит тяжесть в 350 атмосфер, выжимая остатки масла.

Из-под пресса выскакивают серовато-грязные диски, похожие на серый мрамор.

Эти диски поступают на сублимацию, где нафталин испаряется, поступает в особые сосуды, в них охлаждаясь, кристаллизуется и переходит в деревянные бункера.

Под пирамиду бункера ставится новый деревянный ящик. Отдергивается люк и в ящик сыплется ослепительно белый, пушистый нафталин. Его кристаллы велики и такими мы их в продаже не видим.

Когда ящик наполняется до краев, один рабочий закрывает люк, а другой — забивает крышку.

Нафталин готов и укупорен. В углу этого отделения стоит целая гора новеньких, стандартных ящиков, издающих острый нафталиновый запах.

В химических цехах, пропитанных вечными тяжелыми запахами, я не видел людей. По громадным, наглухо закрытым цистернам, по огромным цилиндрам и трубам бесшумно переливаются жидкости, в глубине таинственных препаратов совершаются какие-то химические процессы.

В цехах не видно людей, точно завод остановлен. Но из лаборатории — мозга завода — одетые в белое, химики управляют всеми таинственными процессами, что происходят в глубине молчащих цехов.

Среди моря тончайших приборов, колб, реторт и пипеток тихо двигаются люди, похожие на врачей, готовящихся к операции. Здесь делаются анализы, сюда приносятся пробы, здесь определяется готовность того или иного продукта.

Лаборант окончил анализ. Дежурный химик смотрит на результат, смотрит на график и дает в телефонную трубку распоряжение.

Краткие, как формула, слова бегут по проволоке, в далеком цехе нажимается клапан или повертывается рычаг, и жидкости начинают струиться, переходить из цистерны в цистерну, приходит в движение вся система препаратов и сложных труб.

И опять тишина, опять в глубине цехов, за металлическими стенками гигантских реторт, идет скрытая, невидимая человеку работа.

Стального цвета кокс, желтоватый нашатырный спирт, моторное топливо, разрушительный толуол, желтый антрацен, дающий яркие краски, белоснежный нафталин, тягучий, черный пек, несравненная огнеупорная лаковая краска, ядовитая карболовая кислота, консервирующее дерево масло, прекрасно горящий светильный газ — все это получается из каменного угля, который мы ежедневно сжигаем тысячами тонн.

Мы ежедневно сжигаем десятки тысяч тонн ценнейших химических продуктов.

Невольно напрашивается вывод:

— Каким великим растратчиком остается еще человек.

СМЕНЯЕМЫЕ И СМЕНЯЮЩИЕ

По соседству со строящимся коксо-химическим заводом, между Томью и железнодорожной линией, я вижу несколько сотен странных жилищ.

Конечно, это была Нахаловка, неизбежная принадлежность современных советских городов.

Низенькие, приплюснутые землянки, с плоскими, поросшими бурьяном крышами, на которых вместо труб уныло торчат свернутые листы ржавого железа. Ни заборов, ни надворных построек, ни огородов. Плоские, низкие халупы вкривь и вкось облепили неровные бугры.

В Нахаловке нет улиц, нет даже подобия планировки, нет ничего, что создает впечатление оседлости человеческого коллектива.

Утром следующего дня я проходил мимо дома с вывеской: «Детские ясли». Я вспомнил детей возле землянок Нахаловки, и мне захотелось увидеть первую ступень коммунистического воспитания людей. Я вошел в ясли.

Из густого сада в раскрытые окна льется ленивый шопот листьев и крепкий запах березы.

На улице солнце, шум завода, паровозные гудки и напевы воздушной дороги, а в комнатах яслей чистота, голубые стены, блестящий желтый пол, прохлада и солнечный свет, смягченный зеленью сада.

Когда утром горласто ревет гудок химического завода и ему откликается далекий басистый гудок рудника, к яслям спешат работницы со своими детьми.

В просторной и прохладной приемной детишек осматривают, стригут, моют и одевают в чистое белье. День начинается завтраком, после которого комнаты яслей наполняются смехом, криком, плачем, возней.

В игральной комнате голубые стены, много света, миниатюрные столики и такие же кресла. Я открываю дверцы белого шкафа, и в глаза бьет яркость красок массы игрушек.

Из столовой несется тоненький, заливчатый смех и веселые детские голоса. Я иду на это, радующее сердце, щебетанье и вижу, что детвора катается с горы. Деревянная «ледяная гора» натерта воском и блестит как зеркало.

Со смехом и визгом дети скатываются с горы на собственных «салазках». Веселью и радости нет предела.

Играми детей руководят две воспитательницы, лица которых миловидны, а улыбки нежны и приветливы.

В небольшой комнате, где стоят две ванны, ежедневно купаются маленькие и через день дети постарше. На стене висят маленькие умывальники. Они подвешаны низко, почти у пола.

В 12 часов обед, а потом мертвый час. Дети укладываются спать, и ясли затихают. Дом кажется пустым, настолько глубока тишина, настолько велик покой.

По опустевшим комнатам бесшумно двигаются женщины в белых одеждах. Тихо, чисто, прохладно. В раскрытые окна заглядывают зеленые ветви берез.

В спальной, где воздух очень чист, стоят белые кроватки с белоснежным бельем и голубыми одеялами. Розовые дети спят. Они раскинулись, и лица их безмятежны.

Тишина. По желтому полу прыгают солнечные зайчики. За окном едва слышно шелестят деревья, сторожащие детский сон.

Когда истекают минуты мертвого часа, комнаты вновь наполняются веселым шумом и криком.

В четыре часа, вместе с гудками, приходят матери и берут домой сытых, веселых, здоровых детей.

Я покидаю ясли и думаю:

— Это поколение, воспитанное здоровым физически и морально, вступить уже в сложившееся на новых основах обще-

ство. Дети узнают только из книг о том, с какими лишениями наша страна строила социализм.

ВИДОИЗМЕНЕННАЯ ВАЛЮТА

В механическом цехе паутина трансмиссий, шелест ремней и негромкие звуки работы с металлом. Среди больших блестящих машин — молчаливые люди в черной замасленной одежде и приплюснутых кепках.

Большому заводу, с разнообразным и сложным оборудованием, необходим большой механический цех.

Механический цех Кемеровского химического завода оборудован прекрасными, привезенными из-за границы станками.

Большим цилиндром вздыбился и вытянул длинную блестящую часть радиально-сверлильный станок. Винты, рычаги, регуляторы, колеса, колесики, вертикальные и горизонтальные плоскости — все это кажется непонятным.

Но пожилой рабочий ловко орудует рычагами и направляет острое сверло на край какой-то металлической вещи. Сверло в'едается в сталь и сыплет на бетонный пол мелкие серебристые стружки.

Этот станок куплен в Германии за 5000 рублей. Он является последним словом техники.

Ценный строгальный станок, сделанный в Швеции, похож на большой черный утюг. Он ходит взад и вперед и гладит рабочую часть вагонетки. Острый резец снимает сталь слой за слоем и на пол падают тончайшие стальные спирали.

В углу, где вслед за скрежетом металла вспыхивает сноп багровых искр, — работает усовершенствованный точильный станок. Он обтачивает части и инструменты автоматически, чем устранены неточности и ошибки.

Я подхожу к буровому фрезерному универсальному станку, германского производства. Он очень велик и являет собою изумительное сочетание блестящих частей, рычагов и приборов.

Этот станок имеет огромное преимущество перед станками старой конструкции: одним поворотом рычага можно дать быстрый обратный ход обрабатываемой вещи. Это очень важно в случае какой-либо ошибки в работе.

За этот станок германской фирмы заплочено 1600 рублей золотом. Но станок, вероятно, уже оправдал затраченную на него советскую валюту.

Среди передаточных ремней черной змеей висит электрический кабель. Штепсель соединяет его с толстой стальной полосой на шлифовальном станке. Включается ток, и полоса становится магнитом, который держит шлифуемую вещь.

Удобство станка в том, что на нем можно шлифовать любые инструменты любых размеров: магнит крепко держит какую угодно вещь в нужном положении.

Я иду дальше и вижу, как из-под резца, обтачивающего красное кольцо из фосфористой бронзы, ползут и падают ярко-синие стружки.

Я беру одну из стружек и роняю ее на пол: стружка раскалена, как уголь.

На этом высоком, круглом и громоздком станке на девять резцов блестит золотая надпись: «Шарль Бертье, Париж».

— Пойдемте смотреть автогенную резку — говорит бригадир.

По средине бетонированной комнаты стоит железный стол с каменным верхом. Больше в комнате нет ничего, если не считать серого баллона, прикрепленного к одной из стен.

Баллон похож на снаряд крупного калибра, но он вмещает не нитроглицерин, а чистый кислород. От баллона изогнулся тонкий резиновый рукав, на конце которого поблескивает наконечник — горелка.

В особом, глухом каземате вырабатывается карбит, который поступает по рукаву и в горелке соединяется с кислородом.

Газ выходит из наконечника с тонким шипеньем. Рабочий подносит к нему зажженную спичку, газ вспыхивает большим синеватым пламенем.

Рабочий повертывает какой-то вентиль, шипенье усиливается, пламя становится ярче, наконец, бьет ослепительной ярко-зеленой струей, переходит в голубую и превращается в палевую, изумительно красивого оттенка.

Это красивое пламя подносится к брусу железа, и я с удивлением вижу, что железо тает, как воск, расплываясь по столу.

Этот горящий зеленым огнем газ имеет температуру 1500°.

Над крышей заревел мощный заводской гудок. Медный рев, от которого задрожали стены и стало больно в ушах, погасил шумы работы.

Смена собиралась домой.

ПОЗДРАВЬТЕ ЮБИЛЯРА

По случаю юбилея выдающегося человека принято кратко касаться его биографии.

Почему это правило не применяется к фабрикам и заводам? Мне думается, они имеют на это полное право. Я хочу выступить в роли биографа одного заслуженного предприятия.

Скоро исполнится 15 лет с того момента, как были заложены

первые камни Кемеровского химического завода. Этот завод — первенец молодой сибирской химической промышленности, и в дни его пятнадцатилетия о нем уместно поговорить.

Акционерное общество «Копикуз», правда, не оценило полностью неисчислимые богатства недр Кузбасса, но поняло, что из коксующихся кузбассовских углей можно извлечь выгоду.

Под высоким покровительством Александры Федоровны Романовой, входившей в число акционеров, «Копикуз» начал постройку в Кемерово коксохимического завода, одновременно достраивая Кольчугинскую железную дорогу и открыв шахты в Кемерово и Кольчугинске.

Но капиталисты-акционеры не дождались кемеровского кокса: завод был достроен и пущен только в 1923 г.

Завод состоял из одной коксовой батареи в 50 печей и действующих и поныне химических цехов. В 1924-25 г. завод дал 76 тысяч тонн металлургического кокса.

Данные лабораторных исследований подтвердились: коксующиеся угли кемеровских и прокопьевских пластов дали прекрасный кокс, с ничтожной примесью серы.

«Узкое место» развивающейся уральской металлургии получило разрешение в виде кемеровского кокса. Вскоре завод обогатился второй батареей коксовых печей, и в 1926-27 г. на Урал было отправлено уже 160 тысяч тонн кокса.

В декабре прошлого года зажглись 50 печей третьей батареи, выстроенной самостоятельно силами советских специалистов.

«Коксотолкатель взвалил на себя коробку с огненным месивом, загудел и повез ее под кран».

В этом году завод дал Уралу 270 тысяч тонн кокса, а на будущий год его продукция составит 330 тысяч тонн.

Капиталисты, располагавшие огромными материальными ресурсами, не смогли в год выстроить коксо-химический завод производительностью в 76 тысяч тонн. Но такие темпы строительства в Советской республике давно забыты.

Рядом со старым коксо-химическим заводом в Кемерово строится новый — производительностью 415 тысяч тонн кокса. Этот завод должен быть выстроен в течение полуторых лет.

На ровной, зеленеющей площадке растут корпуса двух цехов и над каждым из них торчат узорчатые под'емники бетона. Эти железные переплеты, поднятые на сорокаметровую высоту, видны за 3 километра — из города Щегловска.

Когда я был в Кемерово в 1927 г., то на месте строительства нового завода мирно паслось щегловское стадо. Сейчас здесь, буквально на каждом шагу, навалены штабеля пахнущего смолой леса, кучи гравия и песку, краснеют ряды кирпича.

Ровную площадку только в одном месте пересекает глубокий лог, по дну которого бежал ручей. Ручья уже нет, как не будет скоро и лога.

Ручей заключен в бетонную трубу, длиною в полтора километра, а несколько сот землекопов засыпают лог землей из роющихся котлованов.

Я стою возле бездействующего пока под'емника. Его ажурные ребра уходят вверх, мне кажется, метров на 70.

«Самый высокий цех в заводе — рекуперация. Он уже в постройке».

— 46 метров — говорит прораб. — Здесь будем строить турму. На старом заводе турма 24 метра, а наша будет 60.

По узкоколейке отвозится в вагонетках земля из котлована, который роют для турмы. Вагоны опрокидывают прямо в лог. Отвозка недалека и земляные работы подвигаются быстро.

Рядом с котлованом турмы, на том месте, где будет выстроено дробильное отделение, — сейчас растет трава, а левее, на месте штабеля водопроводных труб, будущим летом вырастет сортировочная кокса.

Прораба, показывающего мне постройку, ежеминутно осаждают десятники, бригадиры, техники. Он удачно совмещает распоряжения и ответы на мои многочисленные вопросы.

Мы стоим на шпалах железнодорожной ветки к механическому заводу Сибугля.

— Как раз на этом месте будут строиться батареи. Две батареи, каждая по 135 метров в длину. Ветку мы перенесем на другое место. Мешает.

Самый высокий цех в заводе — рекуперация. Он уже в постройке. Бетонщики, каменщики и опалубщики выше и выше поднимают стены и будут поднимать их до тех пор, пока не достигнут высоты 40 метров. Тогда цех покроют крышей и внутри начнется установка гигантских кубов и цистерн. Это будет нынче зимой.

Рядом, в лесах, увенчанный мачтой под'емника, так же быстро растет бензольный цех. Точно, через определенные промежутки времени, по под'емнику стремится вверх ковш с разведенным бетоном, и через такие же промежутки, внизу, взвывает бетономешалка.

Среди хаоса строительных материалов, на зеленом островке свободной земли стоит высокий под'емник, и его железные ноги крепко вошли в сухую, черную землю.

Кругом тишина, не видно рабочих, не видно начатых работ.

— Зачем под'емник, если работы не производятся?

В ответ я услышал от прораба историю, каких, возможно, не мало, являющуюся одной из причин прорывов в выполнении планов строительства.

Громадные груды строительных материалов, окружающие одинокий под'емник, в течение лета этого года должны были превратиться в четыре цеха: нафталинное отделение, сублимацию, гудронный цех и пековый парк.

Строители заранее приготовили камень, песок, гравий, цемент, рамы, перекрытия, поставили под'емник, но... весной из Москвы не выслали чертежи этих цехов. Приступать к постройке было нельзя.

В Москву посылались телеграммы, письма, требования... Чертежей не было. Недели шли, строительный сезон укорачивался с каждым днем, заготовленные строительные материалы лежали без движения, и железный под'емник-великан молчал.

— Вот, август уже, а этих чертежей все еще нет. Ну, разве это не безобразие? — негодует прораб, и его красное лицо багровеет, а на шее вздуваются толстые жилы. — Они в проектном бюро зашились, а у нас стройка стоит... Ведь это же преступление!

— Вообще чудес с проектными организациями не оберешься — безнадежно сплевывает прораб. — Высылают чертежи цеха, начинаем строить. Кончаем уже первый этаж, вдруг — бац! Из Москвы новый чертеж — фундамент по-иному сделать. В таких-то случаях мы, конечно, плюем на них. Раз начали, так не разбирать же целый этаж...

На строительстве нехватает рабочих. Необходимо еще 2000 человек. Неважное питание и низкие расценки были причиной того, что главная масса рабочей силы стремилась мимо Кемерово — на юг, на постройку Кузнецкого металлургического гиганта, где кормят хорошо и платят дороже.

Для рабочих действующего химзавода и шахтеров Кемеровского рудника строящийся завод не является чем-то отвлеченным, расплывчатым, неизвестным. Они знают работающий завод и потому отчетливо представляют то, что будет выстроено. Сложная терминология будущих цехов для них близка и понятна.

Потому-то тревожный клич об отставании от плана вследствие нехватки рабочих рук нашел у рабочих горячий отклик.

Ежедневно в контору Коксостроя приходят добровольные бригады и заявляют:

— Мы — выходники. Мы хотим работать этот день у вас. Дайте нам работу.

Им дают работу. Так шахтеры рудника и рабочие завода работают каждый пятый день на строительстве.

Служащие управления завода и Коксостроя устраивали субботники и добросовестно копали и отвозили землю в котлованах химических цехов.

Школьники и пионеры приходят на строительство и своими слабыми руками вносят свою долю помощи созданию нового завода.

С одной стороны — энтузиазм общественности, подлинное стремление помочь выстроить завод в срок, а с другой—«зашившиеся» чиновники из проектного бюро, опоздавшие с чертежами на полгода.

От этих «ножниц» стало не по себе. Мне показалось, что железный под'емник смотрит укоризненно и сердито.

ЗВЕНО УРАЛО-КУЗНЕЦКОГО КОМБИНАТА

Черный металл внедряется во все отрасли хозяйства, промышленности и транспорта. Черный металл—основа современной культуры, а размер производства этого металла в стране является показателем ее экономической устойчивости.

Для производства машин, для проведения железных дорог, для сооружения больших зданий — необходимо огромное количество черного металла.

Дальнейшее развитие нашей страны зависит от развертывания металлургической промышленности.

16 с'езд коммунистической партии выслушал доклад Куйбышева о выполнении пятилетнего плана развития промышленности и сказал:

«Индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР, путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири».

Черный металл — это в основе чугун. Для выплавки чугуна необходим кокс. Урал богат железной рудой, но беден углем. Сибирь богата углем, но не имеет достаточно разведанных руд.

Грандиозный проект соединенного использования огромных запасов уральской руды и сибирского угля носит название Урало-кузнецкой проблемы.

Сибирь будет давать кокс для уральской металлургии, а Урал, используя порожняк из-под кокса, будет отправлять железную руду на сибирские металлургические заводы. Такова грубо схема Урало-кузнецкого комбината.

Первые звенья этого комбината со стороны Сибири — Кемеровский коксо-химический завод и Кузнецкий металлургический гигант. Именно кемеровским коксом уральская металлургия будет питаться ближайшие годы, а уральская руда пойдет на Кузнецкий завод.

Расширяющийся Кемеровский коксо-химический завод, который в следующем году будет давать три четверти миллиона тонн кокса — это первое, уже действующее звено Урало-кузнецкого комбината.

Параллельно с развитием уральской металлургии будет увеличиваться производство кокса в Кузбассе. Расширение коксового производства неизбежно повлечет за собой развитие химической промышленности: продукты, получаемые при коксовании угля, дают полуфабрикаты для изготовления удобрительных туков, жидких горючих и смазочных масел, ализариновых красок.

фармацевтических препаратов, взрывчатых веществ, ядов и удушливых газов.

Перевозки огромного количества угля и кокса на Урал и железных руд с Урала вызывают необходимость строительства новых железных дорог и реконструкции существующих.

Грандиозность и колоссальное значение Урало-кузнецкого комбината — очевидны.

«Согласованное использование исключительных по богатству железорудных запасов Урала и каменноугольных Кузбасса обеспечит невиданное развертывание черной металлургии, облегчит разрешение задачи дальнейшего ускорения темпа развития всей нашей промышленности». Так сказал 16 с'езд партии.

Урало-кузнецкий комбинат — задача большой трудности и огромной важности. Разрешение этой задачи будет фундаментом для коренного преобразования советского Востока.

М. НИКИТИН

ВТОРОЙ ГИГАНТ

ПРИСТАНЬ «КЛИН»

Агент транспортной базы изнемогал у телефона.

— Центральная! — кричал он: — Центральная, дайте кабинет Вишневецкого!

Мы слушали телефонные звонки, тоскливо оглядывая пристань. Прямо перед нами лежали огромные цистерны, похожие на слонов. У самой воды были свалены бревна и бочки из-под автола. На бревнах сидели студенты Омского индустриального техникума, с сундуками и желтыми баулами. Все это, вместе взятое, называлось пристанью «Клин».

В Черлакский зерносовхоз нас должна была доставить машина. Но она где-то запропастилась. Мы погибали от скуки.

В конце-концов, студенты не выдержали и отправились купаться. Мы остались у будки, — я и мой спутник, корреспондент «Рабочего пути». Это был большеглазый и толстогубый юноша. Он наивно возмущался транспортными неполадками, что обнаруживало его неприспособленность к путешествиям.

Агент не отходил от телефона. Он запутался в чужой сети и теперь кричал лающим голосом:

— Союзнефть! Дайте отбой! Мне центральную надо, понимаете, центральную!

Машина не шла, — спутник мой роптал. Неизвестно, каких пределов достиг бы его гнев, если бы из-за будки не вышли три парня. Это были рослые деревенские детины в фуражках с красными кантами.

— Казаки! — шепнул мне спутник.

— Были раньше казаки, — возразил один из парней, расслышав шопот корреспондента: — были казаки, да сплыли. Теперь мы неизвестно кто.

— Как же неизвестно?..—спросил корреспондент.

— Так и неизвестно, — вмешался другой парень с бесцветными, будто выцинявшими от солнца глазами. — За десять лет нас разно перевертывали.

Парни коротко хохотнули. Корреспондент нахмурился, вынул записную книжку и, плотнее утвердившись на чемодане, начал интервью:

— Скажите, как относится к зерносовхозу казачье население?

— Да что-ж,—ответил бесцветный парень: — от совхоза мы вреда не видим.

— Но ведь он занял вашу землю?

— Нет, — то богова земля. Нам такую землю ни в жисть бы не осилить.

— Значит, совхоз развернулся на целине?

— На целине, — подтвердил парень, на Диком поле.

Корреспондент что-то записал в свою книжку. Парни беспокойно переглянулись, и один из них произнес:

— За это советскую власть, приветствовать надо.

Разговор пригас. Я поднялся и зашагал к берегу. Студенты все еще полоскались в воде. Стремительный и прямой Иртыш манил меня, но я не успел дойти до берега: на дороге показалась машина.

Это был грузовик, — по всей вероятности трехтонный «Спа».

Я вернулся к будке.

— Товарищ, — обратился ко мне бесцветный парень: — а нельзя ли нам со всем имуществом вступить в совхоз?

— Нельзя, — вмешался корреспондент: — вам в колхоз надо, — вот куда.

— В колхоз нам не хочется.

— Почему?

Парень затоптался на месте.

— Так что порядка там нету.

Корреспондент хотел что-то возразить, но голос его пропал в грохоте машины, подлетевшей к будке.

— За вермишелью приехал! — крикнул шофер, открывая автомобильную дверцу.

Агент вышел из будки. Студенты, одеваясь на ходу, побежали к машине.

Через пять минут веомишель и студенты были погружены в автомобильный ящик. Шофер дал полный газ, и машина тронулась.

Я занял место рядом с шофером. В узкой его каюте было очень душно. Зато я видел длинную ленту дамбы. Она соединяла пристань с тем невысоким холмом, от подошвы которого поднималась дорога.

На вершине холма широко развернулась колонна комбайнов. Издали они были похожи на игрушечных деревянных уток.

Дамба имела в ширину не менее десяти метров. Она черным ножом распорола зеленое тело лугов. Я спросил шофера, кем она построена.

— Совхозом, — ответил шофер.

Впереди чернел провал рытвины. Шофер чуть крутнул руль; машина прыгнула и вновь пошла спокойно.

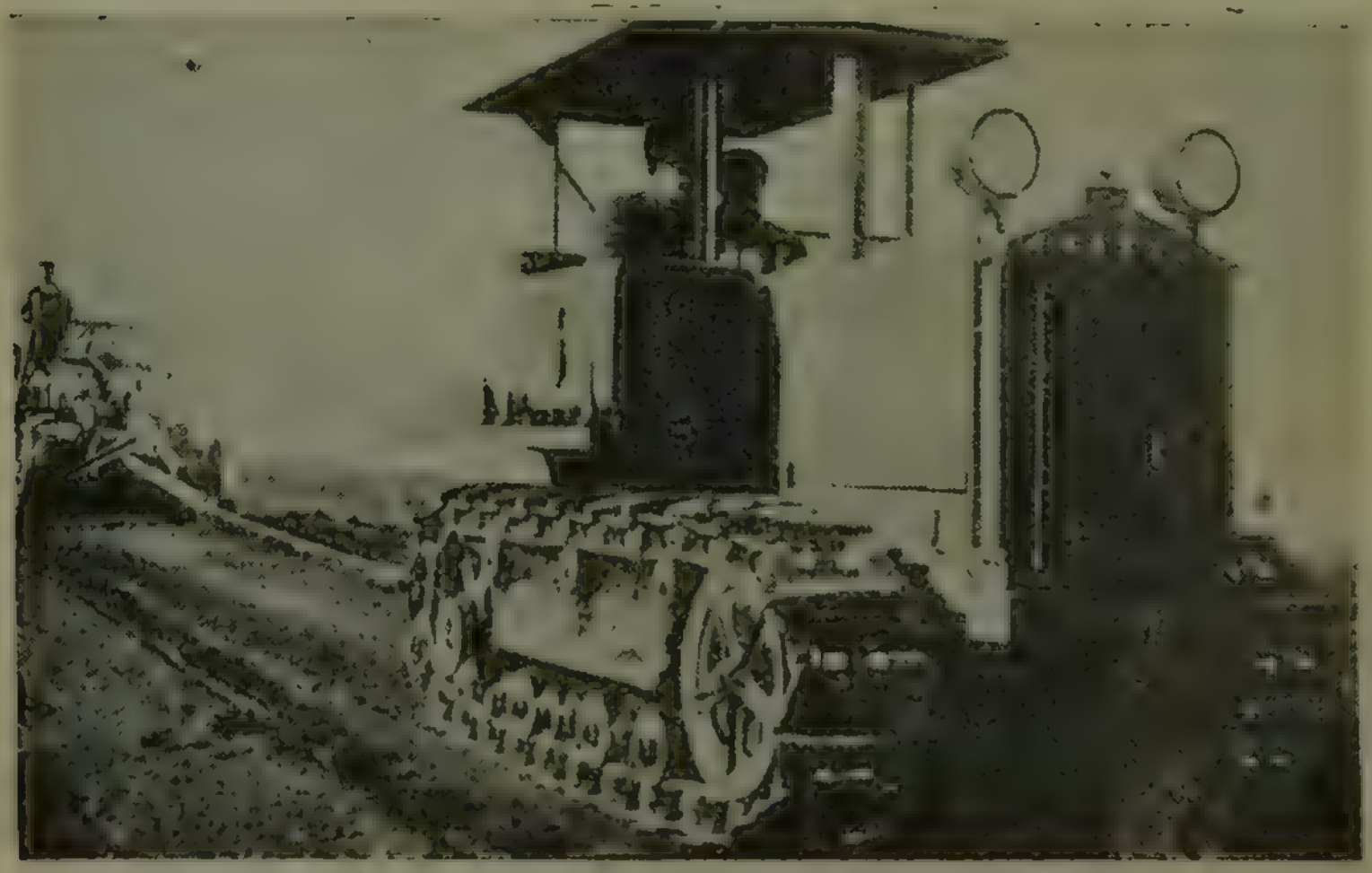
— Этой весной, — сказал шофер, — ее чуть не снесло, — дамбу-то.

Шум машины был ровен, словно дыхание великана. Шофер слегка наклонился ко мне и начал рассказывать о том, как этой весной они отстаивали дамбу.

— Паводок в этом году совпал с разгаром посевной кампании. Иртыш стремительно разлился по лугам. Невысокий пригорок пристани превратился в полуостров, узкая полоса дамбы соединяла его с «сушей», которая отодвинулась до подножья холма. Прорыв дамбы мог бы вызвать катастрофу, потому что Черлак отделен от железной дороги расстоянием в полтораста километров, и пристань является для него настоящей отдушиной во внешний мир.

Если представить зерносовхоз в образе сказочного великана, то пастью этого великана будет пристань. Она заглатывает тысячи тонн горючего. По пищеводу дамбы горючее в виде черных питательных смесей притекает к желудку совхоза.

Не трудно представить, как были испуганы зерносовхозовцы, когда ветер погнал по лугам иртышские волны и дамбу стало



«...Дамбу стало захлестывать. Тогда с полей была двинута тяжелая артиллерия гусеничных тракторов..»

захлестывать. С полей была двинута тяжелая артиллерия «Катер—Пиллеров». Она грохотала день и ночь, отстаивая дамбу.

Наконец, Иртыш угомонился. Дамба выдержала испытание, а относительно пристани выяснилось, что она подвержена наводнениям.

Таковы были уроки весны. Заканчивая свой рассказ, шофер признал, что элеватор, который предполагали построить на пристани, придется перенести на другое место.

После этого он замолчал.

Дамба осталась позади. Мы ехали по новому шоссе. Это была автомобильная или, как говорят зерносовхозовцы, профилированная дорога. Такие дороги проложены во всех зерносовхозах омской группы. Они дешевы и очень практичны. Дорожный отряд Зернотреста, который строит эти дороги, вооружен гредерами и катками. Гредеры снимают землю по обочинам намеченной дороги и сбрасывают ее на середину. За гредерами идут катки. Они утрамбовывают насыпь, создавая твердое земляное полотно с двухсторонним скатом для воды. Отличительная особенность этих дорог — необычайная их прямота.

Дорога, по которой мы ехали, приближалась к идеальной прямой. По существу, она состояла из трех дорог. Среднее земляное полотно, насколько можно было судить по столбу с надписью, предназначалось для автомобилей. Налево от автомобильного полотна лежала дорога для тракторов, направо—крестьянская дорога. Это было непостижимо.

«...Ровными рядами разместились жилые дома, зернохранилища и гаражи...».

Год тому назад здесь простиралось дикое поле, перетоптанное копытами кочевых орд. Здесь нагуливали жир степные табуны. Здесь рыскали барантачи, гордые воровской удачей. Теперь все это исчезло, и на путях барантачей встали мирные столбы, регулирующие движение.

Это было еще не все.

В двадцати километрах от пристани мы перегнали караван комбайнов, влекомый волами. Волы в их допотопной упряжи, именуемой ярмом, медлительные и неповоротливые волы тащили за собой машины, считающиеся чудом сельскохозяйственного машиностроения.

СТЕПНОЙ ГОРОДОК

Вечером трехтонная машина подошла к степному городку.

Мы увидели вышку гидростроя, очень похожую на вышку нефтепромыслов. Рядом с ней встал кирпичный корпус мастерских. Дальше ровными рядами разместились жилые дома, зернохранилища и гаражи.

На первый взгляд в городке было не менее семидесяти строений. Преобладали постройки глинолитные: к ним относились все жилдома.

Мы в'ехали в городок в тот момент, когда над крышами его налились внезапным светом круглые шары электро-фонарей. Это дополнило городское великолепие.

Машина остановилась посреди широкой улицы. Студенты, гремя сундуками, стали спускаться наземь. Мой спутник слез последним. Мы распростились с шофером и пошли разыскивать завхоза.

Улица состояла из однотипных домов. Все они были одноэтажны. В каждом доме по двенадцати окон и по два крыльца. Нужный дом можно отыскать по номеру таблички.

Мы нашли завхоза в номере девятом. Оказывается, агент успел с ним созвониться. Квартира для нас была отведена в номере седьмом.

Мы пошли в седьмой.

Здесь шел ремонт. Пустые комнаты остро пахли известью. Коридор был завален стружками. Загорелые женщины, подоткнув юбки, сосредоточенно месили глину. Одна из них провела нас в комнату для приезжих.

Это была единственная комната, избежавшая разгрома. Здесь стоял стол и четыре кровати.

Мы сложили свои вещи и отправились в контору. Время было позднее. Сумерки сгущались в ночь. Окна всех домов были освещены. Наступил час отдыха и чаепития.

Мы шли в контору без определенных намерений, но нам посчастливилось.

Белый глаз плафона озарял вместительную комнату. За столом, касаясь руками зеленого сукна, стоял коренастый человек в жокейской кепке. Перед ним толпились студенты.

— Товарищи, — говорил коренастый человек: — мы не можем терять времени, — завтра я отправлю вас на поля. Сейчас я должен ввести вас в курс дела.

Черлакский зерносовхоз занимает площадь в девяносто девять тысяч га. Среди зерновых фабрик Союза нашему совхозу принадлежит второе место. К настоящему времени совхоз еще не вышел из организационного периода.

В прошлом году мы подняли 36.700 га целины. Посевная площадь 1930 года выражается именно этой цифрой. Таким образом мы должны провести уборку урожая на площади в 36.700 га.

Вся эта площадь разделена на четыре участка. Заведующий, взяв машину, может об'ехать свой участок в один день. Если же он поедет на лошади, ему понадобится затратить три дня. И вот на таких участках мы должны производить уборку урожая. Эта работа начнется 10 августа. Сейчас мы ведем подготовку к уборочной кампании.

Но это еще не все. К 10 августа мы должны произвести под'ем целины на площади в 46.000 га. На сегодняшнее число, то-есть на 15 июля, мы выполнили 30 процентов плана и в оставшиеся 25 дней должны выполнить остальные 70 процентов.

Как видите, здесь у нас прооыв. Сейчас мы все силы бросаем на ликвидацию прорыва. Вы отправляетесь завтра. Каждый из вас должен помнить, что план нужно выполнить. Особенно должны об этом помнить комсомольцы и партийцы. Наш партийный комитет будет беспощадно взыскивать с тех комсомольцев и партийцев, которые не сумеют заразить трудовым энтузиазмом плугаторов, трактористов и всех рабочих, соприкасающихся с пахотой.

Я сказал все.

Человек в жокейской кепке выпрямился. Студенты потоптались на месте и один из них спросил:

— А в качестве кого мы поедем на участки?

— Это зависит от способности каждого студента, — сказал человек в жокейской кепке: — если вы способны заведовать участком, мы вас поставим во главе участка, но это случится не раньше, чем вы проявите свои способности. Есть еще вопросы?

Вопросов не было. Студенты потерянно побрели из квартиры. От одного из них мой спутник успел узнать, что человек в жокейской кепке — директор и что фамилия его — Лапса.

Когда студенты ушли, мы загородили директору дорогу и вернули ему его изречение.

— Мы не можем терять времени, — сказали мы директору.

Он улыбнулся и повел нас в свой кабинет. Здесь под сенью огромной почвенной карты мы просидели до полуночи. Мы засорили свои блокноты карандашными пометками. В облике сухих цифр перед нами вставали контуры гигантского строительства, порученного этому человеку с необыкновенной фамилией.

В течение одного года в голой степи возник городок с мастерскими, конторами и с населением в четыре с половиной тысячи человек. В течение одного года была вспахана и засеяна площадь в 36.700 га. С этой площади будет собрано не менее 36.700 тонн зерна. Это такое количество хлеба, которым можно прокормить в течение года население Омска и Новосибирска, вместе взятых.

Для того, чтобы убрать пшеничный массив на площади в 36.700 га, нужно затратить энергию, способную сдвинуть горы. Но уборка не ограничивается жнитвой и молотьбой: зерно нужно отправить в ближайший транспортный пункт, то-есть на пристань «Клин». Понадобится потрясающее количество машин и брезентов. Между тем, машин в Черлаке относительно немного, а брезентов совсем нет.

В большом деле нельзя избежать ошибок и всяческих промахов. Это бесспорно. И все же нельзя не посочувствовать тов. Лапсе, который видит во сне грузовики и брезенты.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ВЫШКЕ

Утром я захотел осмотреть совхоз с гидростроевской вышки.

Поднявшись на тридцатипятиметровую высоту, я невольно ахнул: вокруг зернохранилищ, гаражей и глинолитных жилищ широко раскинулось пшеничное озеро. Оно было необозримо, его берега лежали где-то за линией горизонта. Ветер поднимал в нем зеленую волну. Как в настоящем озере, волна разбивалась о черные острова пашни.

Это было изумительное зрелище. Поднятый на тридцатипятиметровую высоту я невольно задумался о том, как будет вычерпан хлеб из этого чудовищного озера.

План уборки мне был известен. Директор исходил из наличия 70 комбайнов.

Мне было известно, что десятого августа комбайны выйдут на предназначенные участки. Я отчетливо представлял, как все это будет.

Издали комбайны напоминают уток. Десятого августа они нырнут в хлебные волны. Элеваторный их зоб будет наполнять-

ся зерном. Насытившись, они выбросят зерно в автомобильные ящики, и автомобили побегут на пристань «Клин».

Из пшеничного озера потечет тогда хлебная река. Она прорвется к пристани «Клин» и, пройдя плотину перегрузочного амбара, низринется в темные недра трюмов. Флотилия барж, отягощенных зерном, отвалит от пристани и пойдет по Иртышу до Омска или до Куломзино. В Куломзино гигантский элеватор при посредстве зерновсасывающего хобота опустошит баржи. Зерно перейдет в круглые элеваторные башни и отсюда потечет на мельницы.

По плану путь зерна был именно таков.

Но идеальная прямая плана в действительности нередко становится линией зигзагообразной.

Уборка урожая на площади в 36.700 га — дело все же не шуточное. Подготовлен ли зерносовхоз к решающим боям?

Обратимся прежде всего к его вооружению.

Зерносовхоз, как известно, имеет 70 комбайнов. При уборке всей площади каждый комбайн должен будет обработать 514 га за сезон или 30-35 га в день. Иными словами, комбайны в Черлаке сразу должны дать американские нормы.

Опыт «Гиганта» показывает, что это невозможно. В прошлом году в начале уборки комбайны на полях «Гиганта» давали выработку в размере 60-70 проц. от американских норм. Только к концу уборки, когда комбайнеры приобрели некоторый опыт, — выработка поднялась до американского уровня.

Черлакские комбайнеры никакого опыта не имеют. Это — всего-навсего трактористы, которые присутствовали при сборке комбайнов, а затем прослушали лекции американских инструкторов.

Такая подготовка ни в коем случае не может считаться удовлетворительной.

Комбайн очень капризная машина. В массовую американскую практику она введена в 1927 г. Конструкция ее далека от совершенства.

Комбайн не может, например, снимать недозрелые посевы. Он выходит из строя, если влажность зерна в снимаемых колосьях превышает 14-16 проц. В ранние часы дня, а также вечером он работает хуже, нежели в часы полуденные.

По совокупности всех этих обстоятельств, комбайн должен быть обеспечен таким обслуживающим персоналом, который обладает и знанием и опытом.

Черлакские комбайнеры ни знаний, ни опыта не имеют. Можно ли отсюда сделать вывод, что Черлакский зерносовхоз должен отказаться от комбайновой уборки до той поры, пока не будут приготовлены кадры обученных комбайнеров?

Допустим, что Черлак отказался от комбайновой уборки. Тогда уборку пришлось бы проводить методом помещечье-усадебным.

Для того, чтобы снять урожай на площади в 36.700 га, нужно нанять на трехнедельный срок не менее 12.000 рабочих. Но какое хозяйство сможет прокормить и обеспечить жильем эту огромную армию?

Зерносовхоз — это хозяйство нового типа. Оно создает новые хозяйственные методы и новую технику. В помещичьем хозяйстве основной тягловой силой был конь и основной уборочной машиной — конная жнейка. В зерносовхозе коню противопоставлен танкообразный «Катер-Пиллер» и жнейке противопоставлен комбайн.

Нельзя, конечно, не печалиться по поводу того, что у нас нет обученных комбайнеров. И все же, преодолевая общую некультурность и техническую отсталость, зерносовхозы будут работать на комбайнах.

Неопытные комбайнеры поломают не одну машину. Машины стоят очень дорого. Поломки лягут накладным расходом на себестоимость зерна. Но они должны быть рассматриваемы, как плата за обучение и как издержки реконструкции хозяйства.

Все это неоспоримо, как неоспоримо то, что у человека, поднятого на гидростроевскую вышку, неимоверно расширяется горизонт.

Кстати о горизонтах. Спустившись с вышки, я сразу на-

„...Комбайны нырнут в хлебные волны. Элеваторный их зоб будет наполняться зерном...“.

толкнулся на скептика. Это был высокий и очень изможденный человек с бельмом на левом глазу. Увидев меня, он улыбнулся, и я увидел его крупные и желтые зубы.

— Пшеничку осматривали? — спросил он.

— Пшеницу, — сказал я.

Скептик пожевал сухими губами и раздельно произнес:

— Пшеничка у нас неплохая, — да вот только как мы ее убирать будем?

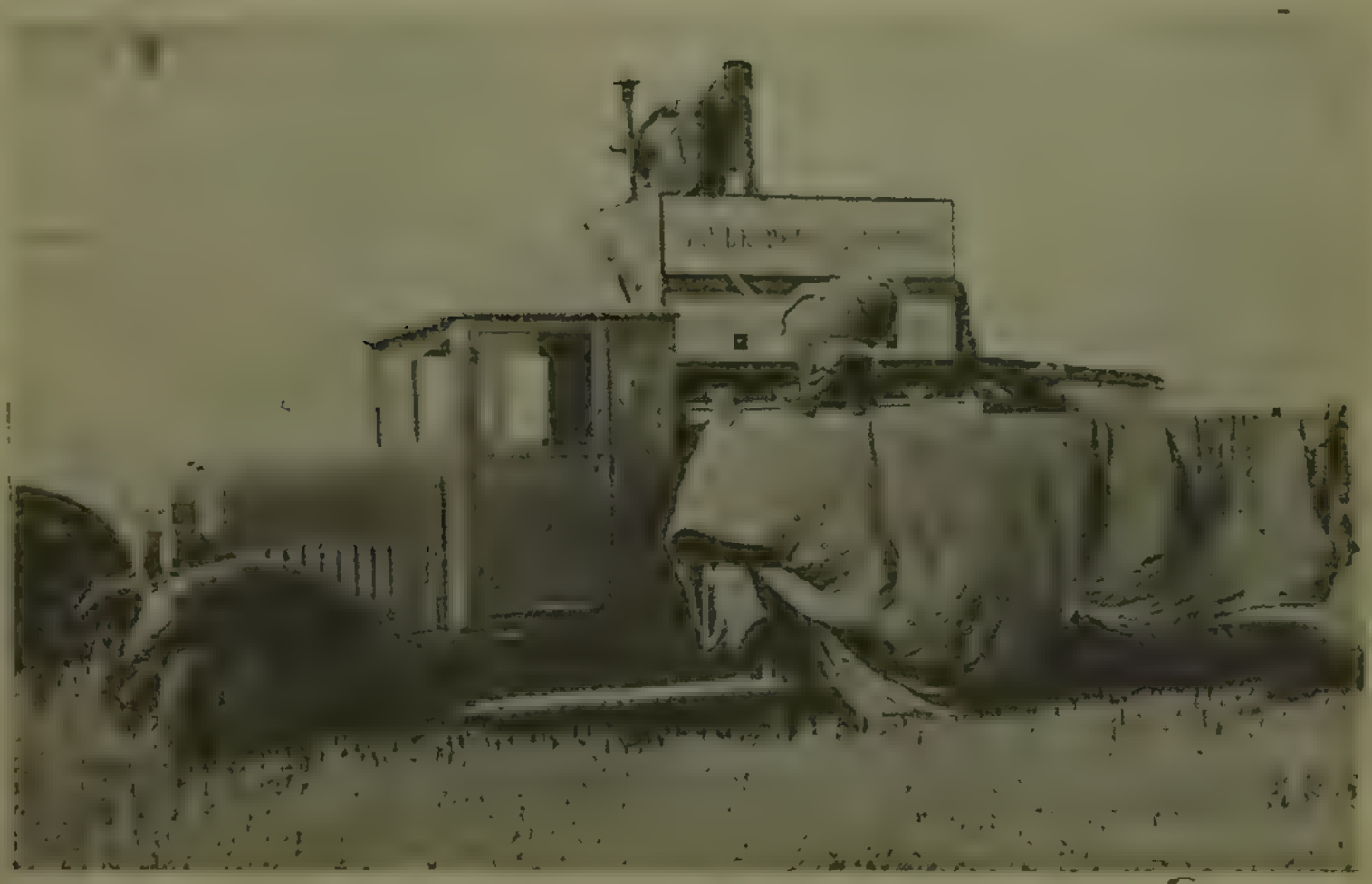
Я внимательно посмотрел на скептика. Бельмо его было неподвижно, здоровый глаз забежал в сторону.

— Убрать-то мы, пожалуй, уберем, — сказал скептик после краткого раздумья, — да вот как зерно вывозить будем?

— На машинах возить будете, — сказал я.

— Это верно, — подтвердил скептик, — на машинах будем возить, но только тут есть одна загвоздка. По плану зерно пойдет на пристань «Клин». Это первый вариант. Но на пристани «Клин» не построен еще перегрузочный амбар, — это во-первых. Тоннаж Иртышского флота катастрофически мал, — это во-вторых. И водные перевозки будут возможны только в том случае, если в августе горизонт воды в Иртыше не спадет на 120 сантиметров, — это в-третьих. Таким образом первый вариант не надежен.

Возьмем второй вариант. По второму варианту зерно пойдет в Омск. До Омска 150 километров. Зерна мы должны перевезти не менее 25.000 тонн. Посчитайте, сколько нужно грузо-



„...Насытившись, комбайны выбросят зерно в автомобильные ящики...“.

виков, — а у нас их раз-два да и обчелся. К тому же и брезентов нет, а горючее имеется в обрез.

— Грузовики вам пришлют, — возразил я, — грузовики для вас в Омске будут мобилизованы и в других городах.

— Будем ждать, — сказал скептик, улыбаясь своей лошадиной улыбкой.

— Ну, хорошо, — разозлился я: — что же по-вашему нужно делать?

— По-моему не нужно было прежде времени огород городить.

— То-есть не нужно было строить зерносовхоз?

— Нет, — тихо сказал скептик, — совхоз нужно было строить, но только раньше нужно было все учесть. Торопливость здесь неуместна.

— Республика не может ждать. Республике нужно зерно. Оно нужно сейчас же, понимаете, сегодня же!

Я хотел сказать это скептику, но он торчал передо мной в виде унылого вопросительного знака. Это так меня разозлило, что я ничего не сказал.

Я прошел мимо скептика. Шагая по улице, я размышлял о том, как истребить скептицизм в этой унылой личности.

Повидимому, — думал я, — его надо затащить на гидростроевскую вышку.

Тогда он будет понимать и видеть.

ФРОНТ

Зеленый «Форд» был чист и ослепительно наряден.

— Шофер этой машины — женщина, — сказал агроном Ульянов: — вам стоит с ней поговорить, человек она прелюбопытный, — лет восемь была канцеляристкой, а потом увлеклась автомобилизмом и вот, как видите, сменила профессию.

Агроном Ульянов сидел за рулем.

— Давно ли вы научились управлять машиной? — спросил я.

— С тех пор, как поступил в совхоз, — не оборачиваясь ответил агроном.

Машину чувствительно качнуло: мы ехали не по дороге, а по обыкновенному проселку, прострочившему картофельные плантации.

Впрочем, картофель скоро кончился. Навстречу нам побежали пшеничные поля.

Пшеница была неровная, — с «подгоном», как говорят крестьяне.

— Этот участок самый плохой, — сказал агроном Ульянов, — мы засеяли его позднее других участков. Кроме того

здесь с осени земля не была продискована, а дискование в наших условиях совершенно необходимо: на вегетационный период мы имеем всего 70-80 миллиметров осадков.

Машинное вооружение Черлакского зерносовхоза не может быть признано блестящим. В настоящее время дефицит механизации определяется цифрой в 2600 лошадиных сил. Наднях зерносовхоз должен получить 17 «Катер-Пиллеров». Тогда дефицит механизации будет снижен до 1784 лошадиных сил.

Машиной, наиболее приемлемой в условиях Чарлакского зерносовхоза, является «Катер-Пиллер». Территория зерносовхоза имеет идеально-равнинный рельеф. Это дает возможность прицеплять к «Катер-Пиллеру» столько плугов или сеялок, сколько он может потянуть. В частности к нему прицепляют пять сеялок. К трактору «Интернационал» можно прицепить только две сеялки. Следовательно, «Катер-Пиллер», управляемый одним трактористом, выполняет такую работу, которую способны выполнить три «Интернационала», управляемые тремя трактористами.

Экономия на обслуживающем персонале получается огромная. Необходимо еще отметить экономию горючего, экономию времени на подготовку машины, а также возможность широкого применения «Катер-Пиллера» вне пахоты или уборки.

«Катер-Пиллер» свободно тянет поезд, составленный из семивагонного вида заводских тележек. «Катер-Пиллер» может быть привлечен к лесоразработкам. Словом, это универсальная машина.

Совершенно несомненно, что в крупном хозяйстве она вытеснит «Интернационал», «Клетрак», «Ойль-Пуль».

Вероятно будет так, что «Катер-Пиллер» займет первенствующее положение в зерносовхозах, а «Интернационал» — останется излюбленной машиной колхозов.

— Вы понимаете, — говорил Ульянов, склонясь над рулем: — нам нужно иметь 140 «Катер-Пиллеров» и 140 комбайнов. Через год и то и другое у нас будет. Тогда и начнется настоящая работа.

Хмуро поблескивая глазами, агроном говорил о том, что до сих пор сельское хозяйство роковым образом зависило от погоды.

«Катер-Пиллер», работающий при любой погоде, и комбайн, прямо на поле производящий очищенное зерно, — две эти машины освобождают земледелие от жестокого ига природы. Уже сейчас строятся хозяйства, справедливо называемые зерновыми фабриками: в основе этих хозяйств лежит план.

— Нынешней весной, — говорил агроном, — мы закончили сев 2 июня. План был выполнен с точностью до одного часа. Вы понимаете, — это уже фабричное производство.

Я несколько рассеянно слушал агронома. Воображение мое было подавлено видом пшеничного массива. Проселок струился в этом массиве наподобие узкого канала. На протяжении двенадцати километров, отмеченных автомобильным счетчиком, мы видели только стену пшеничных квадратов. Эти квадраты повторяют друг друга, потому что сеть проселков делит всю территорию совхоза на совершенно ровные четырехсотгектарные участки.

На тринадцатом километре зеленые квадраты пшеницы сменились черными квадратами пашни. Здесь дорога была особенно плохая. Наша машина заколыхалась, как лодка на волнах парохода. Агроном замолчал и крепче вцепился в руль.

Проехав еще километр, мы увидели гессенские палатки.

Они выстроились полукругом, — по средине полукруга дымились трубы двух походных кухонь, несколько в стороне стояла полевая избушка на высоких колесах.

Агроном остановил машину в центре полукруга и несколько раз подавил грушу автомобильной сирены.

Из полевой избушки вышел человек в юнгштурмовской форме и с полевой сумкой через плечо.

Это был заведующий участком, агроном Иванов. Мы вылезли из автомобиля и пошли навстречу заведующему.

Был предобеденный час. Поварихи в белых передниках огромными мешалками перемешивали борщ и кашу в котлах походных кухонь. Полотнища самой большой палатки были распахнуты. Ее земляной пол был тесно заставлен столами. Женщина в белом переднике ходила вдоль столов, расставляя алюминиевые чашки.

Мы не успели еще поравняться с завом, когда из-за крайней палатки со страшным грохотом вынеслась трехтонная «Спа , доотказа набитая людьми. Это была смена трактористов, возвращавшаяся с пашни.

Выскочив из автомобильного ящика, трактористы побежали к палаткам.

Я подошел к походным кухням. Поварихи озабоченно пробовался суп. Тем не менее, они успели пожаловаться: им трудно работать под открытым небом, потому что в непогоду дождь льется прямо в суп.

Я заглянул в палатку, смежную со столовой. Из нее только-что вышли трактористы, успевшие привести себя в порядок.

По средине палатки стоял стол. По обе стороны от него протянулся ряд топчанов, прикрытых совершенно одинаковыми

одеялами. Под топчанами стояли сундуки и корзинки. В изголовьи некоторых постелей виднелись связки книг.

Люди здесь жили по-походному, непрочно. Это об'яснялось тем, что через табор проходила линия фронта.

Да, здесь был фронт.

Знали ли об этом люди, которые сидели теперь в столовой, гремя алюминиевой посудой?

— Мне кажется — знали.

Заведующий участком, который поехал с нами на Главный Хутор, — по дороге рассказал о нескольких случаях, характеризующих высокую сознательность рабочих.

Вот один из наиболее ярких примеров.

На-днях два тракториста обратились к заведывающему с требованием о повышении оклада на два или на три разряда. В случае невыполнения этого требования трактористы грозили уйти с работы.

Заведующий был поставлен втупик: отпустить трактористов он не мог, потому что участок не укомплектован полностью, — повысить оклад он также не мог, потому что тогда надо было сломать разрядную сетку для всех трактористов.

В этих обстоятельствах на помощь заву пришли рабочие. В обеденный перерыв состоялось общее собрание. Двум трактористам было пред'явлено обвинение во рвачестве. Они не смогли оправдаться, и собрание постановило исключить их из профсоюза. Защищая свои требования, злосчастные парни указывали на трудные условия таборного быта. Собрание не вняло их голосу. Собрание не могло им простить использования производственных затруднений участка в постыдно-личных интересах.

Мы не намерены защищать парней, обвиняемых в рвачестве. Но чувство справедливости заставляет нас подтвердить, что бытовые условия на участке действительно тяжелы.

Прежде всего нужно отметить недостаток воды. На таборе колодца нет. Воду подвозят издалека. После работы трактористы не могут, как следует, помыться.

Затем нужно отметить скученность людей в палатках. Палаточный быт отличается неустроенностью. Ни в одной из палаток я не видел радио-приемника. Между тем, радио чрезвычайно бы скрашивало часы непродолжительного отдыха.

Это замечание распространяется и на культурную работу среди трактористов. Она совершенно ничтожна. Здесь может быть только отмечен приезд театральной бригады, присланной Сибкрайузпом (т.-е. Сибирским краевым управлением зрелищных предприятий).

Выступление выездной бригады чрезвычайно понравилось трактористам. Мало того — оно вызвало трудовой под'ем.

На другой день после выступления бригады в табель учета труда было записано, что на четвертом участке «Катер-Пиллеры» выработали по 9,3 га.

Значение этой цифры станет понятным, когда мы скажем, что норма выработки для «Катер-Пиллеров» — 9 га в день.

Все это наводит нас на такие мысли.

В городе театральные спектакли развлекают публику. В зерносовхозе они вызывают трудовой под'ем. Отсюда следует, что город нужно освободить от избытка зрелищ в пользу совхозов и колхозов.

Внимание города к черлакским трактористам не должно ограничиваться посылкою одной бригады.

Трактористам нужно сказать;

— Продолженье следует.

ПОЛЕВАЯ НОЧЬ

У шофера болели зубы. За рулем сидел директор. Мы расположились в глубине машины.

Автомобильная коробка была похожа на большую люльку. Секретарь ячейки спал, убаюканный равномерным покачиванием. Я боролся с сонливостью. Дрема пеленала нам мускулы.

— Корреспондент! — послышалось сквозь дрему.

Я поднял отяжелевшую голову.

— Смотрите! — сказал директор.

„...Люди здесь жили по-походному непрочно...“.

Я раскрыл глаза. Блуждающие огни надвигались на нас.

— Трактора, — с усилием произнес шофер. Я вглядывался в темноту. Черные корпуса машин сливались с пашней. Я видел только огни, которые шли по косой линии.

Дорога вильнула влево. Огни стали удаляться. Дрема прилипла ко мне снова.

— Не спите, — обернулся ко мне директор: — сейчас будет граница.

Я пробормотал что-то и провалился в пустоту. Я ничего не слышал, — даже грохота машины.

— Граница! — сказал неожиданный голос.

Я вздрогнул. Прямо передо мной покачивались две спины. Марлевая повязка шофера резко белела. Огненные ножи автомобильных фар резали черный коленкор ночи. Мгновенный свет пугал сусликов. Они перебегали дорогу с трусливым писком.

Машина вильнула еще раз. Огненные ножи врезались в темные кучи киргизких юрт.

— Здесь кончается наша земля, — заговорил директор,— в прошлом году юрты стояли на территории теперешней усадьбы совхоза. Затем они откочевали на землю первого участка. Когда мы начали распахивать первый участок, — киргизы отошли к нашей пограничной меже. Весной тридцать первого года наши пашни подойдут к границе. Тогда киргизам придется откочевать на новые земли.

Директор напряженно поднял плечи и замолчал.

„...По средине полукруга дымились котлы походных кухонь...".

Я подумал о том, что картина, нарисованная им, величественна и неповторима.

Да, здесь происходит смена двух эпох. Кочевое хозяйство отступает под натиском зернотрестовского земледелия. Волна зернотрестовского земледелия перехлестывает пограничные межи. Она смывает юрты, — она сокрушает деревни.

На рассвете наш «Форд» влетел в деревенскую улицу. Белые мазанки были традиционны, как открытки, воспроизводящие украинскую ночь. Колодезные журавли вытянули деревянные шеи. В палисадниках темнела зелень тополей. Такая деревня могла назваться только Старой Киевкой или Новой Павлоградкой.

Но ожидания мои не оправдались.

— Это не деревня, — сказал директор, — это наш подшефный колхоз.

Мы вихрем пронеслись по улице. Собаки нас не облаяли. Автомобиль был для них привычным зрелищем. Они лежали у мазанок, провожая нас скучливым взглядом.

— Через год, — сказал директор, — все окрестное хозяйство войдет в колхозы. Вокруг нас не останется ни одной деревни.

— Ни одной деревни, — повторил секретарь как бы во сне. Директор поднял боковое стекло. Ветер влетел в автомобильную люльку. Прохлада облила наши сонные головы. Я выглянул в окно. Мимо нас бежали зеленые поля. Земля была прекрасна. Мне хотелось закричать от радости, но я был не один.

Кроме того, со мной говорил директор. Он говорил о том, что мы едем по земле Ново-уральского совхоза. Озираясь налево и направо, он показывал головой на пшеницу.

— Эта, — говорил он, — даст десять центнеров, эта даст пятнадцать.

Пшеница, которая росла на лесной опушке, была оценена в двадцать пять центнеров. Директор остановил машину. Мы вошли в пшеницу. Колосья ударялись друг о друга с металлическим звоном. Зеленые заросли закрывали нас до плеч. Мы сорвали несколько кустов и вернулись к машине.

Стало совсем светло.

Шофер загасил фонари. Мы помчались вперед.

За рулем теперь сидел шофер. Счетчик показывал сто двадцать два километра.

На сто двадцать третьем километре ново-уральские поля сменились пастбищами совхоза «Овцевод».

Деревни не было. Были совхозы и коммуны. Еще были овцы. Я успел увидеть, что они серыми каплями разбрызнулись по зелени пастбища.

Неизвестно, сколько прошло времени.

Я проснулся от резкого толчка. Было солнечное утро. Прямо передо мной развернулся Омск. Я не сразу узнал его.

Я под'езжал к Омску несколько раз. Я под'езжал к нему по воде и суше. Каждый раз, — с севера ли я под'езжал иль с юга, — мне прежде всего бросался в глаза казачий собор.

Он царил над городом.

Теперь собор был обезглавлен.

Над городом высились башни только что отстроенного элеватора.

Они были темны и величественны.

Л. МАРТЫНОВ

ФАБРИКА МЯСА

ПРОГУЛКА С УПОЛНОМОЧЕННЫМ

Пожалуй, я мог бы сойти с парохода прямо на новой, только что внесенной в списки госфлота пристани совхоза «Скотовод», но испугавшись, что пароход по недосмотру проскочит мимо этой новоявленной пристани, я сошел на берег несколько раньше — в Такмыке. Оказалось, что ничего не проиграл.

В Такмыкском сельсовете толпился встревоженный люд и было нелегко добраться до председателя.

— Уполномоченный? — задумчиво спросил меня он.

— Сотрудник газеты, — ответил я.

— Что же тебе рассказать, уполномоченный газеты! — вздохнул председатель. — Насчет чего ты прибыл? Насчет контрактации картошки или что касается маслозаготовок?

— Нет, — сказал я успокаивающе. — Мне надо пробраться в животноводческий совхоз «Скотовод». Мне лошадей надо, чтобы скорее уехать.

— С лошадьми у нас слабо. Сев. Все лошади в поле. Но все же ты уедешь. Сейчас мы шлем нарочного в рик, в Большеречье. Это по пути. И поедете быстро. Дело спешное!

Сговорившись, что ровно через полчаса едем, я ушел в сельпо разменять деньги. Вернувшись, я не застал в сельсовете никого, кроме молодого энергичного человека в резиновом плаще и в кэпи, сдвинутом на затылок.

— Председатель вышел, — пояснил он мне, — нарочный уехал, а я, уполномоченный охотсоюза по рыбным заготовкам, остался, хотя меня обещали отправить с этим нарочным. С нарочным уехали ликвидаторы безграмотности. Вы тоже пассажир?..

Не буду подробно описывать наших дальнейших приключений. Кончилось тем, что, от'ехав от Такмыка километров семь на мечтательной и хилой крестьянской лошадке, мы пошли пешком, взвалив саквояжи на плечо.

— При мясном кризисе, — рассказывал мне спутник, — ры-

бозаготовки являются ударной задачей. Большереченский район, по которому мы с вами идем, должен заготовить в лето тысячу сто центнеров рыбы. Правда, майская путина у них сорвалась — язя они упустили. Ход язя совпал со штормами и непогодой. Как колхозы, так и рыболовные артели и единоличники не сумели справиться с задачей. Но теперь в июне они обещают покрыть майский прорыв в язе за счет карася. Они организуют лов карася в ударном порядке. Плохо лишь то, что некоторые колхозы, получив от нас, от охотничьей кооперации, снасть и прозодежду, улов нам не сдают. Потребляют сами или продают частным лицам. Напишите, пожалуйста, в газету, что председатель Бесстрашинского колхоза вместо того, чтобы сдавать улов нам, продает его на пристани.

Частная публика срывает нам цены. Зайдемте вот в эту деревню, я покажу вам опыт.

Мы — в деревне. Заходим в избу. Хозяин чинит хомут. Маленькие дети ползают в навозе перед окошком.

— Иван Федорович, напой меня самой холодной водой, — просит охотничий кооператор, расстегивая свой резиновый плащ.

Иван Федорович берет ковш и уходит. Этого и нужно кооператору. Он подзывает одного из ребят, мальчика лет семи.

— Тятька много рыбы поймал вчера? А?

— Нет... Совсем мало! — огорченно докладывает мальчик.— Не идет рыба-то...

— Так. Значит верно. А то может быть на сторону продал?

Так шли мы через поселки, через березовые лески, по увалам, обходя редкие пашни и гораздо более частые зеленые, поросшие осокой болотца. Мы шли по местности, весьма удобной для животноводства, мы приближались к деревне Красный Яр, которую заняло акционерное общество «Скотовод».

...Завхоз был занят важным делом. Он раз'езжал по деревне, указывая, где валить заборы и ломать ворота.

— Комбинируем!—пояснил он.—Из старого, конечно, не сделаешь нового, это еще не строительство, но покамест надо как-то устраиваться. Мы скупили кулацкие усадьбы. Перед домом, где теперь рабочком, ворот не надо. А у конторы ворота гнилые. Ну, вот мы и переставляем. Приспосабливаем.

Приспособить деревню для нужд большого строительства не так уж трудно. Прежде всего нужно произвести дезинфекцию, потратив на это положенное количество карболки. Затем, освободив лучшие помещения, распределить так: в доме кулака Ивана Петрова поставить сорок человек рабочих. Это будет называться временным общежитием. В доме купца Сидора Иванова устроить общественную столовую. В доме священнослужителя нужно уст-

роить культуголок. Словом, все годные дома надо взять, очистить от старой мебели и вместиться в них.

Старые амбарушки можно приспособить под кузницы, склады, стойла ..

Но это ли называется совхозным строительством? Нет! Далеко не это. Директор совхоза Черняев и агроном Лепек украсили стены своего кабинета, — бывшей опочивальни зажиточного красноярца, — картами, планами и графиками, поясняющими ход строительства и его размеры.

Совхозу «Скотовод» выделено двести тысяч гектаров земли в пределах Большереченского района, б. Омского округа. Из этих двухсот тысяч, семьдесят тысяч — сенокосные угодья. Предстоит перенести на всей территории совхоза крестьянские хозяйства, все постройки и на новых местах выстроить новые усадьбы советского животноводческого хозяйства.

— Строить мы должны на чистом месте. Где навоз, там и зараза.

Совхоз рассчитан на семьдесят пять тысяч голов скота. Совхоз будет опорным пунктом мясного животноводства целого района. Уже в нынешнем году совхоз рассчитывает принять до тридцати пяти тысяч голов скота. На строительство, за четыре ближайших месяца, предполагается затратить свыше пяти миллионов рублей.

ДЕЛАТЬ МЯСО

Утром к пристани Красный Яр, плаксиво ревя, подвалил буксирный пароход, ведущий за собой четыре баржи, груженые лесом. Еще не успели как следует закрепить чалки, а команда поскакала с борта на берег.

— В Таре недоснабдили продуктами, — пояснил капитан.— Выдали на четыре дня, а пути до Омска дней семь. Мяса и жиров вовсе не дали. Тащимся, где можно причаливаем, матросы выменивают яйца и масло у крестьян. Беда с мясом и жирами. Вот прибыли к вам на совхоз, на животноводческий, может накормите команду обедом в вашей столовой? На «Скотовод» вся надежда!

Вегетарианство — вегетарианством, а мясо — мясом. И если мяса нет, так нужно его делать. «Скотовод» развертывает по СССР в нынешнем году свыше 100 мясных совхозов, осваивая для этого 13.700 тыс. га. В совхозах будет поставлено в нынешнем году 1.150 тыс. голов скота. «Скотовод» предусматривает накопление поголовья скота к концу пятилетки в 9-10 млн голов.

Нелегкая эта работа — делать мясо! К осени Большереченский совхоз примет тридцать две тысячи голов скота, — из них шестнадцать тысяч сибирского, примерно, столько же из евро-

пейской России, с Украины и из Ярославля и пятьдесят девять импортных канадских быков-производителей породы шортгорн.

Легковесный, истощенный, шилозадый степной скот, пострадавший от бескормицы прошлой зимы, куплен у крестьян степной полосы. У крестьян северных районов приобретена низкорослая, лохматая урманная коровенка, дающая сравнительно высокий удой, но бедная мясом. Скот украинский, ярославский, калмыцкий — тот будет поздоровее, покрупнее. И, наконец, пятьдесят девять канадцев — о них говорят, что они будут казаться великанами среди лилипутов.

Из этой разнобойной, разнокалиберной живой массы нужно создать единый тип местного товарного мясного скота. В этом и заключается задача совхоза.

Маленькая сибирская корова не даст потомства от шортгорна. Она анатомически не приспособлена для этой цели. У нее узкий таз. Даже от украинского быка не всякая сибирская корова может дать приплод.

Зоотехники совхоза рисуют такую схему метизации. Сибирская корова должна быть сначала покрыта более крупным калмыцким быком. Это первый этап. Потомство от сибирячки — калмыка имеет дело с еще более крупным украинским производителем. Эта метиска, сибиро-калмыко-украинка, идет под шортгорна. Возможны и другие комбинации, суть которых сводится к максимальному укрупнению скота на совхозе. Через несколько лет можно будет судить о результате того грандиозного опыта, который должен быть проделан здесь, в сыроватом, пустынном, оторванном от мира Большереченском районе. Шортгорны еще плывут через океан — Тихий или Атлантический — точно не выяснено. Скот из европейской России еще не прибыл, скот местный, сибирский, понемногу, очень понемногу поступает на совхоз. В первых числах июня было принято и поставлено в карантин около трех тысяч голов. Комиссии, работавшие по снятию скота с контрактации, отмечали, что крестьяне не торопятся отдавать коров. Это, конечно, естественно — крестьянин ждет, чтобы изголодавшийся и отощавший за зиму скот нагулял себе жира на пастбище. Это отразится на оценке скота при приеме. Крестьянин старается таким образом выгадать несколько лишних рублей при окончательном расчете.

СКЕПТИКИ

— Я сам специалист и кроме того коммунист. И вы понимаете: как коммунист, я — за совхоз. Как специалист, я — против. Боюсь!

На территории совхоза появился скептик. Вышеприведенная тирада принадлежит именно ему.

Скептик человек не здешний, не сибирский. Он пересекает территорию совхоза, направляясь из одного районного центра в другой по делам, к совхозу не имеющим никакого отношения.

— Шортгорны! Выживут ли они, эти шортгорны? Способен ли акклиматизироваться здесь украинский скот? Что говорят на совхозе о туберкулезе скота? Верят ли на совхозе в то, что затеяли? А вдруг никакой укрупненной породы скота не создадут, а ввозный скот погубят?

Скептик прошел мимо совхоза, исчез в зеленых лугах за березовыми колками. Я возвращаюсь в Красный Яр. По широкой улице навстречу мне движется загорелый агроном Лепек, наконец вырвавшийся из белых прохладных комнат окрЗУ сюда, на производство.

— Лепек, — спрашиваю я вкрадчиво, — скажите мне, Лепек, правда ли, что краснонемецкий скот дохнет в Сибири от туберкулеза?

— Правда, — отвечает Лепек. — У немцев сибирских он дохнет. А почему? Вы знаете? Дело в том, что немцы слишком его нежат. Зимой они его не выпускают на свежий воздух. Вот он у них и студится. Попробуйте прописать такой режим человеку, получится комнатный человек, слабый человек. Кроме того, скотные дворы у немцев все же неважные — скотину часто прошибает сквозняк.

Вот. Агроном Лепек, недавно вернувшийся из научной командировки в Германию, не склонен беспокоиться за судьбу краснонемецкого скота. Агроном Лепек утверждает, что и канадские шортгорны выживут, если поставить их в разумные условия существования.

И профессор Амшлер, прибывший в Омск нынче летом, профессор Амшлер не немецкий колонист, но ученый, современный германец, друг советской России, человек уже в четвертый раз посещающий наш Союз, пишет о перспективах развития сибирского животноводства так:

«Сибирский крупный рогатый скот представляет собою первобытную породу, которая в северных и восточных областях сохранилась в чистом виде, а в южных степных областях бесспорно имеет примесь киргизского скота. По своему типу сибирский скот совершенно сходен с местной породой приальпийских областей Австрии, Германии и Швейцарии, имевшейся приблизительно лет пятьдесят-восемьдесят тому назад. Потребовался ряд десятилетий, чтобы из этой местной породы путем улучшения естественных условий содержания, кормления и средств разведения создать породы, ныне называемые симментальской, альтгаузской и швицкой.

Несомненно, что, судя по результатам, достигнутым на За-

паде, можно добиться развития и сибирской, и киргизской пород в высокодойную местную породу.

...Следует ли разводить сибирский скот в чистом виде или путем скрещивания и с кем? Вопрос о разведении чистой породы сибирского скота для сельского хозяйства Сибири в целом в настоящее время само собой исключается, так как путь селекции требует целого ряда лет работы, и к тому же успех ее зависит от того, насколько радикально были изменены естественные условия и развернуты мероприятия в желательном направлении. Но несомненно перед нами встает вопрос о разведении чистой расы сибирского скота для создания так называемой элиты, так как скот этот обладает прекрасной наследственностью как в отношении качества молока, так и в отношении содержания жира.

...Вместе с разведением чистой породы необходимо планомерно развивать и метизацию. Задачей научного исследования является в первую очередь организация опытов для установления, какое скрещивание для данной местности наиболее пригодно. В качестве породы, годной для метизации, в первую очередь может быть использован красный немецкий скот, серо-коричневый горный скот, западных альпийских стран, симментальский и голландский скот... Какое скрещивание будет наиболее пригодным, должна показать научно поставленная опытная работа».

Германский профессор пишет о молочном животноводстве. Но сущность дела едва ли меняется. На совхозе сначала рассчитывали получить импортных производителей-симменталов. Затем выяснилось, что идут канадские шортгорны. Научные работники Омского ветеринарного института и зоотехники совхоза не видят в этом большой разницы.

НОВОЕ

Пришли с котомками, полегли в тени у высокого крыльца и сказали:

— Жить ничего себе в этом краю, если бы, конечно, не переустройство жизни. Ну, ломать жизнь, так ломать! Принимайте в совхоз.

Новым работникам в совхозе рады. Много нужно народу. Одна только сеноуборочная кампания потребует до двух с половиною тысяч человек. Пятьдесят шесть тысяч тонн сена нужно запасти на зиму.

— Откуда вы явились?

— Сухо-карасукские. Из колхоза.

— Что же, в вашем колхозе перезбыток рабочей силы? Рабочих рук много? Ведь у самих, поди, сенокос? — спрашивает приблизившийся агротехник.

— Мы вовсе из колхоза ушли. Пошто? Да вот пошто...

Тут начинают шуметь все сразу. Которые лежали, те садятся. Другие вскакивают на ноги, жестикулируя.

— Нет порядка! Может быть совхоз правильнее нашего колхоза! Сулин у нас председатель! Не слыхал про такого Сулина? Вот у Тельцова спроси. Он, как пострадавший!

— Прихожу получать хлеб на тридцать три едока, — начинает свою речь Тельцов, голубоглазый длинноволосый белорусс, лет сорока от роду. — По пять фунтов, значит, должен я получить на едока. А едоков тридцать три. Вот и считай. А председатель наш, Сулин, дает... сколько ты думаешь? Три пуда двадцать фунтов! Надо четыре пуда пять фунтов, а он... об'егоривает! Но, как он считает на счетах, я верю ему. Потому, что он на счетах... А после я разобрался. Говорим: — «Отдай — что недодал!» А он: — «Не зевай, когда получаешь!» — Вот он какой, Сулин. Мы из колхоза вышли.

— Неправильная ваша политика! — заявляет кто-то из слушателей, окруживших крестьян.

— Как так? Он нас обманул и мы же, выходит, неправые?

— Так выходит. Вы должны были добиться, чтоб Сулин ваш вас правильно рассчитал, а вы — бежать! Целая компания, коллектива часть, одного человека испужались!

— А, ладно! Ломать жизнь, так ломать до конца. Совхоз, слышь, верней, чем колхоз. Здесь порядка поболе.

Массовое явление? Не массовое, но характерное. Особенно крупных колхозов в отдаленном и глухом Большереченском районе как будто бы нет, но все же существует здесь не мало друж-

Большеокие стандартные здания, гигантские теплые скотные дворы.

лых артелей и товариществ, твердо знающих, твердо усвоивших, куда надо идти крестьянству. Неокрепшие коллективы тоже есть. И, в конце-концов, вовсе не страшно, что некоторые шаткие духом колхозники будут всосаны могучим советским хозяйством и превращены из земледельцев в рабочих.

Ломка в разгаре. Ломка быта, изб, ломка понятий. Идет спор за межи, за сенокосы между единоличником, совхозом, колхозом... Наконец, еще не закончен спор за социальное положение. Далеко не каждый крестьянин решил, чем он будет завтра — единоличником, колхозником, рабочим. Вопрос стал недавно — полгода назад.

До нынешнего года жизнь протекала мимо Красного Яра невидимой пульсацией тока в телеграфных проводах, размеренным звоном почтовых троек.

Летом по Иртышу, не причаливая к Красному Яру, проходили белые пассажирские и желтые буксирные пароходы. И, конечно, без остановки проходили Красный Яр мощные теплоходы Карской экспедиции, идущие на дальний север торговать с иностранцами. Какой товар везут они оттуда, с Полярного моря, не ясно для красноярцев и посейчас.

Очень редко мимо Красного Яра, подпрыгивая на кочках, пугая в болото крестьянских коней, проносился автомобиль в сторону Тары.

И будто бы однажды над мокрыми соломенными крышами поселка даже проплыл самолет. И, крестьяне рассказывают, будто бы летчик высунул голову в кожаном шлеме и помахал рукою в железной перчатке.

...Скот украинский, ярославский, калмыцкий, — тот будет поздоровее, покруппее...

Вот и все. Все — мимо.

Но настал час, — автомобили влетели в поселок, кипы почты повалились в поселок, пароходы начали приставать к берегу. Сотни людей идут из города.

Да! Незадолго перед этим многих кулаков согнали за болота, далеко за Тару. Оставшиеся раз'ясняют потихоньку — «что к чему».

— «Кулаков загнали за болото, но и середняков и бедняков туда загонят, потому что совхоз всех со своей земли сгоняет. Государству крестьян не надо будет, у него, видишь ли, свои и зерновые и мясные и молочные хозяйства. Совхозы крестьян всех отправят рубить лес да работать вместо лошадей под землею в Кузнецкие шахты».

Все это говорится полусерьезно, с иронией, но в виде «доказательств» ненужности крестьянства для советской власти приводятся отдельные факты административных ошибок, небрежности. Там середняка раскулачили и даже зимой выгнали из деревни, в другом месте поселок единоличников, оказавшийся между совхозом и колхозом, остался, будто бы, вовсе без сенокоса.

— Корма нет, а молока на маслозавод тащи! И будто бы вообще советуют крестьянам кормить скот бурьяном, выкопать какую-то сильную яму, засыпать туда бурьяну и кормить скот. «Это что-то не то! Это коммуны степной полосы, там на юге у Омска умеют, — у них и ямы и башни, а мы народ темный».

Таких разговорщиков называют «болотными агитаторами». И совхоз и район сердятся на них, но массовой раз'яснительной работы противопоставить все же не могут. Совхозу некогда — стройка. Району тоже некогда — текущие кампании.

Года через полтора совхоз будет агитировать и раз'яснять просто фактом своего существования, ревом своих шортгорнов... А пока?

Ломка изб. Ломка быта. Бедняки работают в совхозе. Середняк, особенно тот, который когда-то метил в зажиточные, выжидает. И отношения между этими крестьянами и совхозчиками слегка напоминают былые отношения между старым сибирским жителем и переселенцем-новоселом.

В избе общежития душным вечером открыты все окна. Люди пришли с работы, ложатся спать. Но деревня еще не спит. Деревенская жизнь идет несколько иным темпом. Мимо окон движутся какие-то тени. Неожиданный свист и визг. Потом затягивают проголосную «чалдонскую» песню.

— Умышленно не дают спать! — поднимаясь с койки, заявляет мой сосед. — Так каждый вечер. Они нарочно базлают под окнами. Это парнишки. Но их кто-то подучает, я думаю. Кулацкие шуточки!..

— Кулаки за болотом! — откликается кто-то из глубины.
— Нет! Остались еще кулаки.
— Но все же, прикрой окно. Тебе ближе.
Окно сердито захлопнуто. Озорные голоса глуше.

ПИРОПЛАЗМОС

Большеокие стандартные здания, гигантские теплые скотные дворы — это будущий год. Нынче совхоз одет в бревенчатое рубище с соломенными заплатами. Он скоро скинет это рубище, но пока...

Пока общественная столовая и конский двор находятся на территории одной усадьбы. И люди, пришедшие пообедать, поражены неприятной новостью — рядом с кухней, где аппетитно дымится суп, падают кони. Дохнут молниеносно.

— Не эпидемия ли?

С похоронным выражением лица промелькнул ветеринарный врач. Хмуро крутит штопорообразные усы завкондвором. Перешептываются кухарки. И только конюхи, на чьих руках никогда не просыхает конский пот, на чьих лицах всегда пузырьки пены с конских губ, ничего не боятся и хладнокровно уничтожают кашу.

— Чего бояться! На то есть ветеринар! На сибирку, в общем, не похоже, а остальное — ерунда.

На следующий день выяснилось:

Пироплазмос.

А что такое пироплазмос?

— Ну, конская малярия. Кровавая моча.

Передатчиком болезни служит обыкновенный полевой клещ, тот клещ, который часто появляется на конях, когда они пасутся в кустарниках. Для местной породы лошадей пироплазмос не опасен. Местные кони болеют им обычно в молодом возрасте и переносят болезнь легко. Но если коня привели из другого района, если это взрослый конь и если он, заболев, останется на работе,— дело плохо. А в совхозе, как раз, большинство коней, если не все двести пятьдесят, закуплены в других районах. Есть хорошие кони, — орловские, американцы.

Заболело десять лошадей. Три из них пали. Остальных вовремя сняли с работы и спасли. Теперь всем коням на рассвете измеряют температуру, повышение температуры — первый признак болезни.

Так совхоз получил первое предостережение. Тысяча новых коней должна придти сюда. Семьдесят пять тысяч скота примет совхоз... Как-то они освоятся с местными условиями.

— Ага! Я говорил!

Так воскликнет скептик, прочтя эти строки.

Но пироплазмос, оказывается, одинаково страшен как здесь, Северной Сибири, так и в благословенном Крыму.

— Помню, в Крыму лошади так и валились из-под бойцов из-за этого проклятого пироплазмоса, — меланхолически вспоминает врач.

Мало ли с какими еще опасностями придется бороться совхозу! «В Сибири заразы хватит», — поощрительно заявил один окружной работник, давая путевки в район прибывшим из Москвы работникам акционерного общества по борьбе с эпизоотиями скота.

Совхоз сделал семь тысяч прививок скоту, принадлежащему крестьянам тех деревень, которые находятся на территории хозяйства. Но кроме опасности внутренней существует и несомненно будет существовать опасность внешняя. Зараза всегда может быть занесена в совхоз со стороны, если весь район не будет находиться под строжайшим наблюдением.

РИКИ

Косые переулочки Большеречья. Бревенчатая серая Русь Ермака Тимофеева. Люди ставили над мутным Иртышем срубы, мало отличающиеся от этих. Глушь. Почта на лошадях с колокольчиками. Хочу дать телеграмму в Омск о том, что совхозу нехватает рабочей силы и сенокосилок. Но телеграфист отказывается принять.

— Надо было утром. Вечером передаю только посевные.

— Но ведь это не менее важно, чем посевная. Совхоз...

— Ничего не знаю. Такова директива.

Вот, чорт бы его взял! Надо идти в рик. Хотя едва ли там кого застанешь. Ушли обедать должно быть. В столовую потребобщества, ту самую столовую, которая (как говорил человек в резиновом плаще, рыбозаготовитель) незаконно приобретает у колхозников рыбу, предназначенную для рабочего снабжения. А чешую этой рыбы, вместе с птичьими внутренностями и коровьими костями, антисанитарно выливают на двор. Но и такая столовая все же громадное достижение здесь, в селе Большереченском. Утомленные девушки Катя и Таня едва успевают разносить блюда. Утром у дверей целый отряд ребят — школа крестьянской молодежи, — после — служащие, командированные, уполномоченные и всех надо кормить быстро, в два счета. Много народу в Большеречьи. Здесь — рик.

Рик — крепость исполнительной власти. Рик, на который точит зубы совхоз. И, направляясь к двухэтажному бревенчатому блокгаузу, в котором помещается рик, я вспоминаю одну не-

записанную подробность моих журналистских скитаний, один необыкновенный отклик на смерть Влад. Влад. Маяковского.

Дело было тоже в деревне. В глухой сибирской деревне. Назовем ее Кормиловкой. Как животноводческий совхоз занял и взбудоражил деревню Красный Яр, так МТС перевернула вверх дном бытие деревни Кормиловки. Строй тракторов на плацу, штабеля леса, цистерны с «нефтегорючим»... Избушки деревни Кормиловки затерялись среди всего этого...

Вечером в правлении МТС получили газету с известием о самоубийстве В. В. Маяковского. Уполномоченный по посевкампании, близко подсев к керосиновой лампе, вслух начал читать последнее письмо Маяковского. Директор МТС — дельный хозяйственник, культурный и славный парень, — отложил в сторону бумаги и слушал, печально покачивая головой.

«Товарищ правительство»... — прочел уполномоченный — «Моя семья... Рукописи же отдайте Брикам, они разберутся»...

Тогда директор МТС встал.

— Рикам? — воскликнул он. — Постой, как он написал? «Рукописи отдайте рикам»? Да? «Они разберутся»?

Рукописи! Отдать! Рикам! Да что они с ними сделают? Что им делать с поэтическими рукописями, когда они и с деловыми бумажками, переписанными на пишмашинках, скрепленными подписью, печатями и пометками «срочно», едва справляются.

Н. ДОБЫЧИН

ЗЕЛЕНЫЙ КОМБИНАТ

Купеческо-мещанский Новониколаевск, как все города, был окружен селами. Крестьяне пригородных сел продавали горожанам молоко и овощи. Крестьянские коровы и клочки огородов могли кормить Новониколаевск. Но когда Новониколаевск превратился в Новосибирск, — город потребовал более сильных источников снабжения.

Овощи и молоко, как мясо и хлеб, стали проблемой.

17 октября 1929 года президиум Сибкрайисполкома постановил срочно приступить к разрешению этой проблемы. Способ решения был один: создать крупные овощно-молочные совхозы.

Сибмаслосоюзу было поручено организовать около Новосибирска овощно-молочный комбинат, с тем, чтобы уже в 1930 году там было 2 тысячи коров, чтобы в первую же весну было засеяно овощами 620 га.

...Зимой 1929 года на кривощековских полях толстым слоем лежал снег. Из-под снега торчали вершинки худосочных березок да чахлые прутья осинника.

Кривощековские поля зимой были безлюдны, в них хозяйничали куропатки и зайцы.

Летом перелески упорно цеплялись за землю, прошивали ее кореньями, покрывали валежником и перегноем. Крестьяне пахали только чистую землю. Болота и кустарники считались непобедимыми.

Но люди, которые появились в феврале 1930 года на кривощековских полях, были другого мнения о перелесках...

СОСНОВАЯ РАДУГА

Последние домики села Кривощеково стоят на возвышенности. Выйдя из села, я осмотрелся.

Налево бараки, леса и фундаменты Комбайнстроя, направо — в зеленые луга уходит Колыванский тракт и в синеве лугов отсвечивают крыши молочно-овощной фермы.

Отдыхающий на дороге рабочий сказал мне, что до фермы восемь километров.

Дорога идет вниз. Комбинат, который в быту называют фермой, тонет в кустарнике.

Километрах в трех от Кривощекова меня догоняет крестьянин. Он едет в ходке, на высокой и сытой лошади.

— Далеко до фермы?

— Я как раз туда и еду. Садись, довезу.

Проехали балластный карьер. Около дороги начались полосы картофеля.

Через несколько минут из березника показались крыши домов. Мы под'ехали к тесовому навесу, под которым стояло несколько десятков лошадей.

Парень показал мне контору и куда-то исчез.

...Направо от конюшни, прямо по березничку, разбросано десятка два крестьянских домов. Кое-где дома лежат еще кучами бревен — привезли их откуда-то из деревень, а собрать еще не успели.

Дома ставятся не прямой улицей, их строят радугой — в три дуги. Правым концом дуги упираются в столовую, в бараки, левым в теплые конюшни, в строящуюся ветеринарную лечебницу, в склады машин. Теплые скотные дворы и силосные башни строятся в стороне.

Сейчас трудно охватить весь чертеж фермы, дуги кое-где прерываются. Кажется, что дома ставятся врассыпную, без всякого порядка.

В одном из домов я нашел тов. Бондаренко, директора комбината.

...Мы сидим за некрашеным сосновым столом.

— Все у нас пока еще выглядит временным, все как-то не устроено, — говорит товарищ Бондаренко. — Да и неудивительно: ведь решение об организации комбината было вынесено всего десять месяцев назад — в октябре. В феврале, по снегу, мы выбрали место под постройку. Начали с буровой скважины: до Оби отсюда около четырех километров. Достали воду, — дома начали строить. По плану должны были строить большие здания, но лесозаготовительные организации лес во-время не дали. А весна, — ждать некогда. Пришлось по деревням вот эти домишки скупать. Их всего несколько штук было, когда посевная кампания началась. Рабочих больше тысячи, туговато с жилплощадью приходилось.

Мы отправились в поля.

Картофель, буйствующий в горизонтах, был чист. Земля, засеянная картофелем — это бесчисленное сборище мелких крестьянских участков, спаянных теперь в одно поле. Здесь перепаханы участки из-под ржи и овса.

В одну весну их невозможно было привести к одному, если так можно выразиться, агро-знаменателю.

Но городу срочно были нужны овощи. Сибкрайисполком требовал, чтобы в этом же году было засеяно под огороды 620 гектаров. Засеяли 661 гектар, из них 532 картофеля. В одном месте картофель попал на ржище, в другом на старое картофелище (со вторым-третьим годом комбинат введет правильное чередование посевов, — тогда выравнятся поля, тогда исчезнет пестрота урожайности).

Посевы проходили при большом недостатке рабочей силы. Овощи необходимо было полоть, а рабочих с трудом хватило на мелкие культуры — помидоры, огурцы, морковь. Картофель почти не пололи, его только опахали, что заменяет крестьянскую «осыпку».

И все же картофель выходит в среднем гораздо лучше обычного крестьянского: посадкой руководили агрономы...

Картофель сменился зеленой морковью. Затем вдоль дороги потянулась капуста — синеватая, лопушистая. Капусты 41 гектар. Она тянется узкой лентой на 8 километров. Она похожа, если быстро ехать, на тихую степную речку.

Мы под'ехали к шалашу.

У сторожа, охраняющего капусту, в гостях сидели сторожа соседних участков.

— Ну как, растет? — спросил тов. Бондаренко.

— Растет, ничего, даже на низких местах выправляться начинает.

Капуста была посажена поздно, она стоит еще букетами синеватых лопухов: Только в середине листья, чуть заметно светлея, начинают закручиваться в вилок. Сторожа уверяют, что капуста «завернется» неплохо.

Поговорив о воришках, которые из озорства, проезжая, портят добро, мы поехали дальше.

Я спросил:

— Как поливают капусту? Такое поле ведром, ведь, не польешь.

Поливка, оказывается, производится так: недалеко от капусты, в болотах, есть небольшое озеро, на котором поставлен насос. Вода накачивается в чан, а оттуда, по трубам, расходится на все участки.

Мы осмотрели курчавый, обвисший сочными стручьями горох, осмотрели фасоль, лук, помидоры. И все это на таких необычно больших площадях, что вместо огорода хочется найти какое-нибудь другое, более веское слово.

Представьте себе 36 гектаров огурцов, лежащих в зеленой постели, или 8 гектаров помидор, это — огромный лес колышков, обвешенных тяжелыми гроздьями плодов.

Огурцы и помидоры уже созревают. Женщины ходят с корзинами и собирают их. Возы огурцов и ящиков с помидорами ежедневно отправляются в Новосибирск.

Комбинат, еще не построившись, уже начинает решать овощную проблему. По предварительным подсчетам, комбинат снимет нынче всех овощей не менее 8300 тонн. 2000 тонн останется на семена и на питание рабочих, а остальное целиком пойдет в рабочие кооперативы и столовые Новосибирска.

Кроме огородных культур, комбинат засеял 1077 гектаров культур кормовых: 984 — вики с овсом, 25 — турнепса, 39 кукурузы и 29 га подсолнечника, которые пойдут на силос. На силос пойдет также ботва турнепса и картофеля и капустные листья.

У комбината ничего не пропадает даром: все, что коровы не съедят в природном сыром виде, будет переделано в силос.

Торговать травой комбинат не собирается. У него 156 рабочих лошадей и 1328 коров. Сено и силос — сырье, которое коровы переработают в фабрикат — молоко. По плану, в 1931 г. комбинат должен иметь 3 тысячи коров.,

О БОЛОТАХ, ОСИННИКЕ И КОРОВЬИХ КОПЫТАХ

Когда мы из сочных зарослей кукурузы и подсолнечника выезжаем в чахлый березник, тов. Бондаренко обращает мое внимание именно на чахлость и неприглядность перелесков.

— Это место совершенно бросовое, здесь ни косить, ни пахать, даже коров пасти нельзя: коровы рвут в этой чаще копыта. У крестьянина обезноживает корова, он причину не ищет и снова гонит корову в эту трущобу. Мы так не можем. Мы должны всю землю сделать пригодной. Мы должны выкорчевать все эти кусты и пни, осушить все болота. Сейчас у нас 11 тракторов, но все они системы «Джон-Дир» — слабосильные. Для корчевки деревьев и пней они не годятся, но вот когда нам дадут «Катер-Пиллеры»...

Тов. Бондаренко рисует передо мной грандиозную картину войны с болотами и перелесками.

Отряд «Катер-Пиллеров» железными зубьями вгрызается в перелески. С треском, с хрустом рвутся корни, зеленой грядой ложатся деревья, крошатся пни, встает на дыбы валежник. Стонут изрезанные канавами болота, хлюпают истекающие ржавчиной хляби.

Идут бои, идет разрушение, чтобы потом создавать, чтобы потом на этом месте развертывать несравнимые ни с какими сказочными коврами поля картофеля, тропические заросли кукурузы и желтые пожарища подсолнечника.

Конечно, совхоз не имеет права покоряться болотам и перелескам, как покорялись им крестьяне-единоличники. Совхоз должен покорить землю.

Мы едем. Все ниже, все худосочнее березки, все выше и жирнее кочки. Перед нами расстилаются болота, которые пополам разрезают территорию комбината.

Еще весной надо было об'езжать болота со стороны Кривощекова и Толмачевой, надо было ехать с семенами и тракторами лишних 30-40 километров.

Гать через болото не входит в производственные планы первого года, на это не были отпущены средства. И только потому, что мало было отпущено средств, администрация и рабочие комбината на производственном совещании решили нарушить план. Они с первых же дней начали строить гать.

И гать построена: около километра мы едем по песчаной насыпи, прямо через болото. Путь сокращен в 20-25 раз.

Средства, затраченные на гать, с избытком покрылись за счет сокращения расходов по перевозкам.

Так писанные планы превращаются в планы живые, в планы действий.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ МАШИНЫ

К загонам мы попали в половине восьмого вечера. Коровы уже стояли в загонах по 90-100 в каждом.

Всего загонов восемь, расположены они улицей, по четыре с обеих сторон. Такое же стадо пасется на обских лугах. Там, на берегу Оби, такие же загоны и домик, в котором живут пастухи и доярки.

Мы пришли во время дойки коров. В тот день дойка была контрольной.

По средине улицы, против каждых двух загонов, стоят умывальники. Около умывальников, на низеньких стульчиках, окруженные цинковыми флягами, сидят учетчицы. Доярки, подоив одну корову, несут молоко к учетчице, учетчица записывает в контрольную книгу номер коровы, количество удоя определяется в молокомерах, и тогда уже молоко сливают во фляги.

Доярки в полотняных халатах, в белых косынках.

— Тысяча семьдесят восемь, — деловито говорит подошедшая доярка, опрокидывая над молокомером цинковый подойник.

— Четыре целых пять десятых, — вслух записывает учетчица.

Моим руководителем становится молодой рабочий, выполняющий обязанности помощника зоотехника.

— Контрольная дойка проводится один раз в пятидневку,

потому что учитывать удой ежедневно нет смысла: не может, ведь, корова в один день показать разницу.

Мой путеводитель говорит все время так, как будто я возражаю ему.

— Вот удои, вы сами видите — три, четыре, семь, а некоторые литр, а то и полтора дают. В среднем в сутки на корову выходит 3,75 литра. Мало? Вы скажете, что и крестьянские коровы дадут не меньше. 3,75 — это приблизительно и есть средний крестьянский удой. Но коровы эти все собраны из деревень и собраны очень недавно: самая первая партия прибыла к нам 20 июня, большинство же коров у нас живет всего по нескольку дней. Последняя партия, например, в 158 голов, прибыла только вчера. Но все же, некоторые результаты уже есть: многие коровы первых партий дали около литра прибавки. А почему? Потому что у нас надзор за ними, режим. Наиболее слабым мы даем прикорм. Вон будочка, видите? Это прикормочная база, там хранятся отруби, жмых.

Мы зашли в загон. Коровы стоят около деревянных колод, образуя огромный разноцветный квадрат.

Дойка заканчивалась, доярки уносили последние удои.

— Вот они — все у нас на учете. В течение ближайших 4-5 месяцев мы должны средне-суточный удой довести до 6 литров, а через год-полтора они будут давать по 10-12 литров.

В загон вошел тов. Бондаренко. Мы в это время рассматривали врезанные в коровьи уши металлические пуговицы с номерами.

— А неудобно, товарищ директор, с этими пуговицами, — говорит помощник зоотехника, — чешутся коровы о деревья, пуговицы прорывают уши, каждый день коров 15 теряют свои номера.

— Неудобно, но что же поделаешь, другого еще ничего не придумали. Как ты их номеровать-то будешь?

— Я придумал, — улыбаясь, заявляет помощник зоотехника.

— Придумал — заяви патент.

— И заявлю...

Коровы все короткотелые, низкорослые. Тов. Бондаренко говорит:

— Сибирячки! Нарочно таких подбирали: выносливы, заболеваниям не так подвержены, как породистые. Туберкулез, например, им совсем неприсущ.

— Но, ведь, мелкие они, какое от них молоко...

— А мы должны их крупными сделать. Правильное кормление, спаривание, систематический отбор—все это с годами даст совершенно новую породу. Хотя порода останется той же, потому

что и быки у нас исключительно сибиряки, только от высоко удойных коров. Порода просто обновится, коровы укрупнятся, повысится их молочность.

Из загонов мы идем в телятник. Телята гуляют в открытых загонах, некоторые стоят в хлевах, каждый в отдельной перегородке.

— На-днях всех телят отправят на бывшую Ломовскую дачу, где теперь открыт племхоз комбината. Воспитываться телята будут под руководством лучших специалистов-зоотехников. Нынче же — в 1930 году — там будет воспитываться около тысячи телят. Там строится семь теплых телятников и два коровника для кормилиц.

...За худосочным березником, над желтыми скелетами строящихся скотных дворов догорает небо. Жуют, помахивая хвостами, коровы.

Вечер.

Рослые ребята устанавливают на телегу фляги с молоком. Фляги везут в новое бревенчатое сооружение — молочную.

Телеги вплотную подходят к досчатому настилу, по которому фляги сдвигаются в помещение. Там, по крутым ступенькам, парни поднимают фляги в ванну—фильтр. Молоко пропускается сначала через металлическое сито, потом через двойную фланель.

Ванна вмещает сразу до 10 тысяч литров. Молоко стоит в ней белопенной пузырчатой шапкой. Молоко дышит.

„... молоко стоит в ванне белопенной, пузырчатой шапкой..."

Мастер по обработке молока ведет нас вниз, в холодильник. Я обхожу квадратный чан, наполненный ледяной кашицей. Мастер показывает процесс охлаждения и дезароматизации молока.

В углу стоит круглая, в метр высотой, сверкающая алюминиевая гармонь—это холодильник Шмидта. Сквозь стену из ванны в холодильник проведена резиновая трубка. Двумя такими же трубками он соединен с чаном, наполненным ледяной кашицей.

По верхней трубке, прямо на блестящие и алюминиевые лады холодильника льется молоко. Снизу, в нутро холодильника, по такой же трубке, нагнетается ледяная вода, которая, дойдя до верхнего ряда, по второй трубке сливается обратно в резервуар со льдом.

Молоко тончайшим слоем покрывает всю алюминиевую гармонь. Оно настолько плавно и равномерно стекает с холодильника, что создает иллюзию полной неподвижности, как будто холодильник только что выкрашен в белую краску.

Молоко охлаждается до 0,5 градусов по Цельсию. Здесь, стекая по холодильнику, молоко освобождается от ненужных запахов. Молоко выходит густое, как сливки, и холодное, как мороженое. Оно безукоризненно здоровое. Здесь есть лаборатория, где оно тщательно исследуется. Во время контрольной дойки в лаборатории на каждую корову заводится пробирка. Малейшее заболевание коровы берется на учет, и корову на время лечения изолируют от стада.

„...фляги с охлажденным молоком увозят в Кривощеково, а оттуда в Новосибирск".

В 12 часов ночи фляги с охлажденным и дезароматизированным молоком на подводах увозят в Кривощеково и оттуда по железной дороге в Новосибирск — в консультации и больницы.

ЛИРИЧЕСКИЕ ОГНИ

Вечером на чердаках тренькали балалайки, песнями в перелесках тосковала молодежь.

Меня устроили в самом крайнем доме, в комнате, в которой живут — технический директор комбината, огородник и уехавший на время в Новосибирск ветфельдшер. Дом сколочен наспех, небеленые, даже нештуканые стены и перегородки, в потолке и в полу щели, в комнате тесно.

Тов. Бухарцев — технический директор — готовится к производственному совещанию, на котором он должен зачитать подробный план уборочной кампании. Огородник — немец, старичок лет семидесяти, лежа на полу, сосредоточенно думает... Не о том, конечно, где достать кровать, как выписать семью — ему дано срочное задание. Он должен выработать точный план хранения овощей зимой. 2000 тонн картофеля, капусты, помидор надо сохранить от сибирских морозов. Овощехранилищ пока нет и едва ли можно успеть выстроить их. Придется некоторые продукты хранить в траншеях.

Тов. Бухарцев ушел на партийное собрание, старичок притих. На столе коптит керосиновая лампочка.

Выходя на крыльцо, в соседней комнате я наступил кому-то на ногу. С пола поднялся парень. Он поворчал немного и вышел следом за мной.

Садимся на крыльце. Парень оказывается кооперативным продавцом из Новосибирска.

— Я не один, нас 5 человек, мы, кооперативные работники, приехали сюда на несколько дней полоть овощи.

Выясняется, что над комбинатом шефствует союз совторгслужащих, который в порядке общественной помощи в течение лета послал сюда на полку овощей свыше 1000 человек. Нередко из города приходили целые коллективы по 100-200 человек.

— Одним бы им не справиться, рабочей силы нехватает.

Рабочая сила — больное место комбината. С сенокосом и огородами еще ничего: где нехватает своих рабочих, помогают шефы. Но хуже обстоит дело со строителями. Сейчас на постройке скотных дворов и силосных башен работает 110 плотников, а для того, чтобы до осенних дождей, до первых заморозков закончить постройку, их надо 250-300.

Строительных рабочих на рынке труда нет. Тов. Бондаренко бьет тревогу во всех краевых организациях

— Дадут плотников, — уверенно заявляет тов. Бондаренко,— для всех ясно, что в зиму без теплых дворов мы оставаться не можем. Снимут с других менее срочных работ, но дадут.

— Уладят как-нибудь, — говорит и продавец из Новосибирска, — вот с культурной работой у них плохо здесь. Эстраду сколотили, но она пустует. Клуба еще нет. Приходит вечер — молодежь в перелески. Да и нечего делать больше: красный уголок тесный, и, кроме того, не усидишь с газетой-то все вечера. Я вчера громкую читку проводил, человек десять было и то только взрослые рабочие.

Парень ушел спать, а я остался на крыльце. Затихли дома, затихли перелески. За перелесками, в черных полях — Новосибирск, густо засеянный электричеством.

— Плохо пока, — сказал, уходя спать, мой собеседник.

— Да, плохо пока, — соглашаюсь я.

Но меня не пугает теснота красного уголка, заброшенность наскоро сколоченной эстрады. Ведь комбинат вступает только в первые бои с болотами и худосочным осинником. Сейчас комбинат дает Новосибирску три тысячи литров молока в сутки. У него 1328 коров, из которых только 732 дойных, — остальные пришли сюда замореннымн, с присохшим выменем. Они только еще начинают длинный и трудный путь обновления коровьей породы.

В 1931 г. по первоначальному плану стадо комбината предполагалось довести до 3 тысяч голов, в 32 — до 4 тысяч и в 1933 г. — последний год пятилетки, — до 6 тыс.

Но этот план уже оказался тесным. Дела у комбината идут так, что в 1931 г. не 3, а 5 тысяч коров, в 1933 стадо будет доведено до 10 тысяч.

Коровы будут стоять в теплых дворах, каждая в отдельном стойле. Их будут кормить силосом, который — не только корм, но и молокогонное средство. У каждой коровы в колоде будет устроен решетчатый клапан, нажав на который губами, корова сама извлекает воду для питья. Коровы будут, как люди, пить по первому своему коровьему желанию.

В таких условиях коровы будут доиться круглый год — зима почти не снизит удоев.

Каждая корова в год даст 1½ тонны молока. 1½ умноженные на 10000 — получатся 15000 тонн. А таких ферм в Сибири уже четыре — в Новосибирске, Анжерке, Омске и Иркутске.

М. НИКИТИН

ЗОЛОТОЕ РУНО

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ОВЕЦ

Дорога была необычайно пряма. Она напоминала жирную черту Октябрьской магистрали, пересекающую зеленое пятно на Северо-Западном секторе карты СССР.

По обе стороны от дороги тянулись зеленые луга, замкнутые кругом горизонта. Пейзаж был организован, как геометрический чертеж.

Но немец не проникся его очарованием. Седобородый немец — мой случайный возчик, — в замешательстве натянул вожжи, и лошадь остановилась у самой дороги.

— Никакой проезд! — сказал седобородый немец, указывая глазами на новенький столб, к которому была прибита черная дощечка.

Я прочитал об'явление на дощечке, написанное меловыми буквами. Мне стало ясно, что дорога предназначена только для автомобильной езды.

Честный немец не хотел нарушить дорожную заповедь. Но ехать было необходимо. Я встал на сиденье таратайки и, оглядевшись кругом, об'явил немцу, что на расстоянии километра не видно ни одной души.

Немец глубже нахлобучил суконный картуз и нерешительно тронул вожжи. Таратайка скатилась в глубокую обочину. дороги.

— Это есть работа Зернотреста, — сказал мой возчик, указывая на земляное полотно.

Таратайка подпрыгнула и выскочила из противоположной обочины. Автомобильная дорога осталась позади. Немец выпрямился на сидении и, подобрев, начал рассказывать истории из жизни марьяновских овцеводов.

Рассказывал он весьма пространно. Но по мере того, как развертывалась ткань его повествования, — я с удивлением обнаруживал, что история марьяновских овцеводов известна мне лучше, нежели моему собеседнику.

Начало истории восходит к 1912 году. Именно в этом году состоялся Всероссийский с'езд овцеводов, который признал, что счастливые времена всех овцеводов безвозвратно прошли.

Человек захватил пастбищные пространства в Крыму, Сев. Кавказе, Заволожье.

Человек с'ел овцу. В 1897 г. количество тонкорунных овец в России определялось солидной цифрой 12.758.000 голов, а к 1909 поголовье сократилось до 2.213.000 голов.

Спасение отар зависило от розыска новых земель, еще не захваченных человеком.

Поэтому внимание овцеводов обратилось к Сибири.

В 1908 году глава «Товарищества Городищенской суконной мануфактуры» С. И. Четвериков послал соглядатаев в Ачинско-Минусинские степи.

Соглядатаи пришли. Цветущее изобилие степей поразило их. Они взяли степи в долгосрочную аренду.

В следующем году Четвериков составил на Кавказе несколько отар. Провоз овец по железной дороге стоил очень дорого. Поэтому овцы пошли пешком.

Великое переселение овец продолжалось целый год.

Весной 1910 года мериносовые отары водворились в Ачинско-Минусинских степях.

Вслед за Четвериковым в Сибирь устремились другие овцеводы.

В период от 1910 по 1914 год в южной части бывшего Омского округа возник ряд овцеводческих хуторов.

Эти хутора ныне об'единены в систему Марьяновского совхоза «Овцевод».

ГЛАВНЫЙ ХУТОР

Прямоугольник усадьбы был ограничен белыми мазанками. На первый взгляд, главный хутор Марьяновского совхоза ничем не отличается от немецко-украинских поселений, по улицам которых прокатилась наша таратайка.

По средине усадьбы стояла мазанка, несколько превосходящая другие строения. Повидимому, здесь помещалась контора.

Я простился с седобородым возчиком. Невысокая комната, в которую я вошел, была безлюдна. В ней стояли только канцелярские столы. В раскрытые окна вливался тяжелый солнечный зной.

Я прочитал приказы, развешанные на стене, и вышел на улицу. Был послеобеденный час. Надежда на встречу с живым человеком еще не оставила меня. Я пересек по диагонали прямоугольник усадьбы и выбрался к кошаре.

Невысокий, вытянутый в длину сарай кошары в этот час был пуст.

Впрочем, иначе и не могло быть: кошары дают приют овцам в зимне-осеннее время.

Летом же отары бродят в степи.

Вспомнив это, я побрел к конюшне.

Мне посчастливилось: в дверях конюшни я встретился с худощавым, белокурым человеком, оказавшимся полеводом Марьяновского совхоза.

Узнав, что я корреспондент, полевод выразил мне сочувствие: по его словам, я приехал не во-время, так как сейчас все силы совхоза были мобилизованы на сеноуборочную кампанию. Именно этим об'яснялось странное затишье, утвердившееся в совхозе.

Полевод только что приехал с сенокоса. Тем не менее, он пригласил меня посидеть в тени конюшни. Мы расположились на траве и начали разговор о полеводстве.

В овцеводческом совхозе полевод исполняет вспомогательную работу: он подготовляет кормовую базу для 11.000 овец. Территория, на которой производится кормодобывание, определяется цифрой в 17.000 га.

Большая часть этой территории занята ковыльной залежью. Ковыль — плохой корм для овец, так как он застревает в шерсти и портит ее. Овец приходится обирать, а на это нужны лишние руки и, следовательно, — лишние средства. Это обстоятельство вынуждает прибегать к созданию пастбищ искусственных.

Десять тракторов совхоза ежегодно поднимают 1.000 га целины. На целине, чередуясь, сеется пшеница, овес и, наконец,

„... невысокий, вытянутый в длину сарай кошары в этот час был пуст".

трава. В условиях совхоза американский пырей дает до 4 тонн сена с одного гектара, тогда как с одного гектара естественного луга совхоз не собирает и двух тонн.

В нынешнем году под посевными травами занято 1.860 гектаров. Посевные травы дают 47 процентов всего сбора сена, несмотря на то, что площадь их, по отношению ко всей территории совхоза, составляет всего 11 процентов.

Естественные луга также могут быть улучшены. Их надо освободить от кочек, продисковать и удобрить суперфосфатом.

Недостаток тяговой силы и средств транспорта покрывается своеобразной системой помочей. В качестве помочан выступают окрестные колхозы. В разгар сеноуборочной кампании колхозники выкашивают часть совхозовских лугов, с своей стороны, совхоз во время посевной кампании помогает колхозникам вспахать, засеять и заборонавать их земли. Так, весной 1930 года совхоз вспахал для колхозников 565 га целины.

Кормовая база совхоза не ограничивается посевными травами: в нее входят также зерновые культуры. В 1930 году площадь, занятая зерновыми культурами, равняется 2.348 га.

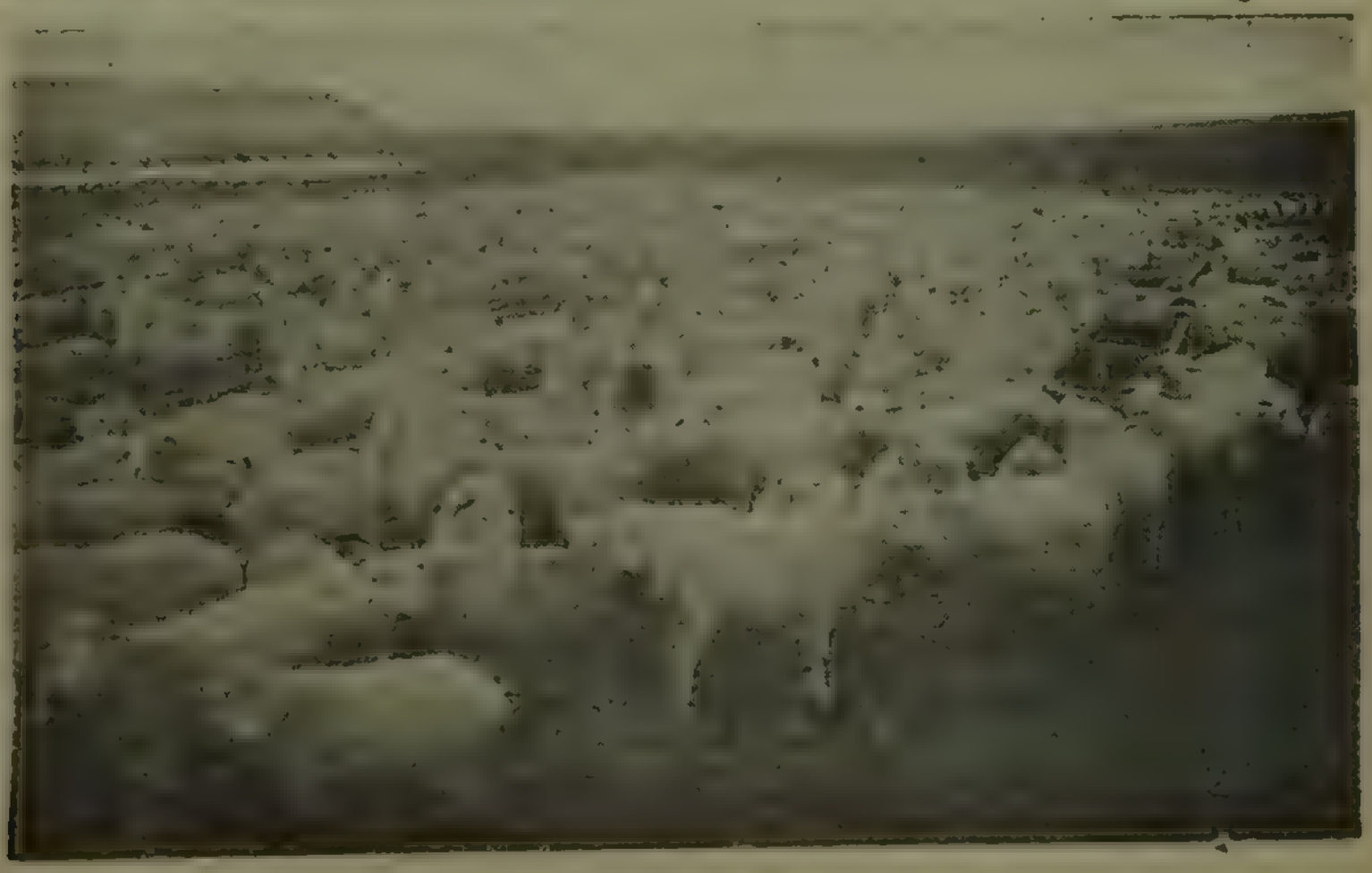
В будущем году эта площадь значительно вырастает за счет сокращения целинных земель.

Она будет расти из года в год и вместе с ее ростом окрепнет кормовая база...

...Все это рассказал мне полевод, когда мы сидели в тени конюшни.

Закончив свой рассказ, он сорвал зеленую травинку, перекусил ее и коротко добавил:

— Об остальном вы расспросите овцевода.



....Это была одна из Марьяновских отар".

ОТАРЫ

Овцевод был высок и чуть сутоловат. Костлявое его лицо, обтянутое сухой кожей, было обрамлено седенькой бородкой, старческая желтизна тронула его лоб, щеки и зоострившийся нос.

Угрюмой прохладой веяло от его облика.

Сунув мне широкую и жилистую руку, он назвал свою фамилию и тут же отвернулся и стал смотреть в сторону.

Подавленный стариковской неприветливостью, я растерянно пробормотал:

— Не родственник ли вы Николай Иванычу Рицину?

Суровое лицо сразу посветлело.

— Как же, как же, — заулыбался овцевод, — я брат ему, — Николай Иванычу, я ему сродный брат.

Сутулясь и светлея улыбками, старик заговорил о том, что он, — Федор Иваныч Рицин, — и брат его, — Николай Иваныч Рицин, — что оба они восприняли овцеводческую науку с младых ногтей. Их отец был выписан из Германии затейливым русским барином, пожелавшим поправить свое состояние с помощью тонкорунного овцеводства. Федор и Николай восприняли от отца овцеводческие познания, накопленные еще их прадедом.

— Мы с Николаем — четвертое поколение овцеводов.

Произнеся эту фразу, Федор Иваныч выпрямился и тронул белые сосульки усов.

Я хотел было выразить восхищение по поводу блестящей родословной овцеводов, — но сытые лошади вдруг поднесли к крыльцу неимоверно широкий тарантас.

— Едем, едем! — сказал овцевод, подталкивая меня к тарантасу.

Мальчик, сидевший на козлах, передал овцеводу вожжи и соскочил на крыльцо.

Лошади дружно взяли.

Когда тарантас выкатился на пыльную дорогу, убегавшую в поле, овцевод попросил меня рассказать, как работает его брат в Учумском овцеводческом совхозе.

Я принялся рассказывать о достижениях Учумского совхоза, в котором мне довелось побывать несколько месяцев тому назад.

Я говорил о работах по метизации грубошерстных и тонкорунных овец, об организации пастбищной территории и о прочих овцеводных делах, свидетелем которых мне пришлось быть.

Выслушав мой рассказ, Федор Иваныч пожевал губами и раздумчиво произнес:

— Мы тоже можем кое-чем похвастаться. Во-первых, — тонкорунное овцеводство: мы добились того, что наши мериносы в

среднем дают с головы 4,6 килограмма шерсти в год. Это очень хороший результат, и прежние овцеводы-помещики добивались его не так-то часто.

— Затем, метизация. Главный упор нашего овцеводства направлен на улучшение грубошерстной овцы путем метизации. Здесь мы также имеем немалые успехи. Исходный наш материал — обыкновенная крестьянская овца дает в среднем 0,6 килограмма шерсти в год. Метис первой генерации, то-есть первый потомок крестьянской овцы и мериноса, дает уже 1,3 килограмма. Метис второй генерации, который получается от скрещивания метиса первой генерации с мериносом, дает 1,8 килограмма. В четвертой генерации мы получаем настриг, приближающейся к настригу чистокровного мериноса и по качеству, и по количеству руна.

Метизация, мериносы, настриг. Эти слова звучали, как заклинания. Между тем наш тарантас пожирал пыльную ленту дороги. Мы спустились в овраг, затем выехали на пригорок и вновь стали спускаться в низину.

У подошвы пригорка развернулась березовая рощица. Между березок серыми круглыми камнями лежали овцы. Чабан в брезентовом пальто бродил в тени листвы, опираясь на кнутовище пастушеского кнута.

Это была одна из марьяновских отар.

Тарантас, пугая овец, подкатился к рощице.

Овцевод вылез из тарантаса и зашагал в центо отары. Овцы вскакивали и пугливо отбегали. Я видел сплошной бурый поток. Овцевод умудрялся различать в этом потоке отдельных овец. Он разрезал бурый поток, как пароход разрезает волну.

Я шел за ним. Поймав то одну, то другую овцу, овцевод называл ее класс и даже кличку.

В овечьем обществе также существует «классовое деление».

Овцевод намеривался продемонстрировать его законы. Прорезав отару, он остановился перед загородкой, построенной из длинных жердей.

Внутри загородки толпились баранчики.

— Элит! — выразительно отчеканил овцевод.

Я понял его гордость: баранчики были идеальной формы. Впрочем, иначе и не могло быть: под именем «Элит» об'единяются лучшие представители отар, — особенно доброкачественный племенной материал, идущий на улучшение овечьей породы.

Между прочим, Марьяновский «Элит» даст материал для экспорта.

Овцевод Рицин показал мне баранчиков, отобранных для отправки в Монголию.

— Обратите внимание,—говорил мне овцевод, похлопывая

баранчиков по округленным спинам, — ни единого перехвата, ни одной лишней складки!..

Старый овцевод не успокоился до тех пор, пока я не признал, что баранчики его изумительны. После этого овцевод заговорил с чабаном, предоставив мне возможность любоваться «элитными» баранчиками.

Я смотрел на головы, украшенные пышными спиралями рогов, и думал о том, что кровь баранов драгоценна.

Да, их привезут в Монголию, к ним будут допускать избранных маток, к именам их потомков непременно будет присоединяться их имя:

— Сын Орлика!.. Сын Бывалого!..

Но не только по степям Монголии разольется кровь пышнорогих производителей: племенных баранов берут также в молодые овчарни колхозов. Там они создадут новые породы овец, — породы, в которых кровь крестьянской праматери будет вытеснена кровью мериносов...

... Федор Иваныч закончил разговор с чабаном, и мы покатили к другому перелеску, протянувшемуся параллельно магистрали.

Здесь мы увидели другую отару. Осмотрев нескольких мериносов, — Федор Иваныч поднял крик: он нашел барана, который зачервивел.

Да, баран был поранен в одной из многочисленных схваток с другими баранами. Пастух не заметил несчастья, мухи усеяли рану и рана зачервивела.

„Внутри загородки толпились баранчики".

Услышав гневный окрик овцевода, чабан вынул из сумки бутыль с черной жидкостью и пинцет. Пинцет был ржавый. Голос овцевода взлетел до крика. Он выхватил у чабана бутыль и замахал на него свободной рукой.

Чабан, молча, отошел. Овцевод очистил рану и залил ее черной жидкостью.

Когда мы, наконец, уселись в тарантас, Федор Иваныч разразился жалобами:

— Вы только посмотрите, — разве это помощники? Тоже чабан называется. А какой он чабан, ежели он на овцу червя допускает!..

Я принялся успокаивать Федора Иваныча, говоря о том, что проблема кадров есть проблема общая, но что из этого нельзя вывести такого заключения, будто она неразрешима. Неопытный чабан, недостаток овцеводов — все это не может быть рассматриваемо иначе, как болезни роста.

Федор Иваныч со мной согласился. Вероятно, мы расстались бы в добром согласии, если бы не заговорили о будущности совхоза.

Федор Иваныч стал уверять меня, что дальнейший рост марьяновского овцеводства возможен только при условии предоставления совхозу новых пастбищных площадей.

Я не согласился с этим утверждением. Я заявил Федору Иванычу, что здесь он блестяще проявляет качества старого управляющего, привыкшего рассматривать весь мир сквозь призму помещичьего хозяйства. Я заявил Федору Иванычу, что ну-

„В Сибири количество овец должно увеличиться в двадцать раз".

ка овцеводства, воспринятая им от прадедов, к настоящему времени сильно одряхлела.

В дореволюционное время можно было вычертить диаграмму сокращения овцеводства по мере роста народонаселения, определяющего сужение пастбищных пространств. Линии овцеводства и народонаселения на этих диаграммах имели вид ножниц.

Теперь обстановка изменилась. Марьяновский совхоз не может быть рассматриваем, как замкнутая в себе хозяйственная система. Марьяновка входит в мощную группу омских совхозов. Дорога, проходящая вдоль полей Марьяновки, ведет в Борисовский совхоз.

Не следует думать, что Борисовский, Новоуральский или другой какой-нибудь совхоз оторваны от всего мира. Эти совхозы производят хлеб. Но вместе с тем они производят и корм. Сейчас они производят грубый корм. Но со временем они будут производить и корнеплоды, и травы, — словом все то, что входит в правильный севооборот.

Корма, изготовляемые зерновыми совхозами, будут отправляться в овечьи, в коровьи, в свиноводческие совхозы.

Овца переработает корма в шерсть, корова — в молоко и свинья в мясо.

— Марьяновский совхоз не должен стабилизироваться на теперешнем уровне, — говорил я Федору Иванычу.

Он слушал меня молча.

Повидимому, я не убедил его. Я слегка рассердился, но потом успокоился.

Меня успокоили не зеленые поля, по которым плыл Ноев ковчег нашего тарантаса. Просто, — я вспомнил цифру шерстяной пятилетки.

В 1932-33 году в республике будет произведено 270.000.000 метров шерстяной материи. Эта цифра становится весомой, когда мы вспомним, что в 1913-14 году Россия, в теперешних своих границах, произвела 95.000.000 метров шерстяной материи, а СССР в 1927-28 году произвел 96.000.000 метров.

Итак, 270.000.000 метров шерстяных тканей. Из какой шерсти будет создана эта тканьевая Ниагара? Быть может, из экспортной шерсти?

Память наша хранит некоторые странички из школьного учебника древней истории. Мы помним, например, что аргонавты искали золотое руно.

Разумеется, — это миф. Но овца, действительно, носит на себе золотое руно, и миф об аргонавтах правдоподобен. Во всяком случае, за тонкорунную шерсть мы отдаем звонкое золото: в 1910 году Россия ввезла шерсти на 54.365.382 рубля, в 1927-28 году мы заплатили за иностранную шерсть также немало.

Но суконная промышленность пятилетки не может базироваться на иностранной шерсти.

В соответствии с наметками пятилетнего плана, овцеводство республики должно быть расширено в десять раз. Что касается Сибири, то здесь количество овец должно увеличиться в двадцать раз.

...Вы сомневаетесь, Федор Иваныч? Вот вам цифры.

По сибирским совхозам общества «Овцевод» в настоящее время числится 135.000 овец. К концу пятилетки овец будет 2.700.000.

ДИКАЯ МЕЛОДИЯ

...Жизнь возвратилась в совхоз вечером. Столовая загудела, как большой улей. Из мазанки в мазанку засновали озабоченные женщины. Немного позднее, когда на черном лице неба проступили несмелые рябинки звезд, — у смутно белеющих кошар зазвучали молодые голоса. Голоса эти зазвучали чуть разноречиво. Внимательное ухо смогло бы выделить мягкий говор украинца, подчеркнуто твердую речь немца и гортанное бормотание киргиза.

Это значило, что разноплеменные народы, населяющие южную часть бывшего Омского округа, — немцы, украинцы, латыши, русские и даже казаки, — дали совхозу своих представителей.

На бревнах, брошенных близ кошар, дружно расселись немки в коротких платьях, украинки в расшитых плахтах и беловолосые латышки в строгих черных фартуках. Около них толпились трактористы, немцы, украинцы, русские. Внимательный глаз смог бы заметить, что на молодых лицах лежит какое-то особенное выражение, подчеркивающее их общность. Пожалуй, это было выражение уверенности, присущей людям, которые повелевают машинами.

Парни по временам приставали к киргизенку, который наигрывал что-то на губной гармошке.

— Джалтас, — кричали они ему, — сидел бы ты в юрте, пошто в чабаны нанялся?

Киргизенок отрывал от губ гармошку и, широко улыбаясь, бормотал:

— Юрта не карош. Совхоз хочу. Комсомол хочу!

Парни похлопывали его по спине и громко хохотали. Киргизенок дул в свою гармошку и дикая, слегка заунывная мелодия вплеталась в разноязычный говор.

А. КОПТЕЛОВ

РАПОРТ КОЛХОЗНЫХ ПОЛЕЙ

1

Сизый табачный дым вился над столом, облаками плавал по комнате и вырывался в открытые окна. Из-за дымовой завесы показывалось то одно, то другое лицо. Старый пильщик широкий ладонью рубил густой плетень из струй табачного дыма, он говорил коротко и твердо:

— Время горячее. Сегодня же организовать три отряда!— Голос Семена Егоровича гремел, и окна в двухэтажном доме вздрагивали. Дом этот, как и десятки других домов большого села Верх-Ануйского, построен им, пильщиком Камаевым. Теперь 878 семей послали его сюда. Они избрали Семена Егоровича помощником председателя.

— Барометр снова падает. Небесная канцелярия подведет.— Высокий человек, которого называли — «таварищ присидатель», задумчиво чесал сухой подбородок.

Широкоплечий крестьянин с седой щетиной на лице говорил о форсировании вооружения частей, расположенных за селом:

— По здешним климатическим условиям необходимо сельское хозяйство особенно машинизировать.

— Здесь приходится урожай у дождя из лап вырывать, — гремел Камаев.

— Из десяти дней — шесть ненастных. И еще дожди будут, — угрюмо молвил председатель.

Створки окон широко распахнуты. С улицы в комнату ворвался звонкий женский голос:

— Ты, кума, в который штаб-то побежала, в тот али в этот?

Слово «штаб» принесли в село партизанские отряды. С тех пор сельский совет изредка называли штабом, а позднее имя это закрепили за советом коммуны «Карл Маркс». Я узнаю: «тот штаб» — контора одного из девяти участков крупного колхоза, а «этот штаб» — президиум совета коммуны.

Мастер модельного цеха ленинградского завода им. Кулако-

ва Михайлов приподнялся на расшатанной скамье, стукнул карандашом по столу:

— Заседание считаю открытым, — провозгласил он.

— Первым будем слушать комбрига Бортникова, а потом доклады комбатов. — Агроном Афанасьев выдернул из кармана кожаной куртки потрепанный лист и, как скатерть, расстелил по столу. Лист этот четкими цифрами говорит за 16 тыс. алтайского чернозема и о бригадах, расположенных в полях. Карандаш агронома Афанасьева прыгает по столбикам и поленницам цифр. — Четыре бригады, состоящие из 951 человека, за 20 дней соберут урожай с 8000 га. В 25 дней молотильные отряды, в которых 538 человек, должны обмолотить весь хлеб.

Вот вооружение бригад и отрядов: 11 тракторов, 13 сноповязалок, 10 лобогреек, 54 жатки-самосброски, 16 молотилок. 300 телег и бричек, 7 водовозок, 10 походных кухонь, 10 палаток, 3 передвижных вагона и 10 ружей.

— Весной мы план перевыполнили на тысячу гектаров. В уборочную кампанию перед нами больше трудностей, — говорит агроном.

Вдали — волнистые поля. На юге синеет первый хребет Алтайских гор, и оттуда каменные лапы спускаются на пашни. Золотой прибой пшеницы пенится у каменной стены.

Широким поясом колхозных посевов окружено село. Еще недавно поля напоминали старую шубенку с бесчисленными заплатами разноцветных полос, а межи, изобилующие сорняками, походили на следы грязного кнута на боках тощей коровенки. Минувшей весной перепахали межи, сковырнули старые грибы соломенных крыш полевых и землей засыпали норы, в которые верх-ануйские пахари прятались от ночных майских холодов: так нашли не одну сотню гектаров чернозема и впервые оплодотворили его сортовым зерном. Широкий размах, воодушевляющий! Вон — море золотой пшеницы, вон—озера высокого овса. Белая пена гречихи пышет ароматом меда. Огромным заревом цветущих подсолнечников пылает увал. Кажется, человек положил на землю огромную линейку, взмахнул ножем: он распластнул старую шубенку и надел на деревянные столбы колхозной грани хорошо скроенную и чисто сшитую одежду.

На заседании «штаба» говорят взволнованно: вскрывают прорывы, форсируют наступление. Я вижу омоложенную землю, слышу как по-новому звучат голоса людей, вчера терзавших эту землю на острых межевых столбах единоличного хозяйства, и у меня возникает желание шагнуть назад, вернуться к истокам коммунальной жизни.

Двери широко раскрываются, и в просторную комнату входит толпа первых колхозников.

2

Ветер выл на голом бугре, шумел под горой в камышах и убегал в волнистые поля, где — пустыри, целины и широкие межи. Ветер трепал лохматые волосы мужиков, поднявшихся на бугор.

Они выкопали землянки, перетащили в них свое барахло и сказали:

— Здесь будет коммуна имени Карла Маркса.

Их было шестеро, и они имели имущества только на 1747 рублей. Но они были богаты неисчерпаемой энергией, верили в свои силы и жили надеждами на будущее. В сенокос питались одними огурцами и вечерами у костра восторженно говорили о лошадях, которых купят осенью.

В районе на них не надеялись и кредитов не отпускали. Так, не получая ниоткуда ни копейки, они к 1924 г. стоимость коллективного хозяйства подняли до 4866 рублей.

В родное село послали первый рапорт:

«В разведку мы отправились 9 марта 1921 г., — писали они.—В пути мы встречали много препятствий: холод, голод, непонимание того, куда мы идем. Путь был, действительно, трудным. Сейчас мы назад не вернемся, а только сообщаем письмами, что жизнь здесь в несколько раз лучше, чем мы жили раньше. Итак, пока до свиданья. Нам не хочется, чтобы вы отставали далеко. Следуйте за нами. Путь очищен от всяких препятствий. Вы нас можете нагнать. Где будет трудно, то мы можем выслать проводника, и он вам поможет».

Они нашли счастливое Эльдорадо, вернее явились создателями этой счастливой страны в стране.

Появились перебежчики. Колхозный лагерь на бугре рос. По соседству с коммуной создавались новые выселки. В полях загорались коммунарские костры. Плотной цепью окружив село, «разведчики» перешли в наступление. Их оружием была книга, простое и понятное слово о жизни своей, о найденной стране Эльдорадо. На знаменах начертали выгодность коллективного труда. Частновладельческие твердыни падали. Колхозные полки пополнялись добровольцами. 61 проц. всех дворов села вошли в колхоз. Старые коммуны слились. Так возник колхозный гигант Алтая.

Зачинщики коммуны разбрелись по всему пригорью. Теперь они — полководцы новых колхозных армий. А на месте землянок — прямая улица домов, школа, детские ясли, нардом, столовая, гараж, скотный двор, свинарник, птичник, зернохранилище, отделение маслозавода. Здесь — участок № 1.

Таковы трофеи «разведчиков».

3

Сивая лошадка бежит, приплясывая. Гремят высокие колеса, сдернутые со старых конных граблей. Тележка, похожая на гнездо беркута, покачивается на рессорах. Мы с агрономом Афанасьевым еле втиснулись в нее.

— Вон опять пророк Илья на колеснице поехал!—крикнули вдогонку от ремонтной мастерской.

Каждый день в этой двухколеске, похожей на узбекскую арбу, но необычайно легкой, агроном летает по полям. Лишь в сумерки оставляет колесницу и садится за стол, на котором развернуты планы. А рядом лежит стопа нетронутых газет.

— Читать некогда. За лето я одичал совсем. Отстал, — жалуется Афанасьев, — Ездил в Новосибирск на с'езд крупных колхозов, успел почитать в это время — как голодный набросился.

За нами тронулся обоз. Людей на телегах, как снопов в овине. Платки на головах женщин издали походят на букеты цветов. Над дугой передней подводы трепыхалось красное полотнище с лозунгом: «Вперед, к крупному коллективному хозяйству!» Надрываясь, визжала гармошка.

Шестой участок отправился на социалистический воскресник. На коммунарских телегах — много единоличников. Весной, когда делили землю, они не хотели и слышать о коммуне, вступали в горячие схватки. А сегодня они слились с коммунарами, они — завтрашние колхозники. Их 61 человек.

На передней телеге птицей быстролетной взметнулась песня:

Мы красная кавалерия
И про нас...

Роем голосов подхватил обоз:

Былинники речистые ведут рассказ...

А на задних телегах плескалась песня-«самоделка»:

Смелее, товарищи, в ногу,
Теснее сомкнемте ряды.
От дружных и крепких ударов
Погибнуть должны кулаки.

Надрываясь, горланили:

Над нами кулак издевался —
Тяжелую работу давал,
За эту тяжелу работу
Гроши и копейки давал.

Какая антихудожественная и убогая песня! Краснеть за нее приходится поэтам и композиторам. Много еще среди литераторов бесплодных мечтателей и мало бодрых песнотворцев. Деревня старые песни перекраивает на новый лад, поет:

Выхожу один я на дорогу...
Ночь тиха, пустыня внемлет природе.

Получается тришкин кафтан, который давно следовало бы сдать в утиль-сырье. Пора уже сшить новый кафтан.

Поэты и композиторы должны взять заказ на колхозную песню. Колхозники — солидные заказчики и требовательные в отношении сроков: заказ их нужно выполнять по-ударному.

..Телеги остановились возле огромной шафрановой полосы зрелой пшеницы. Загудел трактор. По волнистому хлебу покатились белые воробы сноповязалки. Жатки взмахнули крыльями, как секирами, и поплыли вереницей, огибая полосу.

Люди рассыпались по увалу. Бросали на землю соломенные пояски, хватали горсти хлеба и, прижимая коленками, стягивали в тугие снопы. Люди шли строем, а позади них вставали плотные шеренги бравых суслонов.

По горам шагал дождь. Молния словно гигантским ножем крошила тучу на куски.

Густой запах зрелого хлеба пьянит радостью. Поля улыбаются. Неуемный вихрь бежит по дороге, настигает нашу колесницу.

С полосы летит бойкая частушка; ее поет девушка.

Агроном говорит о пшеничном разливе, о земле, овеянной запахом горящего керосина. Я узнаю, что коммуна посеяла по 10 гектаров на семью и 2,25 га на едока, а единоличники села Верх-Ануйского — по 0,66 га на едока, что коммуна сдаст государству 3450 тонн товарного зерна.

— В прошлом году, — говорит Афанасьев, — село и колхозы отгрузили лишь 1180 тонн, а весь Быстро-Истокский район сдал только 3600 тонн хлеба.

Оголтелый ветер спутал высокую пшеницу, наклонил к земле. Жать можно лишь с одной стороны. Это затрудняет уборку и создает лишний пустой пробег машин. Агроном обеспокоен.

— Сев провели хорошо, а с уборкой, возможно, подкачаем. Машин мало. — Он морщится и сивую лошадку хлещет кожаной вожжей. — Сибполеводсоюз обещал четыре сноповязалки, но не прислал. О тридцати шести тракторах, которые сулили нам к осени, ничего не слышно. Мы останемся без зяблевой вспашки, если не получим машины.

Я слышу это десятый раз. Кажется, что не люди говорят, а зерном налитые колосья шепчут: машин, машин, машин!

И никуда не уйдешь от этого шопота. Поля зовут людей, вооруженных многорукой машиной. Поля, обремененные зерном, изнывают в тоске по машине. На тревожные вопросы коммунаров о машинах я смущенно отвечаю:

— Вот... скоро будет построен Сибкомбайн.

— Раньше не получим? — чешут бритые щеки. — Нам бы сноповязалочек... дозарезу нужны.

Они правы. Крупное хозяйство может процветать только при хорошем обеспечении машинами. Но нужна не только машина. Надо опутать поля телефонными проводами. Без этого невозможно руководить таким хозяйством. Сейчас, осуществляя связь с участками, загоняли лошадей. И все-таки никто не знает, что делают сегодня, например, на третьем участке.

Сивая лошадка трусит по меже. Огромным зеленым ковром развернулась полоса, засеянная соей. Ветер колышет прямые строчки нового на Алтае растения. Мы оставляем колесницу.

— Ах, какая соя! Соя, соя! Прелестная соя! — Агроном произносит это с любовью, словно разговаривает не с зелеными кустиками, а с девушкой, с Зоей. — Пятьдесят гектаров у нас ее. — Он долго ходит по полю, нагибается и гладит бурые стручки.

— Какие лохматенькие! Смотри, как много их. Ну и соя.

Он достает нож и вонзает его в рыхлую землю.

— Пожертвуем одним кустиком, посмотрим клубеньки на корнях, проверим, как она азот для нас собирает.

Пахотной землей коммуна небогата: рядом с ней возникло два зерносовхоза. Пустыри распаханы, межи уничтожены. Для паров остался маленький клинышек. Земле некогда отдыхать. Вводя севооборот, коммуна, очевидно, вычеркнет пар и возьмется за культивирование азотособирателей. Землю придется посолить минеральными удобрениями.

— Сейчас ведем изучение почвы. — Агроном бережно очищает корни сои от земли. — Будем известковать. Ждем, когда Кузбасс даст нам удобрения.

Чтобы земля обильно плодоносила, ее нужно подкармливать туками. Колхозы пред'являют требование на них.

Возвращаясь к колеснице, Афанасьев последний раз оглядывается на зеленые строчки.

— Прелестная соя!

По дороге ползет телега, груженная ящиками и банками.

— Кино-передвижка кочует. — Агроном машет рукой. — Куда, ребята?

— С первого участка на третий поехали, — летит ответ.

Из-за увала выскочила заседланная лошадь. Лицо всадницы, исцарапанное ветрами, красное, как кирпич. Широкий ремень зеленой сумки перерезал грудь. Мелькает красный крест.

— Один из летучих санитаров. — Афанасьев кивком головы показывает на девушку. — Ее обязанность об'езжать все поля первой бригады и оказывать помощь. Так и летает по полям.

Увидев колесницу, полевод Малютин останавливает гнедую лошадку.

— Надо молотилку ставить, — говорит агроном. — Молотьбу начните сегодня. К нам приходят пять автомобилей для вывозки хлеба на пристань.

— А когда мы свои три автомобиля получим, за которые уже деньги уплатили?

Агроном достал свою карту и развернул ее на колеснице.

— Сколько убрали? — зашуршал карандашом по бумаге.— Сегодня пятидневку представьте.

На этой карте, как на ладони, видно все полеводческое хозяйство коммуны.

За рекой гудели машины.

4

Вечером собрались у телег. Мастер модельного цеха ленинградского завода взмахнул рукой над полями.

— Сегодня мы провели социалистический воскресник, — начал он. Спина его ныла после десятичасовой работы: он наступал в передовой шеренге — целый день вязал снопы.

В толпе суетился старичок, лицо его сияло радостью, и он по-детски искренне улыбался в серую бороду.

— Дайте мне сказануть.—Поднявшись на телегу, сжал кулак и погрозил кому-то.—Вот как коммуна страдует! Как машины пойдуть, да как загудуть — аж земля задрожит...

Старика сдернули с телеги и понесли над головами, подбросили кверху, словно огромный мяч.

— А мы, Попов Прокопий, Акимов Илья и Колыхалов Ефим, значит, вот чо удумали... — говорил старик, показывая на своих седобородых товарищей, считавшихся нетрудоспособными. — Хоть и сулите деньги за сегодняшнюю работу, ну мы их не возьмем. Желам, чтобы наша работа даром на пользу коммуне нашей пошла.

В это время на другом конце земельного надела коммуны коммунар Беркетов писал рапорт:

«На нашем участке работало на воскреснике 130 чел. коммунаров и 23 чел. единоличников. По окончании работы проведен митинг о взаимопомощи коммунаров с единоличниками, о дальнейшей коллективизации, своевременной уборке хлеба и выполнении плана хлебозаготовок и дальнейшем снабжении товарами как коммуны, так и единоличников. Настроение с обоих сторон было хорошее». В этот день работали на всех девяти участках коммуны.

Солнце пряталось за землю, горы румянились. Коммунары возвращались с воскресника. По полям разливалась песня:

— Мы мчимся на конях туда, где виден враг...

5

У сарая женщина остановила лошадь и легко спрыгнула на землю. Она сдернула седло и бросила его на доски. Босые ноги коммунарки исцарапаны. Белый платок скатился с головы и хомутиком лежал на шее. Сквозь пыль, осевшую на щеках, пробивался румянец.

— Здравствуйте... товарищ Папина.

Коммунарка повернулась и поправила волосы.

— Здравствуешь, здравствуешь, — улыбнулась. — Опять описывать приехал?

Два года тому назад она, тогда молодая колхозница, на собрании держала речь:

— Бывало приедешь с поля домой: коровы мычат, телята ревут, свиньи за ногами бегают. Топаешь до полночи, а с полночи надо вставать, стряпать да на пашню собираться. Кипятишься, крутишься, и все нет ничего. А теперича чо — всяк свое дело знат. — Она говорила, часто «спотыкаясь», краснела и то-и-дело поправляла платок на голове. — Только за все хозяйство надо ладом браться, строить его по-новому. Старое нам не нужно нигде ни в чем. У нас был старый поп, но мы его бросили: без его хорошо. Также и в хозяйстве: все старое должны бросить. Нам надо новое.

Я напомнил об этом выступлении. Коммунарка гордо вскинула голову:

— Теперь нам и похвастаться есть чем. Ясли у нас, детплощадка, столовая, нардом. С'езд президиума был, ездила я на него, там говорили, что во всей-то коммуне девять яслей и шесть площадок. Я ликвидацию закончила, читаю, пишу нехудо. Подико, я теперь — заместитель заведующего хозяйством участка. — Смущенно улыбнулась. — Ездила в поле: доглядывать за всем надо. — Она прошла в комнату, села к столу.

Маслодел обратился к жене с вопросом:

— Как у вас уборка идет? — Повернулся ко мне лицом. — До чего дожили: у бабы своей спрашиваю, как хлеб убирают. — Хлопнул руками по коленкам. — Она у меня ведь совсем безграмотной была до коммуны-то.

— Дождь мешает. Однако, по заказу кулачества дождит так. — Мария Степановна тяжело вздохнула. — Убрать бы хлеб поскорее — машин бы накупили разных, — робить полегче будет.

— У вас машин много.

— Взяли их и отдали тем участкам, где молодые коммунары. Говорят: «Поощрять их надо, а вы, старые коммунары, потерпите». Ну, мы и терпим.

— Мы по сто рублей на трактора внесли из своего зара-

ботка, — рассказывала она, — а новые коммунары по сто копеек не внесли, а с нами их равняют и наши машины им отдают. Ну, нам и обидно маленько вроде.

Деление на старых и молодых крепко держится среди тех, кто пришел в коммуну до этого года. Это деление можно разбить только массовой культурно-просветительной работой, но вот здесь-то и есть главный «прорыв» в коммуне.

— Культработа у нас отсутствует, — признается секретарь партколлектива коммуны т. Плеханов. — Людей нет. В посевную кампанию мы выпустили на полях семь номеров стенгазеты-многотиражки, всю культработу на поля перебросили, а летом — все заглохло.

—Вот что запиши,—продолжала Папина, — все старые коммунары отказались от своих вкладов, которые у них были в коммуне. Все свое имущество передали в неделимый капитал. Хочем быть чистыми, настоящими коммунарами.

За эти два года она в культурном отношении настолько выросла, насколько в единоличном хозяйстве не выросла бы и в 10 лет.

Простившись со мной, она побежала в поле. По желтому жнивью мелькали ее красные, босые ноги.

6

Коммунара Сазанова остановили мужики возле «главного штаба». Они говорили о строительстве.

— Ты прийди ко мне, я тебе живо проектик нарисую. — Сазанов поднялся на второй этаж и вышел на террасу, стены которой оклеены «проектами». На столах лежали огромные свитки. В прошлом Сазанов, председательствовавший в комитете

„По проекту коммунара Сазанова строят шатровые скотные дворы".

взаимопомощи, составлял проекты строительства единоличных хозяйств и осаждал редакцию окружной газеты:

— Напечатайте: это дело интересное.

Теперь он проектирует общежития, дворы, склады, гаражи, свинарники. Многие «проекты» походят на остроги и тюрьмы. Когда говорят об этом автору — он не обижается, а берет карандаш и говорит:

— Я сейчас перерисую.

Для перерисовки ему требуется только одна минута.

В коммуне Сазанов — незаменимый человек: он заведует строительством. По его проекту строят шатровые скотные дворы. Для постройки этих дворов по проекту Колхозстроя не нашлось необходимых толстых балок, проект был забракован. Сазанов просил колхозстроевских инженеров помочь ему и уточнить его проект шатровых дворов, но ему сказали:

— В утверждении отказываем, но вы можете строить.

7

«Колхознице» 9 лет. Я смотрю на ее паспорт — белую карточку — и узнаю, что она краснобокая, что левое ухо у ней распорото, а на крутых рогах — следы железного клейма — № 852. Паспорт беден цифрами: «Колхозница» переходка и сейчас не доится. Я тасую белые паспорта, как огромные карты. Вереницей летят коровьи имена: тут и «Дарьи», и «Марьи», «Наташки», «Дуняшки», «Шалавы», «Стервы», «Трубочистки», «Кареты», «Согры», «Крали», «Устрицы», «Проказницы», «Активистки», «Индустриалистки», «Буржуйки». Рука моя вздрагивает, когда взгляд спотыкается о хорошее коровье имя, а паспорт летит на стол. Клички животным давали сами дояльщицы,

....Коммунары добьются побед не менее поразительных, чем в весенних боях за большевистский сев".

и эта стопа личных карточек коров может познакомить со степенью познаний коммунарок, потому я тщательно записывал коровьи имена: «Нева», «Ангара», «Земфира», «Флора», «Индустрия», «Восход», «Заря», «Сирень». А на второй листок блокнота ложились строчки имен телячьих: «Игнашка», «Тришка», «Звезда», «Пилюля», «Социалистка», «Фордзон», «Знамя», «Авангард», «Интер», «Отгадайка».

Николай Николаевич Милонов, зоотехник коммуны, щиплет русый клин бороды и улыбается:

— Интересные имена есть, — говорит он. — Одна коммунарка коровам дала имена своих дочерей, бычков назвала по имени сыновей. Лучше, говорит, запомню: «Мишкина корова, дескать».

Коровьими именами явились слова, вошедшие в обиход, запоминающиеся, знакомые, — и, если коммунарка «окрестила» корову «Ангарой», то, без сомнения, она знает не только город, стоящий на берегу этой реки, но и знакома со смелым проектом покорения бурных вод. Это слово стало для нее близким и обычным.

Коровьи паспорта расскажут вам о ликвидации неграмотности среди доильщиц, о культурно-просветительной работе.

Зоотехник Милонов подает мне интересные карточки.

«Сине», записанной под № 3238, 6 лет, она весит 231 килограмм и дает в месяц 185 литров молока с жирностью 4,3 процента. Это — наивысший удой в стаде.

Под № 2829 значится «Комсомолка». Она весит 247 килограммов и дает в месяц 104 литра молока с жирностью 4,6 проц.

У «Гани» самое густое во всем стаде молоко — в нем 6,1 процента жира.

— Заметьте, — Милонов повертывается ко мне лицом, — у нас в восьмом участке молочной фермы средний процент жира в молоке — 4,72. Наши коровы лучше датских: там средняя жирность молока 3,8 проц., а у нас нет ни одной коровы с тремя процентами жира.

Сибирские коровы отличаются именно высокой жирностью молока. Вводя правильное кормление скота, повышая удои, можно вывести хорошую сибирскую молочную корову. Тов. Милонов для того и завел на каждую корову паспорт, чтобы потом подсчитать, какие из них дают наиболее дешевое молоко, лучше оплачивают труд. Приплод этих коров пойдет на племя и будет зачислен в молочное стадо.

Пока корова в коммуне почетом не пользуется. На первом участке три года тому назад слепили огромный саманный двор. Нынче одели на него роскошную железную крышу. А внутренность двора хуже крестьянского хлева — поток просвечи-

вает, вентиляционные трубы не сделаны, земляной пол можно сравнить лишь с трясиной. Стойл и кормушек, конечно, нет. Турнепс с'едала блошка, кормовую свеклу задавила трава — ее не пропололи, силос не заложен. Полевод тов. Малютин об'яснил это недостатком рабочих рук.

— Люди заняты на строительстве, — уверял он.

А коммунар Сазанов, под руководством которого строят в коммуне 4 шатровых скотных двора на 800 голов, хлопал руками по бедрам и мотал головой:

— Строительство срывается: не дают рабочих.

В июне ввели дойку коров три раза в день. Удои повысились. А в конце июля президиум совета коммуны об'явил поход на зоотехника Милонова.

— У вас есть предписание о введении троекратной дойки?— спросили его на заседании президиума.

Всесильного предписания не было, и зоотехник Милонов оказался побежденным. Коров стали доить два раза. Буренки поддерживали зоотехника: на второй же день 184 коровы первого участка понизили удой на 50 литров. На стороне зоотехника оставались пока коммунарки третьего участка. Но вскоре к непокорным приехал член президиума и громогласно потребовал:

— Немедленно подчиниться совету коммуны и прекратить троекратную дойку.

Так чиновничья близорукость победила коммунарскую самодеятельность.

Мне понятно возмущение зоотехника Милонова. Лицо его багровело, голос дрожал, а в глазах вспыхивали прочизывающие огоньки, когда он возражал Плеханову, который говорил, что крестьянин кормил корову только сеном и соломой и она, дескать, давала ему больше молока, чем коммуне. Зоотехник Милонов защищал корову и корнеплоды.

— Руки дрожат, когда берешь эти скорбные листы с ужасающими цифрами. — Он бросил на стол тетрадь и, задыхаясь, широкой ладонью провел по мокрой лысине. — За одну весну в коммуне пало скота на 18 тыс. рублей. А вы все только о полеводстве кричите, как будто животноводство — какое-то частное дело, — кричал он, — а не дело государственной важности.

— Вы, наверно, прочитали постановления шестнадцатого с'езда партии? — сказал Плеханов, смущенно закрывая рот ладонью.

— Посеяли двадцать гектаров, — зоотехник щелкнул косточками счет, — два гектара отдайте животным. Свиньи-то дохнут у нас от бескормицы. Как вы не можете понять огромного значения животноводства?

Секретарь коммуны поставил на табуретку тяжелую ногу и

взмахнул рукой, словно хотел обезглавить Николая Николаевича.

— Ты всегда так языком болтаешь.

На круглом, как полная луна, лице зоотехника появились крупные капли пота.

— Я подписку дам за правильное ведение животноводства,—взревел раздосадованный Милонов.—Хоть к стенке меня ставьте потом, если я ошибусь и буду неправым.

Он сел в угол, голова упала на грудь; оскорбленный взгляд прищуренных глаз спрятал под стол.

В тот день член президиума совета коммуны сказал мне о зоотехнике Милонове нерадующие слова:

— Авторитетом среди коммунаров не пользуется.

Я не поверил этому смелому утверждению. Перелистывая мартовский комплект окружной газеты «Алтайская деревня» за 1929 год, я нашел заявление Николая Николаевича.

«Данное время, — писал он из Новосибирского кооперативного техникума, где был преподавателем, — вглядываясь в развитие колхозного движения, считаю одним из крупных недостатков этого движения то, что мы только учим других и подталкиваем к коммунарскому существованию, но непосредственной жизни в коммунах не принимаем, вступать в них никто не желает. Чтобы увязать свое слово и пропаганду за коллективизацию с делами, я подаю ходатайство о зачислении меня в число членов коммуны имени Карла Маркса».

Он оставил преподавательскую работу в техникуме и пришел в коммуну, чтобы помочь поставить культурное животноводство, чтобы примером хорошо организованного хозяйства агитировать за коллективизацию. Тогда не было лозунга: «Специалист — в колхозы!» Многие из верх-ануйских коммунистов ворошили мусор своих единоличных хозяйств. Порыгин и Плеханов в это время предпочитали занимать ответственные посты в городе. Николай Николаевич на Алтае был пионером движения культурных сил в колхозы.

Он честно выполнял свое обещание, хотел сделать многое, но ему не только не помогали, но, как это ни странно, били по рукам.

Осенью он оставил на племя гусаков больше, чем гусынь, надеясь на развитие птицеводства. Он говорил, что хорошее племя пойдет не от молодых, а от старых гусаков, но его подняли на смех и весной гусакам отсекли головы. Сейчас Николай Николаевич говорит о форсировании развития куроводства, но над породистыми петухами уже занесены топоры.

— Зоотехник по теории работает, а практики не придерживается, — говорила помощница заведующего первым участ-

ком, — на четырех породистых кур оставил девять петухов. Зачем их столько?! — Она хлопнула руками по бедрам и расхохоталась: — ничего мы с Милоновым поделать не можем, не подчиняется он нам.

Человек, решивший рационализировать птицеводство, конечно, не будет «придерживаться» глупой практики единоличного хозяина, не считавшего курицу птицей.

Коммуна на 3500 человек имеет только 1700 кур. Милонов много раз доказывал необходимость развития птицеводства.

— Есть норма — на гектар посева десять голов птицы, — говорил он. — Следовательно, наша коммуна должна иметь 80 тыс. голов птицы. После жатвы птицу можно пасти на полосах: посмотрите, сколько колосьев там остается.

Весной в коммуне откроется цыплячья фабрика. Инкубаторий строится на 34 тысячи яиц. Будет петуший «голод». Милонов готовит к весне породистых петухов, а над ними, с позволения совета, заносят топоры. Милонов настаивает на посеве корнеплодов, но на них плюют: «пусть зарастают сорняками, не беда, что они будут такими «крупными», как мышиные хвостики». А после этого в «главном шатбе» коммуны кричат на зоотехника:

— Ты только языком болтаешь.

Это называется увязкой со специалистом!

На том знаменитом заседании, которое продолжалось целые сутки, шли бои за сибирскую корову. Буренка может торжествовать: ее сторонники победили. Решено: выделить рабочую силу на строительство скотных дворов, обеспечить 800 коров молочной фермы теплым помещением, создать мануфактурный фонд для премирования лучших строителей, отпустить 500 рублей для премирования коммунаров и коммунарок за хороший уход за скотом.

8

О кормовом вопросе заговорили лишь после того, как грянул гром и во дворы заглянула бескормица. Но только поговорили. Вопрос не разрешен. Сегодня вам ни один агроном твердо не скажет, какие травы можно смело сеять на Алтае. В минувшие годы остановились на красном клевере, приносившем в притаежных районах богатые урожаи. Красные «кашки» хранили золотую пыль желтых клеверных семян: десятина давала 450 рублей. Мелкими, как мак, семенами наполняли вагоны и отправляли их на восток или на запад — за Урал. Но клевер оказался ненадежным. Свирепые холода, сковавшие землю прошедшей зимой, опалили нежные кудри клевера, испортили корень. «Золотая трава» погибла.

— Мы ходим по золоту и не замечаем его, — Николай Ни-

колаевич вскакивает, бежит к шкафу с агролитературой и возвращается с двумя вениками в руках. — Вот, смотрите, я нашел около тридцати гектаров дикого морозоустойчивого клевера. Надо было убрать на семена, но эта площадь принадлежит единоличникам — ничего сделать не удалось. — Качнул головой и руками хлопнул по коленкам. — Смотри, какой клевер! А вот желтый буркун! Прекраснейший корм, хорош в севообороте! В бывшем Сычевском районе есть площади в 5-6 гектаров, сплошь заросшие буркуном. Но никто его на семена не собирает, не разводит.

У Николая Николаевича крепкий голос, его должны услышать опытные станции, земельные органы, агрономы. Пора прекратить ввоз на Алтай «знатных» иностранцев, как, например, американский пырей. У нас большие запасы такого ценнейшего «сырья», как дикий красный клевер («кашка») и желтый буркун, из которого можно создать прекрасные сорта культурных кормовых растений.

9

Кулацкие сплетни ужами ползут по селу, по коммуне. Подкупленные нищие в дыроватых мешках разносят по дворам кулацкую агитацию.

— Кругом — банды. Спасайтесь. Выписывайтесь из коммуны.

— Всех, кто живет в кулацких домах, будут расстреливать.

Кулацкий дом на окраине села опустел: коммунары ушли из него. Во втором кулацком доме, перевезенном в поле, никто не осмеливается ночевать.

Кулак пытается посеять склоку среди колхозников. И это для него трудностей не представляет — в Верх-Ануйском 103 семьи высланных кулаков, многие из них тайно проживают у коммунаров-родственников.

Рядом с коммуной — с.-х. артель «Путь Сталина». Недавно на общем собрании членов артельщица Кузьмина подошла к артельщице Глущенко Степаниде.

—Ты—потаскуха. — Скверными словами плюнула в лицо молодой женщины. — Ты с чужим мужиком спала. — И, повернувшись, спокойнехонько пошла от нее.

Меры приняли быстро и обошлось без скандала. В числе родственников Кузьминой оказались кулаки. На суде она созналась, что «зря на бабу поклеп положила» и уплатила 5 руб. штрафа. Но могло быть хуже.

Коммунарка М. работает помощницей заведывающего хозяйством одного из участков. Она — активная работница. Все отзывались о ней хорошо. Но недавно припомнили, что три года

тому назад ее видели с мужем молодой коммунарки. Хотя все эти три года М. считалась примерной женой своего мужа, все же сплетни поползли:

— В коммуне — разврат. Помните, М. видели с чужим мужем?

Кулак ликовал.

Однажды коммунары без оповещения собрались в народный дом, решили низложить «распутную» руководительницу. Они избрали свой участковый совет. Только после приезда председателя коммуны конфликт был ликвидирован. И посейчас коммунарка М. работает помощницей заведывающего хозяйством участка и дело ведет хорошо.

Так, стараясь развалить колхозы, кулак играет на бытовых струнках. Это обязывает усилить борьбу с кулачеством, поднять культурно-воспитательную работу.

10

Бригадир Бортников спрыгнул со стола, на котором сидел, расстегнул пиджак, открывая широкую грудь в кумачевой рубахе.

— Так что доклад мой маленький. — Он говорил, покашливая. — Не знал, что спросите и сведений не брал.

— Сколько пшеницы убрано? Воскресник как провели? — спросил председатель сельсовета.

— Так что не знаю. — Лицо бригадира теряется в темноте, но по голосу слышно, что он спокоен. — Воскресничали мы: я сам снопы вязал.

Поднялся Плеханов и стал «начитывать», сопровождая слова резким покачиванием головы, словно этим вбить хотел в сознание бригадира то, что говорил:

— Надо руководить работой, а Яша, видите ли, снопы вяжет. Снопы и я могу вязать, это не трудно. Нет, ты постарайся дать работу всем, распорядись по-хозяйски, укажи.

— Я больше физически люблю работать, — сказал Яша, и тряхнул руками, будто силу свою показать хотел.

У него, вчерашнего единоличника, разбежались глаза по бескрайным полосам. Неубранный хлеб каменной глыбой наваливался на него. Он чувствовал, что нужно делать многое, но он не знал, как это начать.

Заседание было бурным. Вскрывали прорывы и искали причины, породившие их.

— Главный недостаток в том, что у нас все отвечают за все и никто ни за что не отвечает. Обязанности между членами президиума не распределены, все и всем занимаемся понемногу, — говорил агроном. — Я руковожу полеводством, но я не знаю, где что делают: один бригадир получает указания от меня второй—

от председателя коммуны, третий — от секретаря партколлектива, а четвертый — от председателя сельского совета. У нас какой-то сплошной балдеж.

— Производственные совещания не собирались два месяца.

— О социалистическом соревновании забыли. Комсомольцы подписали не договор, а перечень вопросов, по которым «желательно» соревноваться.

— Пока только одна группа об'явила себя ударной.

— К воскреснику не подготовились — лишь накануне агроному, члену президиума, сообщили: «Мы воскресник провозгласили!» Результат — многие коммунары в воскреснике не участвовали.

Самокритика велась ожесточенно, но прицел брали неверный: вместо обстрела президиума совета коммуны, стреляли по низовым работникам.

— Целый день торговались о переброске одной машины на другой участок.

— С расценками труда рядовые коммунары не ознакомлены.

Встал агроном, кепкой хлопнул о стол:

— Я боюсь за урожай. Хлеб под снег уйдет. Надо принимать чрезвычайные меры.

Президиум нашел легкий выход — как и в сенокос, нанять несколько сот человек единоличников из соседних деревень. О дальнейшей коллективизации не обмолвились ни одним словом (коммуна, правда, выросла на 50 семей, но они вступили после сева, когда увидели достижения, одержанные на полях весной, а в уборочную кампанию коммуна не росла). Так могут поступать только дельцы из оппортунистического лагеря. Из-за наемной силы между соседними коммунами-гигантами — «Индустрия», им. Энгельса и им. Карла Маркса — произошла склока: повышая оплату, переманивали наемных рабочих из коммуны в коммуну.

Президиум заседал целые сутки, обсуждение вопроса об уборке урожая продолжалось 7 часов. Решения приняты жесткие. Но в них заметно деляческое отношение к хозяйству. Налицо забвение политических задач. Самодеятельность колхозников пока скована оппортунизмом руководителей. Взгляд на единоличников, как только на рабочую силу, укореняется.

Коммунары берутся за дело крепко. Они добьются побед не менее поразительных, чем победное окончание весенних боев за большевистский сев. Колхозный гигант Алтая будет быстро расти и скоро встанет на крепкие ноги, если будет нанесен удар оппортунизму, предоставлен простор для развития коммунарской самодеятельности, если немедленно будет поднята массовая куль-

турно-воспитательная работа. Сделать это нужно и, по-большевистски, быстро.

11

Встало румяное утро. Над крышей механизированной мастерской взвилось белое, как снег, облачко. Заревел гудок. Его услышали в «Комилтерне» и на «Буденовке» — дальних участках коммуны. На первом участке сухой палкой били по шабалe, оторванной от последней сохи и повешенной возле столовой.

— Вставай, вставай, — неслось над полями, летело к синему хребту Алтайских гор. — Поля зовут.

Люди группами и отрядами уходили в поля. Работали, не разгибая спины, пока над походной кухней не взметнется платок поварихи.

— Обе-еда-а-ать, — катится по пшеничному морю протяжный голос.

После обеда — снова на полосы. Ставят суслоны и вяжут снопы, пока солнце не упадет на фиолетовые пики гор.

Поля обременены первым колхозным урожаем. Поля зовут людей, вооруженных машинами.

Л. МАРТЫНОВ

СТЕПНЫЕ КОММУНЫ

Коммунар Степанюк показался нам неплохим коммунаром, хотя он и несколько толще других. Имеет ли один коммунар право быть толще другого? Смешной вопрос!

Однако, Степанюк не склонен смеяться. Толстый, он иногда так несчастен среди худощавых, что даже склонен напиться пива, если бы оно было.

Обо всем этом следует рассказать по порядку.

День жарок. Зреет пшеница, подсолнухи поворачивают свои венценосные головы вслед за солнцем. А в коммуне торжество.

После митинга с докладом о международном положении, красноармейцы-гости открыли музыку. Молодые веселые бойцы танцуют краковяк и «подэспань» с мускулистыми, загорелыми девчонками коммуны, командиры тихо беседуют с пожилыми коммунарами о козиях папы Пия XII. А в рощице, вокруг мериносовых овец, которые залегли в тени между берез, толпятся экскурсанты. Руковод-коммунар поясняет:

— Овец нам дал один совхоз году в двадцать первом. И как мы тогда переживали острый кризис в питаньи, мы остались недовольны, что их надо кормить и серепьких и черненьких и порешили не кормить их, а скушать вот этих, вот самых серепьких, а черненьких порешли все же оставить, как мы тогда не были специалистами животноводства. Но нам раз'яснил один товарищ, что мероносовых овец кушать нельзя, а наоборот их жалеть надо и ноне дают они ежегодно 10.000 руб. доходу.

В это время, позади, — такой разговор:

— Ванька, секретарь просит посмотреть: там коммунары поссорились. Этот Степанюк сниматься хотел, знаешь, у того фотографа. А ему закричали: «Ты, толстый, на пластинку не влезешь!» Он разобиделся, ходит и ищет напиться.

— Ладно. Я выясню. Теперь ты собирай народ на собрание.

— Товарищи, теперь приглашаем вас на вечер воспоминаний о десятилетии нашей коммуны, а также для торжественного приветствия наших героев!

Экскурсанты повалили из рощицы.

Сначала я думал — это какой-нибудь молодой научный работник, химик или экономист из Москвы, приехавший в коммуну для ознакомления с делом культивирования в Сибири новых форм хозяйства. И когда мне сказали, что это Птицын, активист коммуны, родом из крестьян, — удивился я сильно. Худенький молодой человек, острое покрытое налетом загара лицо, бледное тело, просвечивающее через спортивную сетку, аккуратный пробор — ничего не осталось от традиционного крестьянского облика.

Кузнецов — спутник и собеседник Птицына. Кузнецова можно принять за сельского учителя, сильно близорукого. Оказывается — почти неграмотен. Не успел ликвидировать неграмотность сначала потому, что не было времени, после потому, что не стало зрения. «Атрофия зрительного нерва на почве отчаянных переживаний, простуды и голода в годы разрухи» — говорит он. Выдержанный, спокойный человек, хороший организатор.

Ляхов тоже по внешнему виду вовсе не напоминает крестьянина. Это не молодой пролетарий, каких любят изображать рисовальщики английских рабочих газет и журналов. Следует отметить преобладание коричневых тонов в этом сухощавом коммунаре. Коричневый пиджак, коричневое кэпи, коричневые ботинки.

— Этот цвет мне душу ласкает, потому что он тот же, что у рук моих и лица. А иные цвета меня раздражают, — говорит Ляхов, подергивая щекою.

Все они люди нервные. Немудрено. Десять лет борьбы за коммуну не прошли даром. И званье героев коммуны не даром досталось. Теперь коммуна громадна, мощна — десяток тракторов, два локомобиля, полтысячи овец, полтысячи рогатого скота, двести коней, свыше двух тысяч гектаров посева. Скоро коммуна будет электрифицирована. Словом, хозяйство направилось. Но чего это стоило!

А, в конце-концов, может быть и не так дорого это стало. Всего-на-всего здоровья нескольких десятков упорных людей. Как судить!

Вот старые коммунары предаются воспоминаниям:

Заря истории — девять с половиною лет назад. Сибирь очищена от интервентов. Полная разруха. Транспорт работает вяло, заводы стоят. Группа рабочих одного из небольших городских заводиков решила заняться сельским хозяйством, организовав коммуну. Обоз тянется в степь с городской окраины мимо проволочных заграждений и полуразрушенных казарм. Чесоточные лошади, полученные из военного брака, спотыкаясь, ве-

зут скарб коммунаров, скудный хлебный запас и запас сорного семенного зерна.

Пустующая дача бежавшего полковника Забуги превратилась в центральную усадьбу коммуны. Вот засеяно двадцать пять десятин, но жаркое лето сулит неурожай, на всходы надежды мало, свой хлеб давно с'еден, и коммунары, неприспособленные к сельскому хозяйству и коллективной жизни, мало-по-малу разбредаются. В городе снова пущены кой-какие заводы — рабочих манит назад.

Зимой на даче бывшего казачьего полковника остается лишь один коммунар. Он — председатель, он — член, он сторож. Холодно и пусто в полях. Окрестные казаки толкуют о близком свержении советской власти, — «Убирайся, коммунар, а то вернется полковник Забуга и повесит тебя на березе за то, что ты на его даче распоряжаешься!».

Бедной, дикой кочевой жизнью живет республика. Но, если природные номады киргизы, обитающие в степях Приртышья, кочуют по определенному плану, идя гигантскими кругами вслед за стадом, ищущим себе корм, так русские кочевники — голодающие крестьяне Поволжья и русского запада — идут без всякого плана. И каким образом попадает в одну из окрестных деревень семьдесят семейств голодных беженцев из европейской России — неизвестно. Сельсовет, приняв на постой эту толпу оборванных и голодных людей, гадает, что с ними делать. И вот выход найден: «Валяйте в коммуну. Там председатель есть, а членов нехватка. Ни одного нет!».

И снова растет коммуна. Вернулся в город последний из рабочих, остались новые люди, те самые, что пришли из России. Присоединяются к ним бедняки из соседних сел, государство помогло зерном, приходит весна. Но вот беда — лошади дохнут от бескормицы! А сеять надо. И коммунары, вооружившись лопатами, выходят в поле. А после посева идут батрачить к зажиточным крестьянам за Иртыш.

Планы? Учет труда? Зарплата? Кто думает об этом.

Прошло десять лет. В коммуне свыше трехсот едоков. За последние годы сильно выросла эта коммуна. Тракторы, локомобили, тысячи голов скота, выручка за зерно, за технические культуры, за шерсть, за молоко. Коммуна освобождается от долгов, теперь пришла пора строить светлые дома, крепнуть. И если старики устали, подрастает молодежь. Несколько десятков детей коммунаров учатся в городе в школах, на курсах по подготовке в вузы, в техникумах. Они вернутся в коммуну агрономами, ветеринарами, механиками, если, конечно, захотят вернуться в коммуну.

Мелкота учится в местных школах. Маленький Федька,

сын коммунара, сказал мне, что он никогда не уедет из коммуны, что коммунар — это самая лучшая профессия, если не считать военного командира и фотографа. Федька хороший парень, он принял активнейшее участие в торжестве, кричал «ура» и хлопал в ладоши.

Но самого Степанюка, федькиного отца, я так и не видел сегодня — ни на митинге, ни в столовой. Да! Ведь, он обижен — обозвали толстяком!

— Где Степанюк? — спрашиваю я у коммунаров.

— Кто его знает, — недружелюбно отвечает один коммунар, — куда-то ушел он!

— Степанюк!..

Он сидит на траве в лесочке, позади утепленного скотного двора на сто двадцать голов. Смотрит скорбно, но вместе с тем говорит любезно:

— Жарко. И жажда. Гуляете?

— Вы давно, Степанюк, в коммуне?

— Порядочно. Около двух лет. Я ведь не по сплошной коллективизации попал! — отвечает он оборонительным тоном. — Я не из тех, что к нам набежали, а потом разбежались и инвентарь растащили. Что коров за хвост вытягивали. Сколько раз они план пересоставляли посевной — все положение менялось! Нет, я пришел сам, добровольно. И кто скажет, что я плохой коммунар? Я работаю. Верно, был я единоличником долго, когда они тут бились. Эх, вот правило я придумал — новые коммунары в новых коммунах жить должны, а старые в старых. А то между новыми и старыми и разногласиев нет, но и общности не наладилось.

— Это ерунда! Ведь другие новые коммунары живут и не жалуются.

— Конечно, конечно! — радостно соглашается Степанюк.— Другие ничего живут. Но ведь они худощавые. Я же, понимаешь, толстый. На пластинку, говорят, не влезешь! А может у меня в роду все такие были крупные да рыхлые. Может это от почек? Виноват я в том?

И верно, велика разница между Степанюком и теми. Те коричневые, сухощавые, замкнутые, а этот — совсем иной, легко переходящий от смеха к грусти. Тяжелый и, в то же время, какой-то воздушный.

— Они меня по обличью за кулака принимают, как тех кулаков, что на плакатах пишут. А я по всем справкам середняк. Жил индивидуалом, но кулаком никогда я не был. Крестьянство бросал я, на баржах плавал, на постройках работал, но все меня обратно к крестьянству тянуло. Тянуло меня! Мог бы в городе жить не хуже. Но поре-

шил — с крестьянством в коммуну. И работать буду, если не выгонят. И не пристало бы им мной брезговать.

Неужели он не станет счастлив до тех пор, пока не похудеет от огорчения? Парадокс!

— Мнительность, — говорю я. — Никто вами и не брезгует. Пойдем спектакль смотреть.

Сумерки. Степанюк колеблется в нерешительности, затем медленно приподнимается с травы, напоминая собой розовый, тяжелый, не туго надутый воздушный шар, пролетевший большой и нелегкий путь и не желающий лететь больше.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Окружной город одобрял деятельность коммуны «Гроза буржуазии» — коммунары ежедневно снабжали гормолочную доброкачественным молоком, поставляли в июне редиску для церабкоопа, а в августе обещали помидоров.

Но коммуне было мало одобрения окружного центра — она стремилась к большему. И вот коммунары решили послать приветствие Коминтерну, кратко обрисовав в этом приветствии лицо коммуны.

Сочиняли долго. Комсомолец Ваня и секретарь ячейки писали:

«Вождю мировой революции, коммунистическому интернационалу привет...».

— Ну, дальше!

«Наша коммуна имеет шесть тракторов системы «Фордзон».

— Это им интересно? Нет, лучше напишем так: «Мы перевыполнили план посева, засеяв вместо тысячи восемьсот га — две тысячи двадцать два га».

— Добавь: «благодаря энергии ленинградца, нашего председателя, вырвавшего фураж из горла окружных организаций».

— Идите к бесу, это не надо, что мы будем путать их, коминтерновцев, в мелкие свои дрязги. Ну, пиши: «Коммунары твердо верят, что под знаменем третьего коммунистического интернационала»...

В таком духе и была сочинена телеграмма, торжественно направленная в город с молочниками, выехавшими на рассвете. Коминтерн узнает о их существовании, узнает, что триста коммунаров живут в степи Западной Сибири близ казакской границы. Засеяли сверх плана и с нетерпением ждут мировой революции. А кто они — этого Коминтерн из телеграммы не поймет. Мы поясним Коминтерну, кто они такие, эти коммунары. И кем окружены они важно знать.

— Какие-то ребята из единоличного сектора наши сеноко-

сы пользуют! — крикнул один коммунар другому. — Ты поезжай на хутор, узнай у Ивана Иваныча. Он выяснял.

И мы поехали на хутор.

Хутор небольшой, плоский, белый. Верблюд лежит на широкой песчаной дороге, и с верблюжьей морды на желтый песок упали зеленые клочья пены. Огненно-рыжий мальчик дразнил верблюда, и верблюд плевался. Теперь огненно-рыжий мальчик оставил в покое раздраженного верблюда и пошел ловить петуха. Мальчик балуется и некому его унять. Почтенный человек, которому следовало бы унять мальчика, задремал.

Дремлет он, сидя у белой стенки, там, где мальва густо-густо переплетает веревки. Сидит он, широко раздвинув босые ноги, скрестив на груди руки, низко опустив голову в соломенной шляпе, круто надвинутой на длинный облупленный нос.

— Иван Иваныч!

— О, что вы? Я дремал, — говорит он вставая. — Я много устал. Да, да, я был в деревне, я узнал, кто косил наше сено. Это глупый заяц, один остер-раиш кирсгефанген.

— Иван Иванович, выражайся по-русски! — говорит коммунар.

— Аустрийский военно-пленный, — медленно по складам говорит Иван Иванович. — Это самый некультурный человек— австрияк. Его подучила баба. Я говорил ему — когда был война, ты сделался пленник один раз, когда тебя пригнали в Сибирь, ты сделался пленник другой раз — пленник своей баба. Муж-батрак! Почему ты не идешь в коммуну? Тебя не пускает твоя баба? Почему ты пошел косить наша трава? Тебя подучает твоя баба? Разве вам не выделен сенокос? Он говорит: «Это был мой сенокос прежде, мой заимка. Мой лошадь пошла сама на прежнее место». Я говорю: «Ты третий раз пленник — пленник свой лошадь!» Я ругал его много раз!

— А это верно, — задумчиво говорит комунар. — Австрияки в коммуну не идут. Они верно под влиянием своих баб. Бабы им диктуют. А еще вот какое у них соображение — все же на родину вернуться мечтают некоторые. И имуществом дорожат, чтоб продать.

— Он! Он бестолковый, сердито говорит Иван Иванович. — Здесь, кругом есть много всяких наций. Мужик, кокол, киргиз, латыш, мордва, у которой течет из глазок, но австрияк самый тяжелый.

— Он пришел не по своей воле.

Иван Иванович на это ничего возразить не может. Предки Ивана Иваныча вышли на восток из Западной Европы, с благословенных полей Саксонии слишком давно. При царице Екатерине появились немцы-колонисты на Руси. Поселились они сна-

чала в Таврической и Саратовской губерниях. Русское правительство предоставило им щедрые субсидии и льготы. На Волге вырос Катринштадт, превратившийся после революции в Марксштадт. Республика немцев Поволжья живет своей жизнью, немцы самарские и таврические, пришедшие в Сибирь в конце прошлого века вместе с другими переселенцами, живут по-своему. Нельзя сказать, чтоб они обрусели — большинство из них плохо говорит по-русски. В сибирских местах так же, как и в Поволжье, они сохранили особенности своего быта, живя замкнуто и не сливаясь с крестьянской массой. Они не обрусели, но германцами перестали быть давно.

Рассказ Иван Ивановича о событиях минувшего года — страницы из истории немецких колонистов в Северной Азии. Дела внутренние. Записано из подножья силосной башни.

— Я не знаю, откуда я родом, откуда родом мой род. Папаша мой тоже не знал этого, он говорил — кажется из Саксонии, он говорил — это знает дядя, который живет возле Самары. Много ли немцев в Сибири? Я слышал здесь есть девяносто тысяч немцев. Из Новосибирска нам печатают, газета «Дер-Ляндман», что значит земледелец, потому что мы, сибирские немцы, есть земледельцы. Мы живем и западных округах возле Омск, Петропавловск и еще такой трудный город... как его звать... Акмолн. Да, Акмолн. О, много немцев в Сибири! Немецкие кутора — хорошие кутора. Краснонемецкая скотина — хорошая скотина — жалко кулак резал много хорошей скотины. Жаль, что бедняк резал ее тоже. Немецкие поселки хорошие поселки, так же немцы имеют корошие сады, разные ягода умеют делать немцы. Клубнику — виктория! Ты ел? Это немецкий фокус! А девушка немецкая — плохая девушка? Красивая — только загрубела от суровой сибирской климат, плохо одета. Как всякий девка — зимой тулуп, пимы. Понял?

Я тебе расскажу последний, но неудачный шаг нашего кулачества. Когда советская власть сказала «социализм», многий зажиточный немец задумался. Когда советская власть сказала ликвидировать кулак как класс, зажиточный немец лил слеза на свою породистую корову. Я не имею желания жить социализм, я имею желание жить в Канада. Я хочу Канада! А хочет ли Канада старых немцев из советской Сибири? Такой вопрос!

Некоторый немец хотел заранее перекрасить себя в красный цвет. Я хочу рассказать такой случай, который сам видел. Это было много раньше. Мужик сосед тогда не хотел в колхоз. Он говорил — «НЭП»! «Обогачься» — сказал Бухарин! Ну, ладно, пусть так. Один хитрый богатый немец говорит: «А все же будем посмотреть вперед на социализм. Пусть сразу будет колхоз, но, конечно, добрый немецкий колхоз».

И он сделал такой колхоз, такой сельхозартель, где члены то исключаются, то приключаются, а сам председатель себе сидит, не выпуская руль из своих рук, а жена командует, куда поворачивать. И у них есть помощник командира, тоже активный работник по совместной обработке советской власти и они давай распоряжаться. Кассы у них в руках, они покупают себе чай, сахар, мануфактуру, все что угодно.

Подходит тридцатый год. — О, сельхозартель! Почему до сих пор не хочешь обобществлять своя скотина? — так говорят из города, и тогда они пугаются. Председатель гонит своих коров на базар в город и помощник тоже гонит своих коров на базар в город. И член колхоза за ними гонит своих коров на убой. Председатель собирается бегать в Канада или Аргентина, заместитель тоже туда, но напился пьян, все перепутал в своя голова, покупает на барахолке себе роскошь — граммофон, диван, зеркало и прочее. Бедняк не собирается бежать никуда, но ах! он продал своя корова, а деньги с'ел. Вот колхоз. Зажиточный немец уехал в город, на Кавказ, на Дальний Восток, бедняк остался. Бедняк идет в коммуна. Бывает иначе, но бывает так. Я рассказал тебе один случай.

Бедняк остался. Немецкий бедняк, русский бедняк, украинский бедняк, бедняк киргизский. Идут они в коммуну и вкладывают в нее все, что имеют.

В тот же вечер на хуторе, на белом хуторе, поросшем розовой мальвой, ожидали какого-то Ганса. Наконец, Ганс явился верхом на коне. Ганс оказался татарином.

— Мы его зовем так для удобства, — пояснила дочь немца Ивана Ивановича: — у него очень трудное татарское имя.

Эта девушка мало напоминала немку. Она была темноволосая и черноглазая.

ЛЮДИ И ЗАПАХИ

Ночью в степи владычествуют запахи. Предметы отступают во мрак, запахи вступают в свои права, набегают, борются, сливаются один с другим, делая понятным многое из того, что при дневном свете не разберешь, недооценишь.

Степная целина пахнет полынью. Полынный запах целины поглотил черноземные испарения возделанного поля. Целины и долголетней залежи у коммун больше, чем посевов. Надо много тракторов.

Широкая дорога пахнет конской мочей. Миллиарды конских копыт промелькнули над этой дорогой, стирая редкие следы трактора или стремительных автомобильных шин. Мотор долго

еще будет помощником коню, изношенной хилой скотине, о которой никто не хочет думать.

Я слушаю запахи. А о сибирской лошади поговорите с агрономом-зоотехником Переберины. Он давно хочет «заострить общественное внимание» (как он выражается) на сибирской лошади, но ему все не удается напечатать статью — мешает текущая работа с конем.

Если вы попросите агронома рассказать о сибирской лошади, он промолвит, пожав плечами:

— Сибирская лошадь произошла от прилития крови западной лошади к лошади монгольской во время колонизации Сибири. Тарская лесная лошадь, например, отличается довольно плотным телосложением, выносливостью. Степная лошадь Западной Сибири — низкорослая, плохо сложена, выносливость — единственное доброе ее качество. Плохо она тянет, но, все же, если хоть слегка подкормлена — с ног не падает довольно долго.

Такова, по мнению знатока, хилая масса крестьянских степных лошадей. Преувеличивает он? Может быть немного и преувеличивает, с благой целью остановить на лошади человеческое рассеянное внимание.

Конечно, есть и прекрасные кони улучшенных пород. Но ими владели, главным образом, кулаки. При ликвидации кулачества как класса хозяева распродали за бесценок значительное количество добрых коней.

Неурожай трав и овса в прошлом году также способствовал гибели племенного конского состава.

Теперь колхозы должны позаботиться об улучшении того конского состава, каким владеют. Если к сибирской лошади прилить кровь орловского производителя — получится неплохое потомство. Рост и выносливость. В несколько лет, при желании и старании, можно ликвидировать этот прорыв. А создав коня, разумеется, нужно держать его в приличных условиях, кормить как следует, не презирать его, надеясь на то, что через год все равно вся Республика будет обрабатывать землю тракторной силой.

Тут агроном-зоотехник вздохнет и добавит:

— Далеко не все колхозы это уяснили. Вот мы с конюшни Молживсоюза посылаем им производителей. Видели вы «Берендея»? Прекрасный конь. Так он подох.

Коммуна — коммуне рознь. В одной презирают лошадей, надеясь на трактор, в другой возвеличивают лошадей, потому что имеют только один Фордзон, да и то никуда негодный. Тут уже ничего другого не остается, кроме как похвалить лошадей.

Хороши лошади вот в этой коммуне, где я ночую сегодня. Это казачья коммуна. Здесь вековая любовь к коню.

А пахнет (вернемся к запахам) это человеческое поселение, бывшая казачья станица, ныне превращенная в центральную усадьбу коммуны, — пахнет оно скверно: гнилью и пылью. Что может быть скучнее прииртышской казачьей станицы? Мрачные, прямоугольные срубы, — один, другой, десятый, сотый — вытянулись по обеим сторонам дороги, уходя во мрак. Ни дерева, ни палисадника, ни травинки. Уныло здесь жили казаки.

И вдруг, сквозь прозаические запахи гнили, конской мочи и навоза, проскальзывает новый, необыкновенный. Это принято называть «ароматом». Сначала к этому аромату (согласимся называть его так, в отличие от запахов) относишься недоверчиво, думаешь: вот кто-то франтовской привез из города духи. Граненый флакончик с притертой пробкой. Немного погодя новый порыв ветра. При всей своей неопытности в парфюмерии начинаешь сомневаться, что пахнет духами. Запах естественный. Припоминаешь отрывочные сведения из химии, которые когда-то усвоил. «Если духи гонятся из каменного угля, то уголь, дающий столь неприятный дым, при известной химической обработке начинает источать аромат». Может быть и здесь соревнующиеся запахи коней, земли, гнилушки, полыни образуют новый ласкающий аромат, тот самый, которым восхищались любители сельских идиллий?

Ночь. Городской следопыт, человек, которому не хочется спать, я иду на запах. Маленькие квадратные глазки казачьих изб темны и бесстрастны. В канцелярии коммуны еще светло. Желтый, неяркий ком керосинового сиянья. Спины счетоводов. Щелк счет.

А на завалинке дремлет сторож, старик, вооруженный ружьем. Я сажусь рядом и об'ясняю этому старому казаку, чьи ноги кривы от трех конных набегов на Семиречье, Джунгарию и Фергану, чья речь все еще «точно-такает» и «никак-некает» по-старинке, я об'ясняю ему свои сомнения относительно запахов. Я рассказываю ему о лошадях, о ветре, об избах...

— Вы, как член типографии, должны быть любитель прекрасного, — хрипло отвечает мне старый казак. — Извиняюсь! Я сам любитель прекрасного. Я так думаю — один только в нашей станице прелестный запах может быть слышен — запах комиссаровых цветов. Из окошка бухгалтерши вы его учуяли. Комиссаровский сад нашей коммуны — великое украшение, а детишкам, извиняюсь, — компот. Завтра утречком поглядите на сад; на розы, на пионы разнообразные. На австралийское дерево, березу, но черную, потому что в Австралии, будто бы, как я наслышан, все наоборот. Даже солнце на севере будто бы.

— Мы и при Колчаке воевать не хотели, не то, что после

Колчака. Начальство наших ребят палками гнало, чтоб шли к Колчаку.

— Мы говорим «довольно войны». Тогда начальство нас хитростью да лестью, что будто не с красными драться, не на фронт, а в город на охрану своего казачьего имущества идем. Ну, мы и канителились до самого конца. А после того, в двадцатом году начальство восставало, а что до нас, так мы ничего не имели против советской власти. Вот, товарищ, все говорят будто казаки на батраках ехали. А будто казаки сами в батраках не были. Я сам казак. С семи до девяти лет в школе учился, а после, до призыва на действительную, батрачил. Батрачил у богатого казака ровно киргизенок.

Казачья беднота, организовавшая коммуну, дисциплинированные и грамотные работники. План посева выполнили с превышением. Вызывают соседнюю коммуну на соревнование — кто быстрей выполнит сенокос и взмет паров.

— Вы кажется кандидат партии? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает он сдержанно... — А вот и сад.

— Где сад?

— А вон, видите тот лесок, ближе к Иртышу.

Эта рощица издали мало чем отличается от других березовых рощиц. Но, под'ехав ближе, видишь, что она ограничена забором. А над листвой высятся широкие кроны хвойных деревьев.

Переселенец Комиссаров пришел из-за Урала в Сибирь лет тридцать назад. Был он, конечно, крестьянин и кроме того умел варить дрожжи. Страдая глухотою на оба уха, пристрастился он к чтению сельскохозяйственных книжек. Это ему, видимо, заменяло услады устной беседы. С некоторых пор Комиссаров начал проявлять странности — гулял по снегу босиком, лысую, как колено голову, перестал покрывать шапкой. Оказалось, — проделывал первые опыты для победы над климатом.

«Если человек может приучить себя к холоду, почему нельзя приучить к тому же самому и растение» — так рассуждал глухой самоуглубленный человек, рассматривая пестрые изображения красивых нерусских цветов и деревьев на страницах каталогов.

Хутор Комиссарова — в четырех километрах от казачьей станицы. В станице — ни дерева, у Комиссарова — целый сад. Яблоки. И с каждым годом на этих яблонях плоды все крупней и крупней. И с каждым годом все больше малины, смородины, крыжовника.

Доход с сада позволял выписывать дорогие и необыкновенные саженцы. Вслед за американской смородиной и какой-то канадской вишней в саду появилось тутовое дерево, туя и заветные

кипарисы. Большинство из этих экзотических растений росли плоховато, но садовод не унывал. Это была отважная борьба с природой. «Сам» степной генерал-губернатор, посетив сад, сказал одобрительно:

— Ермак Сибирь покорил, а ты, Комиссаров, климат сибирский покоряешь.

— Хочу вырастить австралийское дерево, ваше высокопревосходительство, — отвечал босой и важный старик, — березку австралийскую, черную. В Австралии, ваше высокопревосходительство, там все наоборот.

— Старайся, Комиссаров, но не гордись. Очень ты горд.

Старик помер от тифа в первые годы советской власти. Сад зарос сорняками.

Изредка в саду появлялись орды городских экскурсантов. Экскурсанты, вырвавшись из пыльного, душного города, наслаждались природою так усердно, что треск ломаемых ветвей доносился до хутора, где обитала вдова Комиссарова.

Вечером экскурсанты возвращались в город с букетами розовой, лиловой и желтой сирени. С тем же пароходом, следом за экскурсантами, ехала в город причитающая вдова садовода. Жаловаться.

Теперь, когда несколько селений — казачья станица, мордовский выселок, немецкий хутор — слились в коммуну, сад перешел этой коммуне.

— Рассчитываем на высокий урожай плодов и ягод, если не нынче, так в будущем году.

Очень запущен этот сад. Много над ним работы.

Садовники-немцы орудуют громадными ножницами, казачата развозят по аллеям бочки с водой. Девочки полют траву. А в середине сада, там, где коммунары соорудили грядку цветов в виде пятиконечной звезды, сбоку есть холмик.

— Могилка, — полушопотом говорит девочка с серпом в руках.

— Чья?

— Комиссарова. Комиссара, который сад насадил.

Вот оно — молодое поколение. Маленькая девочка с серпом в руках, должно быть, думает, что похороненный здесь человек носил галифе с леями, зеленую гимнастерку, а сбоку большой наган.

Пришел комиссар и посадил садик.

Так возникают легенды.

ОГЛАВЛЕНИЕ

П. Стрижков.
Завод черного металла 3

М. Мишле.
На лесах комбайнстроя 27

П. Стрижков.
Кемеровский кокс 40

М. Никитин.
Второй гигант 60

Л. Мартынов.
Фабрика мяса 78

Н. Добычин.
Зеленый комбинат 90

М. Никитин.
Золотое руно 100

А. Коптелов.
Рапорт колхозных полей 110

Л. Мартынов.
Степные коммуны 128

Омская Центральная
БИБЛИОТЕКА
№30292.

Цена 1 р. 50 к.